

Роза мира в кратком изложении

Николай Николаев 10

Перед вами сокращенный, насколько это возможно, вариант книги Даниила Андреева «Роза мира». Много лет назад, прочитав этот труд целиком (не с первого раза), я понял две вещи: во-первых, что это великая книга, которую надо знать образованному человеку, а во-вторых – уж очень трудно её осилить. Большая по объему и изобилующая новыми и непонятными терминами и определениями, «Роза мира» тяжела в познании, в освоении ее содержания. На протяжении десяти лет я перелопачивал этот труд, чтобы сократить его, сделать доступнее читателю, и вот завершив это дело, отдаю в пользование общественности. Уверен, что предлагаемый мною вариант «Розы мира» стал легче для понимания, и каждый желающий сможет теперь познакомиться с содержанием этой знаменитой книги за два-три присеста. В сокращённый вариант «Розы мира» я ничего от себя не добавлял, не искажал, а постарался добросовестно и честно изложить все основные мысли и постулаты этого учения в их первоизданном виде.

Николай Николаев, журналист, редактор газеты (сегодня - пенсионер, живу в г.Костроме).

ОСНОВА

Многослойность

Наша Вселенная многослойна, т.е., всё её пространство с планетами состоит из слоёв. Каждая планета имеет свой набор слоёв, свою брамфатуру (словарь новых слов размещён в конце книги)*. Брамфатура планеты Земля насчитывает более двухсот слоёв и носит имя Шаданакар. (Эти два слова – брамфатура и Шаданакар – будут встречаться в «Розе мира» очень часто). Каждый слой неповторим, отличаясь от других и по размеру, и по содержанию. И в каждом слое проходят свои события и процессы. Большинство слоёв имеют связь – структурно и метаисторически – с одним или несколькими другими слоями, и образуют свою некую систему, или мир, который называется сакуалой (о них позже). Слой, в котором обитает человечество, носит имя Энроф – это слой-одиночка, ни с одним из других слоёв Шаданакара он, к сожалению, не связан и люди не видят других слоёв. Переход из слоя в слой у всех разный. Например, из нашего слоя, из Энрофа, человек может перейти в другой слой лишь в результате труднейшей материальной трансформы – физической смерти своего тела. После такой смерти физическое тело остаётся на земле, а в другой слой переходит некая субстанция «Я», которую мы называем духом. Есть слои, между которыми ещё более плотные преграды, чем у нас, но таких мало, пишет Андреев. Гораздо больше существует таких сакуал (объединённые в один мир несколько слоёв), внутри которых переход из одного слоя в другой требует от существа лишь некоего особенного внутреннего состояния. Или даже столь же прост, как, скажем, пересечение границы другого государства. Пространство и время в слоях имеют различное число координат. Есть слои, в которых пространство также трёхмерно, как у нас, но время там имеет не одно, а несколько измерений. В других слоях – четыре или пять пространственных координат и несколько временных. В большинстве слоёв Земли число временных измерений превышает число

пространственных. Энроф (наш слой, в котором мы живём) является одним из редких исключений, где число пространственных координат (их, как мы знаем, три) превышает нашу одну временную. В высших слоях нашей брамфатуры число временных координат достигает огромной цифры – 236.

Человечество привыкло к одной временной координате и нам трудно понять, представить «несколько временных измерений». Андреев пишет об этом так. В слоях с несколькими временными измерениями время течёт параллельными потоками, но с разными скоростями. При этом центр события находится в одном или в двух временных потоках. И обитатели такого слоя действуют преимущественно в одном или двух временных измерениях, но существуют во всех них и сознают их все. Такая синхроничность бытия даёт особое, неизвестное людям, ощущение полноты жизни.

Дух, материя, монада

Во всех слоях Шаданакара, куда входит наша планета Земля, обитают некие сущности, основа которых одна – дух. Что же такое – дух? Прежде чем ответить на этот вопрос, Д.Андреев делает оговорку о том, что очень трудно объяснять земными человеческими словами то, с чем люди никогда не сталкиваются в жизни; и об этом надо помнить. Дух, пишет он, – это некая субстанция, которую мы – не точно, а лишь в порядке первого приближения – можем сравнить с тончайшей энергией. Дух, сотворённый Богом, называется монадой. Монада – это высшее «Я» человека, это высшая и неделимая его духовная единица. Каждая монада индивидуальна и неповторима и все они отличаются между собой степенью своей врождённой потенциальной масштабности и неисчерпаемым различием жизненных дорог. Подчеркнём ещё раз: монады – это творимые Богом духовные единицы. Однажды родившиеся (созданные Богом) монады бессмертны.

Как, каким образом происходит появление (рождение) монады – неизвестно, для чего – тем более, это дело Творца, Его секрет, о котором Андрееву ничего не сообщили. А вот из каких материй состоит человек, из чего он, так сказать, формируется – об этом ему была дана информация.

Созидательный путь от монады до человека выглядит так. Созданная Богом монада помещается в Ирольн – в один из слоёв Земли (Шаданакара). Оказавшись там, монада облекается, как бы автоматически, в шельт – в материальность этого пятимерного слоя. Затем шельт создаёт для себя астральное тело. Астральное тело и шельт становятся тем «Я», которое начинает своё странствие по слоям нашего мира. Важно: сама монада всё это время остаётся в Ирольне, но имеет постоянную трансфизическую связь со своим шельтом. Далее создаётся эфирное тело, которое, как некий сосуд, должно сберечь и шельт и астральное тело в нашем трёхмерном слое на земле. Само же физическое тело человека из плоти и крови создаётся в последнюю очередь ангельскими иерархиями и великой стихией человечества – Лилит (о стихиях разговор впереди).

Роль самой монады во всём этом сложном «спуске» человеческой сущности в наш мир заключается в том, что каждая монада, имея свою индивидуальность, придаёт человеку неповторимость. Процесс спуска на землю завершается, как мы знаем, рождением человека. Таким образом, родившийся человек, кроме плоти и крови, состоит ещё и из невидимых нашему глазу шельта, астрального тела и эфирного тела. А где-то там, в Ирольне, находится ещё и его бессмертная монада, которая имеет невидимую связь с сущностью, спустившейся на землю. С этого мгновения (рождения на земле) начинается процесс её развития, восхождения.

После физической смерти человека его тело остаётся на земле, а душа (шельт, астральное

тело и эфирное тело) отягощённая, как правило, грехами, попадает в нижние слои – в чистилища. Там дух очищается страданием и, облегчаясь, поднимается, с помощью Светлых сил, в верхние слои. Очищенная от грехов и поднятая наверх Сущность должна принять решение: вернуться на землю (воспользоваться законом реинкарнации) или продолжить движение вверх. Возврат в Энроф в образе человека может повторяться снова и снова – по воле самой монады. При этом человеческая Сущность сохраняет и эфирное тело, и астральное, и, конечно, шельт.

Возвращение монады в образе другого человека на землю (в Энроф) происходит по разным причинам, в том числе и субъективным самой монады. Но, наверняка, это связано с реализацией той единственной задачи, которая стоит перед каждой монадой – подготовкой и подъёмом в миры Высокого Долженствования. Сам подъём схематично выглядит так. После смерти на земле с Сущностью остаются эфирное тело, астральное тело и шельт. После небесной страны, отправляясь выше в миры Высокого Долженствования, с человеческой Сущностью остаётся только астральное тело и шельт, а при движении ещё выше – остаётся только шельт. Просветлённый до конца (предельно истончённый) шельт сливается с монадой в одно целое и вступает на лестницу наивысших миров Шаданакара. Высоко поднявшаяся (высокоразвитая) монада может быть там, здесь, во многих точках мироздания одновременно, но она не вездесуща, вездесущ только Дух Божий.

Сверхнарод, метакультура, мифы, трансмифы

Сверхнарод – это отдельная большая нация, либо совокупность наций, проживающих в одной стране и объединённых общей культурой. Каждый сверхнарод имеет свою индивидуальность и чёткое отличие от другого народа. Любой такой сверхнарод имеет своё метаисторическое отображение в иноматериальных слоях: небесную страну для праведников и нисходящие слои демонического ряда.

Таким образом, наш многослойный Шаданакар (брамфатура Земли) состоит как бы из сегментов, каждый из которых принадлежит тому или иному сверхнароду человечества. В каждом из таких многослойных сегментов слой Энроф (в котором проживает человечество) занимает, можно сказать, центральное место. Ниже Энрофа расположены нисходящие слои, выше – восходящие. Эти многослойные сегменты Шаданакара, принадлежащие какому-то одному сверхнароду, называются метакультурой этого сверхнарода.

Каждый народ имеет свою мифологию, свои мифы. Миф – это осознание сверхнародом некоей второй реальности, которую чувствуют все сверхнароды и которая является объектом художественного и философского осознания и постижения. Андреев называет это трансмифом и объясняет механику его возникновения. То есть – трансмиф – это вторая реальность для человечества. Но познание этой незримой реальности доступно не всем людям. Её воспринимают, как правило, отдельные одарённые личности через сновидения, интуицию, художественные наития или религиозные созерцания. Воспринимают и затем выражают в словах и образах: в прозе, поэзии, музыке, живописи, в сказаниях и сказках. Понятно, что даже одарённому человеку, с его трёхмерным восприятием, очень сложно сформулировать, найти точные аналогии для выражения увиденной им реальности иномерных миров, миров с 3-4-5-мерными пространственными координатами и с ещё большим числом временных. Да и само осознание этой второй реальности, проходя через человеческую природу поэта или художника, конечно же искажается самой человеческой природой, индивидуальной особенностью человека. Но люди рассказывают об увиденном и почувствованном, как могут. И – рождаются песни, сказки, былины, художественные произведения об аде и рае, о загробной жизни и «небывалых» существах. И рождаются

мифы.

Такого рода человеческое творчество, рассказывающее об иной реальности, не может не привести к многочисленным искажениям, абберациям и неточностям. Поэтому мифы у разных народов разные. Но при внимательном и глубоком их рассмотрении обнаружится одна очевидная вещь: трансмифы всех народов, отличаясь друг от друга в деталях, сходятся в одном главном – все они обязательно содержат два полюса метакультурной сферы – небесные страны (для праведников) и чистилища (для грешников). Рай и ад – в общем понимании.

Таким образом, получается, что у всех народов есть только три сферы обитания: сам народ, обитающий в Энрофе (слой, в котором пребывает человечество), некая небесная страна над ним (затомис), где находятся безгрешные души, и ад (шрастр) – обители демонических сил, в плен которым попадают души грешников этого народа. Причём, во всех мифах всех народов наиболее ярче и чётче отражены именно верхние слои – затомисы. Например, Олимп у греков, Эдем в Византии, Джаннет у арабов, Шан-Ти в Китае, Монсальват у Северо-Западных народов, Китеж в России.

О создании и развитии мира

Книга «Роза мира» не даёт чётких ответов на вопросы: кто создал этот наш материальный мир? когда? каким образом? зачем? В рамках своего учения Даниил Андреев описывает те изначальные процессы, которые происходили в нашей Вселенной на её заре. Это не плод его фантазии, а та информация, которую он получил от своих «друзей сердца», как он их называет. Он пишет: «Может быть, читающий эту книгу упрекнёт меня в недостатке воображения..., но ведь именно игру воображения я стремлюсь изгнать с этих страниц, и чем беднее они фантазией – тем лучше. Здесь остаётся не то, что лично я предпочёл бы, но то, что получило подтверждение в моём духовном опыте».

Итак, о создании мира Андреев сообщает нам следующее.

Мир был создан Божественным Провидением (Богом) бесконечно много веков назад. Вселенский план заключается в следующем. Он (Бог) создаёт этот мир, помещает в него созданные Им же монады, которые, развиваясь и духовно возрастая, стремятся к высшему единению с Создателем (Богом). Непременным условием развития монад и их восхождения по ступеням развития всё ближе и ближе к Богу лежат три врождённых ему божественных свойства: свобода, любовь и Бого-сотворчество. Бого-сотворчество – цель, любовь – путь, свобода – условие. То есть, высшая цель каждой монады – приближение к Богу, слияние с Ним, но с сохранением своей творческой личности, своего Я.

Появление тёмных сил и их суть

Человек рождается на земле уже с Божьим духом внутри. По замыслу Бога люди живут на этой планете, развиваются духовно, творят каждый в своей сфере, возрастая духовно и постепенно приближаясь своим состоянием труда и творчества к Богу (Бог – великий творец). По великому замыслу на это отпущено бесконечно много времени, и этот бесконечный процесс должен был длиться и длиться без войн и страданий на основе любви и мира. Но появились тёмные демонические силы, которые начали, и до сих пор ведут, неустанную борьбу с Провиденциальными светлыми силами.

Откуда взялись эти демонические силы, если мир созданный Богом, не предусматривал их? Появление демонических тёмных сил, сил зла, связано со следующим фактом: в

незапамятной глубине времён некий дух, один из величайших к тому времени духов, называемый нами Люцифер (или Денница), отступил от своего Творца, чтобы создать свою вселенную. То есть, созданная Богом монада, достигнув неких высот в своём индивидуальном развитии, отступила от замысла Бога.

К отступнику примкнуло множество других монад – больших и малых. И они начали создавать свои миры. Однако новые миры, несмотря на все усилия их создателей, оказывались непрочными и рушились один за другим – в них не было объединяющего принципа любви и со-творчества. Со временем, после многочисленных безуспешных попыток, отступники поняли, что им не под силу создать свой долговечный мир, что для этого у них не хватает чего-то такого, что есть у Творца. И тогда демонические силы решили не создавать новые миры со своими законами, а завоёвывать существующие, уже созданные (или создаваемые) Провиденциальными силами, внедряя в них свои законы. Отсюда берёт начало борьба светлых и тёмных сил.

Тёмные силы атаковали много планет, в том числе и Землю. Великий демон Гагтунгр, один из сподвижников Люцифера, вторгся в Шаданакар (брамфатуру Земли) со своими полчищами. Была длительная и упорная борьба, однако изгнать силы Света из нашей брамфатуры (система слоёв Земли) силам Гагтунгра не удалось. Его частичная победа ознаменовалась искажением действующих планетарных законов и созданием внутри нашей брамфатуры нескольких своих новых демонических слоёв. Например, в животном царстве Энрофа не было закона взаимопожирания, этот демонический закон внедрён Гагтунгром. То же и с законом смерти – до вторжения демонических сил на Земле не было страданий, из слоя в слой сущности переходили путём безболезненной трансформы, а не через физическую смерть, сопровождающуюся, как правило, страданиями.

Все, и даже демоны, вынуждены считаться с законами существующего мира, потому что они оберегают мир от погружения его в хаос. Поэтому демоны не опрокидывают законы, но утяжеляют их. Просветлить законы во мгновения ока невозможно даже прямым вмешательством Божества, но они просветляются путём длительного космического изживания злой воли богоотступнических монад.

Восстание Люцифера против Бога имеет такой смысл. Великий демон захотел сам стать Богом. Но это у него не получилось, потому что он лелеет мечту стать владыкой Вселенной, подчиняя себе волю и желания всех остальных монад. Люцифером руководит такой принцип: «Есть Я и есть не-Я; всё не-Я должно стать мною». Другими словами: все и всё должны быть поглощены этим единственным, абсолютно самоутверждающимся Я. То есть, у любой сущности отнимается и воля, и свобода выбора, и она становится рабом тирана – против своей воли. Для этого, по замыслу Люцифера (и подобных ему демонических монад), нужно силой (страхом и страданием) подчинить себе всё и всех, заставить жить в его интересах.

Бог же, создавая монады, вкладывает такой смысл – развивайтесь, стремитесь ко мне, берите у меня всё, станьте мною, – Он как бы отдаёт Себя. В этом коренное отличие. И из этого вытекает, что демонические монады если и объединяются, то временно, поскольку, по существу, они соперники не на жизнь, а на смерть. Если некая группа демонических монад захватывает власть, вскоре вскрывается это противоречие, и начинается взаимная борьба внутри группы и побеждает сильнейший. Вот почему противобожеское начало – есть тирания и она присуща любому демоническому Я.

Пища тёмных сил

Тёмные силы есть везде, они окружают каждого человека, каждую душу, ведут

многообразную работу по завоеванию нашего мира, по завоеванию наших душ. При этом целью их неустанной борьбы является не только продвижение их общего дела, но и получение для себя пищи. Дело в том, что всякое чувство человека, всякое волнение его душевного естества, а тем более страдание, дают соответствующее, невидимое нам, излучение. Вот этими-то излучениями и питаются демонические сущности. Человеческие излучения отрицательных эмоций (злобы, ненависти, алчности, похоти), которые появились в нашем мире усилиями Гагтунгра, проникают в демонические слои и служат пищей для их обитателей.

К наиболее сильным излучениям относятся излучения страдания и боли – так называемый гаввах. Гаввах способен насыщать гигантские толпы демонов почти всех видов и рангов. По существу, гаввах – их пища. Гагтунгр искажает законы Шаданакара для того, чтобы породить и умножить страдания. Демонические силы превратили некоторые слои Шаданакара в миры возмездия, через них проходят грешные души умерших людей. В этих демонических слоях царствуют мучители, питаясь излучениями страданий грешников (об этом подробнее позже).

Среди различных видов гавваха особое значение имеет тот, который связан с истечением физической крови. Когда кровь людей или животных вытекает из организма, то в первые минуты этого процесса она выделяет жгучее излучение особой силы. Поэтому некоторые классы демонов заинтересованы не столько в смерти живых существ Энрофа и загробном страдании их душ, сколько именно в кровопролитиях, в войнах. Ни одно кровопролитие в истории человечества не происходило и не происходит без внушения этих потусторонних кровопийц. И кровавые жертвоприношения в некоторых древних культурах (якобы для богов) были ужасны не только своей жестокостью, но и тем, что питали не богов, а именно этих демонов, врагов Бога.

Роль Бога

Возлагать ответственность за жестокость нашего мира на Творца, на Бога – неверно. И те из верующих, которые смиряются с догматом о «вечных муках» за человеческие грехи, не замечают очевидного абсурда: как можно за временный грех воздавать вечные страдания? И мысль о том, будто и жестокие законы созданы по божественной воле, неверна и просто кощунственна.

Какова же роль Бога в противостоянии добра и зла, как Он может попустить само существование несправедливости и всех чёрных дел на земле? С точки зрения «Розы мира» это выглядит так. Да, ни единый волос не упадёт без воли Отца Небесного, не шелохнётся ни единый лист на дереве. Но это следует понимать не в том смысле, что весь мировой Закон в его совокупности есть проявление Воли Божией, а в том, что становление свободных волей, которое представляет собой Вселенная, санкционировано (разрешено) Богом. Бог даёт свободу. И именно из-за наличия множества свободных волей появляется возможность отпадения от Бога и создание отступниками антикосмоса. Становится возможной сама борьба с Богом, которая, конечно же, обречена на поражение.

МИРЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Приступаем к описанию иных миров. Слои восходящего ряда состоят из миров

просветления, затомисов (небесных стран метакультур), средних и высших слоёв Шаданакара. Свой рассказ о мирах просветления Даниил Андреев предваряет таким рассуждением: «Так как решительно всё, о чём я рассказываю в этой книге, имеет бездоказательный источник, я не вижу больше оснований молчать о прорывах моей глубинной памяти; надо было или не начинать книги совсем или, раз уже начав, говорить обо всём. К тому же меня укрепляет надежда на то, что читатели, не доверяющие мне, отсеялись уже после первых глав и следить дальше за моим изложением будут лишь люди, преднастроенные благожелательно».

Олирна

Андреев пишет, что благодаря имеющейся у него врождённой приоткрытости глубинной памяти, он постепенно вспомнил две свои предыдущие жизни. Про первую он нигде в книге не упомянул, а вот про вторую рассказал подробно. (Далее цитатами и в изложении приводим его свидетельства, как очевидца). «Долгими мучениями и горькими утратами в последней жизни я успел и смог развязать узлы ещё в Энрофе, оплатив совершённые в молодости срывы и ошибки, и впервые оказался свободным от необходимости искупляющих посмертных спусков в глубину слоёв возмездия, где страдальцы развязывают кармические узлы, завязанные ими при жизни. И в первый раз я умирал с лёгкой душой. О первых часах, даже о нескольких днях моего нового бытия, мне до сих пор ничего не удалось вспомнить. Но зато я помню несколько местностей того нового слоя, в котором долгое время существовал вслед за тем. Я помню, как белые башнеобразные облака необыкновенно мощных и торжественных форм стояли почти неподвижно над горизонтом, вздымаясь до середины неба: сменялись ночи и дни, а гигантские лучезарные башни всё стояли над землёй, едва меняя очертания. Но самое небо было не синим и не голубым, но глубоко-зелёным. И солнце там было прекраснее, чем у нас: оно играло разными цветами, медлительно и плавно их сменяя, и теперь я не могу объяснить, почему эта окраска источника света не определяла окраски того, что им освещалось: ландшафт оставался почти одинаков, и преобладали в нём цвета зелёный, белый и золотой.

Там были реки и озёра; был океан, хотя увидеть его мне не довелось: раз или два я был только на побережье моря. Были горы, леса и открытые пространства, напоминавшие степь. Но растительность этих зон была почти прозрачна и так легка, какими бывают леса в северных странах Энрофа поздней весной, когда они только начинают одеваться лиственным покровом.

Наконец-то я мог убедиться, что утешение, которое мы черпаем из старых религий в мысли о встречах с близкими, – не легенда и не обман, – если только содеянное при жизни не увлекло нас в горестные слои искупления. Некоторые из близких встретили меня, и радость общения с ними сделалась содержанием целых периодов моей жизни в том слое – Олирне. Общение с близкими не содержало никакой мути, горечи, мелких забот или непонимания, омрачающих его здесь: это было идеальное общение, отчасти при помощи речи, но больше в молчании, какое на земле бывает знакомо лишь при общении с немногими, с кем мы соединены особенно глубокой любовью, и в особенно глубокие минуты.

От забот о существовании, имевших в Энрофе столь необъятное значение, мы были совершенно освобождены. Потребность в жилье сводилась на нет мягкостью климата. Кажется, в Олирнах некоторых других метакультур это не совсем так, но в точности я этого не помню. Пищу доставляла прекрасная растительность, напитками служили родники и ручьи, обладавшие, как мне припоминается, различным вкусом. Одежда, вернее, то прекрасное, живое, туманно-светящееся, что мы пытаемся в Энрофе заменить изделиями из

шерсти, шёлка или льна, – вырабатывалось самим нашим телом: тем нашим эфирным телом, которого мы почти никогда не сознаём на себе в земной жизни, но которое в посмертье становится столь же очевидным, как для нас – физическое. И в мирах Просветления, и в Энрофе без него невозможна никакая жизнь.

И всё же первое время в Олирне для меня было отравлено тоской об оставшихся в Энрофе. Там остались дети и внуки, друзья и старушка-жена – то драгоценнейшее для меня существо, ради которого я нарушил закон касты и стал неприкасаемым. Прерыв связи с ними питал постоянную тревогу об их судьбе; скоро я научился видеть их смутные облики, блуждавшие по тернистым тропам Энрофа. А некоторое время спустя уже встречал свою жену такую же юную, какой она была когда-то, но более прекрасную: её путь в Энрофе завершится несколькими годами позже моего, и теперь радость нашей встречи не была омрачена ничем.

Один за другим раскрывались новые органы восприятия: не те органы зрения и слуха, которые в эфирном теле полностью совпадают с соответствующими органами тела физического, – нет! те органы зрения и слуха действовали с первых минут моего пребывания в Олирне, и именно через них я Олирну воспринимал; но то, что мы называем духовным зрением, духовным слухом и глубинной памятью; то, к раскрытию чего стремятся в Энрофе величайшие мудрецы; то, что раскрывается там лишь у единиц среди многих миллионов; то, что в Олирне раскрывается постепенно у каждого. Духовное зрение и слух преодолевают преграды между многими слоями; жизнь оставленных мною на земле я воспринимал именно ими – ещё неотчётливо, но всё же воспринимал.

Я наслаждался просветлённой природой – такой зрительной красоты я не видал в Энрофе никогда, – но странно: в этой природе мне не хватало чего-то, и скоро я понял, чего: многообразия жизни. С печалью я вспоминал пение и щебет птиц, жужжание насекомых, мелькание рыб, прекрасные формы и бессознательную мудрость высших животных. Только здесь мне уяснилось, как много значит для нас, для нашего общения с природой животный мир. Однако те, кто знал больше меня, вселяли надежду, что древняя, смутная мечта человечества о существовании слоёв, где животные предстают просветлёнными и высокоразумными, – не мечта, но предчувствие истины: такие слои есть, и со временем я буду вхож в них».

В обширной Олирне есть места, где некоторое время находятся те, кто в Энрофе был слишком замкнут на личном, чьи кармические узлы хоть и развязаны, но душа их слишком узка и тесна. И теперь здесь, среди тихих холмов и под великолепным небом им ничто не препятствует восполнять этот ущерб, принимая в себя лучи и голоса космоса и раздвигая границы своего расширяющегося Я.

Есть также в Олирне и такие зоны, где трудятся над собой те из безгрешных, кто не верил в загробную вечную жизнь. И здесь, с помощью могущественных светлых духов, раскрываются парализованные неверием души.

«Кроме общения с людьми и наслаждения природой, время уходило на работу над своим телом: предстояло подготовить его к трансформе, ибо путь из Олирны в следующие, высшие миры лежит не через смерть, но через преобразование. Мне, как и всем остальным, предстояло преобразование эфирного тела...

Но объяснить, какими именно усилиями была достигнута моя собственная трансформа и что, собственно, совершалось в ту минуту с моим телом, я бы не мог. Теперь я припомнить в силах только то, что стало тогда перед моими глазами: множество людей, может быть сотни, пришедшие проводить меня в высокий путь. Достижение трансформы кем-либо из живущих в Олирне всегда бывает радостью и для других; событие это окружается торжественным, светлым и счастливым настроением. Очевидно, событие происходило днём, на возвышении вроде холма и, как всё в индийской Олирне, под открытым небом. Я

помню, как ряды обращённых ко мне человеческих лиц стали мало-помалу делаться туманнее и как бы несколько удаляться в пространстве; вернее, по-видимому, я сам удалялся от них, приподнимаясь над землёю. Вдали, на горизонте, я видел до сих пор полупрозрачный, будто сложенный из хризолита, горный кряж, вдруг я заметил, что горы начинают излучать удивительное свечение. Трепещущие радуги перекинулись, скрещиваясь, по небосклону, в зените проступили дивные светила разных цветов, и великолепное солнце не могло затмить их. Я помню чувство захватывающей красоты, ни с чем не сравнимого восторга и изумления. Когда же взгляд мой опустился вниз, я увидел, что толпы провожавших больше нет, весь ландшафт преобразился совершенно, и понял, что миг моего перехода в высший слой уже миновал».

Файр

«Я был предуведомлен, что в новом слое буду совсем недолго, ибо все проходящие его минуют в несколько часов, но в эти часы весь этот слой – название его Файр – будет охвачен ликованием обо мне, его достигшем. Это – великий праздник, уготованный каждой восходящей душе». Происходит нечто, похожее на праздничную иллюминацию. Однако и самые великолепные иллюминации в человеческом Энрофе в сравнении с иллюминациями в Файре выглядят очень бледно. Пребывание в Файре знаменует определённый рубеж пути: отсюда Я может ещё вернуться в Энроф, родиться на Земле и прожить ещё одну человеческую жизнь. Для тех же, кто переходит в следующий высший слой, воплощения в Энрофе могут совершаться только с определённой миссией.

«Я видел множество существ в их вдвойне и втройне просветлённых обликах: они явились сюда из более высоких слоёв, движимые чувством сорадования. Чувство сорадования свойственно просветлённым в несравненно большей мере и силе, чем нам; каждая душа, достигшая Файра, порождает это ликующее чувство у миллионов тех, кто миновал его ранее. Как передать состояние, охватившее меня, когда я увидел сонмы просветлённых, ликующих оттого, что я, ничтожный я, достиг этого мира? Не благодарность, не радостное смущение, даже не потрясение, – скорее оно было похоже на то блаженное волнение, когда смертные в Энрофе предаются неудержимым и беззвучным слезам.

Нэртис

Минут и форм перехода в следующий слой я не помню. Потрясающее переживание Файра вызвало глубокое изнеможение и как бы размягчение всех тканей души. И всё, что я могу теперь восстановить из пережитого на следующей стадии подъёма, сводится к одному состоянию, но длившемуся очень долго, может быть, целые годы».

«Лучезарный покой. Разве не противоречивое, казалось бы, словосочетание? С обилием света у нас связывается представление о деятельности, а не об отдыхе, о движении, а не о покое. Но это – у нас, в Энрофе. Не везде это так. Да и самое слово «лучезарный» не так точно, как хотелось бы. Потому что сияние Нэртиса лучезарно и в то же время невыразимо мягко; в нём сочетается чарующая нежность наших ночей полнолуния с сияющей лёгкостью высоких весенних небес. Как будто убаюкиваемый чем-то более нежным, чем тишайшая музыка, я растворялся в счастливой дремоте, чувствуя себя подобно ребёнку после многих месяцев, полных обид, страданий и незаслуженной горечи, укачиваемому на материнских коленях. Женственная ласка была разлита во всё, даже в воздухе, но с особенной теплотой излучалась она от тех, кто окружал меня, словно ухаживая с

неистощимой любовью за больным и усталым. То были взошедшие раньше меня в ещё более высокие слои и нисходящие оттуда в Нэртис к таким, как я, для творчества ласки, любви и счастья.

Нэртис – страна великого отдыха. Неприметно и неощутимо, безо всяких усилий с моей стороны, лишь в итоге труда моих друзей сердца, моё эфирное тело медленно изменилось здесь, становясь всё легче, пронизанное духом и послушное моим желаниям. Таким, каким является наше тело в затомисах, небесных странах метакультур, оно становится именно в Нэртисе. И если бы меня мог увидеть кто-нибудь из близких, оставшихся в Энрофе, он понял бы, что это – я, он уловил бы неизъяснимое сходство нового облика с тем, который был ему знаком, но был бы потрясён до глубины сердца нездешней светлотой преображённого.

Что сохранилось от прежнего? Черты лица? Да, но теперь они светились вечной, неземной молодостью. Органы тела? Да, но на висках сияли как бы два нежно-голубых цветка – то были органы духовного слуха. Лоб казался украшенным волшебным блистающим камнем – органом духовного зрения. Орган глубинной памяти, помещающийся в мозгу, оставался невидим. Так же невидима была и перемена, совершавшаяся во внутренних органах тела, ибо всё, приспособленное раньше к задачам питания и размножения, было упразднено или в корне изменено, приспособленное к новым задачам. Питание сделалось похоже на акт дыхания, а пополнение жизненных сил совершалось за счёт усвоения светлого излучения стихииалей».

Готимна

«По истечении долгого времени я стал ощущать всё прибывающее, радостное нарастание сил, как будто раскрытие таинственных и долгожданных крыльев. Не нужно понимать меня слишком буквально: речь не о появлении чего-нибудь, напоминающего крылья летающих существ Энрофа, но о раскрытии способности беспрепятственного движения во всех направлениях четырёхмерного пространства. Это было ещё только возможностью – неподвижность по-прежнему покоила меня, но возможность полёта превращалась из неопределённой мечты в очевидную, открывающуюся передо мной перспективу. От друзей моего сердца я узнаю, что моё пребывание в Нэртисе подходит к концу. Мне казалось, что нечто, схожее с колыбелью, где я покоился, как бы медленно раскачивается вверх и вниз, и каждый взлёт казался выше предыдущего. Это движение порождало предвкушение ещё большего счастья, в которое я должен теперь войти. И я понял, что нахожусь уже в другом слое – в Готимне, последнем из миров сакуалы Просветления. То были как бы колоссальные цветы, размер которых не лишал их удивительной нежности, а между ними открывались бездонные выси и дали девяти цветов. О двух из них, лежащих за пределами нашего спектра, могу здесь только сказать, что впечатление, производимое одним из них, ближе всего к тому, которое оказывает на нас небесно-синий, а другой отдалённо напоминает золотой.

Огромные цветы Готимны, составляющие целые леса, склоняются и выпрямляются, качаются и колышутся, звуча в непредставимых ритмах, и это их колыхание подобно тишайшей музыке, никогда не утомляющей и мирной, как шум земных лесов, но полной неисчерпаемого смысла, тёплой любви и участия к каждому из там живущих. С лёгкостью и спокойствием, недостижимыми ни для какого существа в Энрофе, мы двигались, как бы плывя в любом из четырёх направлений пространства между этими напевающими цветами, или медлили, беседуя с ними, потому что их язык стал нам понятен, а они понимали наш. Здесь нас посещали те, кто сходит в Готимну из затомисов, чтобы подготовить нас,

младших братьев, к следующим этапам пути».

Готимна называется Садам Высоких Судеб, потому что здесь предопределяются будущие судьбы душ. Перед Андреевым встал выбор: либо подъём в Небесную Индию и конец перевоплощений на земле, либо ещё одно существование в Энрофе, но уже с определённой миссией, специальным заданием. Тот, кто примет на себя предлагаемую миссию, тот добровольно несёт на себе и ответственность за её выполнение на земле. А ответственность возрастает во много раз, так как миссия связана всегда не только с судьбой её носителя, но и с судьбой очень многих душ, иногда – с судьбой целых народов и даже всего человечества. Того, кто предаст свою миссию, добровольно или вследствие слабости, ждёт возмездие и искупление в самых глубоких и страшных слоях. Но носитель миссии на земле всегда ощущает в своей душе незримые лучи Нэртиса и Готимны, которые напоминают ему о высоком предназначении. И если грешные падения человека не затронут сути его миссии, Провиденциальные силы поднимут его из любого провала и поставят на предначертанный путь, чтобы миссия всё-таки была выполнена.

«Передо мной открылась возможность спуска назад, уже в пределы другой метакультуры, мне до тех пор незнакомой и чуждой, ещё совсем молодой, но с огромным грядущим. Что-то тревожное, бурное, сумрачное излучалось от этого огромного, разнослойного массива, смутно воспринимавшегося мною издалека (это была Россия). Задание же, принятое мной, должно было иметь отношение к великой задаче, выходящей далеко за пределы этой метакультуры и долженствовавшей в далёком грядущем охватить мир. Уже тысячи душ подготавливались для участия в этой задаче.

И я выбрал именно эту возможность. Я теперь понимал, что мною взята на плечи такая ноша, сбросить которую уже нельзя.

И из Готимны Индии я был перенесён в Готимну России: там должна была закончиться моя подготовка к исполнению миссии, принятой моим Я».

ЗАТОМИСЫ

Помощь, творчество, борьба...

Идём дальше по книге Даниила Андреева. Последующее изложение «Розы мира» будет, по сути, её конспектом, сухим и кратким. Там где можно, текст слегка упрощался, адаптировался к современному языку.

Итак, затомисы – это небесные страны сверхнародов, метакультур. Их 19-ть, и расположение их совпадает с географическим местонахождением соответствующих сверхнародов. Пространство всех затомисов четырёхмерно, но число временных координат в каждом различное. Основателем каждого затомиса является кто-либо из великих человеко-духов. Панорама слоёв отдалённо напоминает нашу земную природу: небо с облаками, моря и океаны в виде светлых и сияющих паров, растительность, правда, мало похожа на земную. Смена суток как у нас – день-ночь, погода меняется в пределах от приятной до прекрасной. В затомисах есть и города, хотя внешне они очень мало похожи на наши, а сооружения и здания там служат не для проживания в них, а для общения с другими мирами и с духами других иерархий.

В затомисах обитает высшее человечество, и состоит из: праведников, родомыслов, художественных гениев, героев Отечества. Большинство из них попадает сюда почти сразу после смерти на земле, быстро миновав миры Просветления (Олирну, Файр, Нэртис и Готимну). Носители особых даров, даже упавшие после смерти, по своим грехам, в глубину чистилищ, поднимаются оттуда силами Света, и также вскоре вступают в общество

просветлённых. Простые безгрешные люди, прожившие на земле праведную жизнь и избежавшие после смерти падения в миры возмездия, не сразу попадают в небесную страну после своей смерти. Если их кругозор, объём их знаний и чувство космического недостаточны для вступления в затомис (небесную страну), их путь из Олирны в общество высшего человечества длится очень долго, иногда века – пока они своей внутренней работой над собой не обогатят себя настолько, что станут способны вместить задачи и мудрость высшего человечества.

Деятельность, происходящая в затомисах, необозримо многообразна и широка, а во многом для нас и непостижима. Но есть три главных её направления: помощь – творчество – борьба. Помощь – всем, в том числе и пленникам чистилищ. Творчество заключается в производстве неких автономных ценностей, значение которых мы не можем ни созерцать, ни, тем более, понимать – передача их смысла при помощи наших понятий исключена полностью.

Несколько понятнее третья сторона деятельности обитателей затомисов – их борьба с демоническими силами. Можно сказать, что бороться им приходится телесно, но, конечно, оружие их не имеет с оружием людей ни одной точки соприкосновения. Оно разнообразно и зависит как от совершенства владения собственным существом, так и от того, против кого оно направлено. Однако общий принцип его действия заключается в концентрации волевых излучений, парализующих врага. Воины затомиса могут спускаться в миры нисходящего ряда вплоть до магм, гибель в бою для них невозможна. В случае поражения их ждёт длительный плен в глубине демонических крепостей.

Обитатели затомиса общаются между собой на языке соответствующей страны Энрофа (земли), правда, здесь он несколько преобразён и, кроме звука, общение происходит и с помощью света. Да и словарный запас здесь несравненно богаче.

В затомисах, кроме светлых душ, обитают ещё и особые существа – будущие ангелы. Эти чудеснейшие творения Божии очень походят на сиринов и алконостов наших легенд – их присутствие украшает жизнь в затомисах Византии и России. В затомисах других метакультур обитают иные подобные существа, не менее прекрасные.

Перечень затомисов

Итак, перечислим все девятнадцать затомисов.

Маиф – древнейший из затомисов, небесная страна и синклит Атлантической метакультуры, существовавшей в Энрофе приблизительно с двенадцатого по девятое тысячелетие до Рождества Христова. Эмблематический образ: красный храм на чёрном фоне, перед храмом четыре фигуры в белом с воздетыми руками.

Линат – древний затомис Гондваны, очагами которой на земле были Ява, Суматра, Южный Индостан и некоторые города, ныне покоящиеся на дне океана. Время существования Гондванской культуры – шесть и более тысячелетий до Рождества Христова.

Эмблематический образ: женщина в фиолетовом и мужчина в зелёном, обнявшие друг друга за плечи, на золотом фоне, под красной нижней половиной солнечного диска.

Иалу – затомис Древнеегипетской метакультуры. Эмблематический образ: белая ладья с парусами на синей реке, текущей к солнцу.

Эанна – затомис древней Вавилоно-ассиро-ханаанской метакультуры, возникшей в четвёртом тысячелетии до Рождества Христова. Эмблематический образ: семиступенчатый белый зиккурат.

Шан-Ти – затомис Китайской метакультуры, существует в Энрофе со второго тысячелетия до н.э. по сей день. Эмблематический образ: прекрасное женское лицо в лотосообразной

короне.

Сумэра – затомис Индийской метакультуры – самый могучий из всех затомисов Шаданакара. Эмблематический образ: три белых горных цепи, одна выше другой, увенчанные золотыми городами.

Зерван – затомис Древнеиранской (маздеистской) метакультуры. Эмблематический образ: жертвенник с пылающим огнём.

Олимп – затомис древней Греко-римской метакультуры. Эмблематический образ: белый античный храм на горе на фоне голубого неба.

Нихорд – затомис Еврейской метакультуры, нижний, только нижний слой синклита Израиля. Эмблематический образ: шатрообразное сооружение, окружённое деревьями с огромными красными плодами.

Рай – условное наименование затомиса Византийской метакультуры, древний, мощный слой, существующий отчасти и над Россией. Эмблематический образ: ручей в цветущем саду, люди в золотых одеждах.

Эдем – условное наименование затомиса Романо-католической метакультуры, одна из лестниц, ведущих к Небесному Иерусалиму. К этой метакультуре принадлежит и несколько народов другого этнического корня: поляки, венгры, чехи, ирландцы, хорваты.

Эмблематический образ – тот же, что у Рая, но преобладающий цвет – голубой.

Монсальват – затомис метакультуры европейского Северо-Запада, Американского Севера, а также Австралии и некоторых частей Африки: самый географически обширный и расчленённый из всех затомисов. Эмблематический образ: белый храм готического стиля, на горном пике, на фоне храма – алая сияющая чаша.

Жюньфлейя – затомис Эфиопской метакультуры. Эмблематический образ: белое круглое здание в развевающихся покрывалах.

Джаннэт – затомис Мусульманской метакультуры. Эмблематический образ: белая мечеть между двух симметрично склоняющихся пальм; люди в зелёном и белом.

Сукхавати – «Западный рай Ами табхи-Будды» – затомис метакультуры, связанной с северным буддизмом, так называемой Махаяной. Эмблематический образ: заря над лотосами.

Айренг-Далянг – затомис Индомалайской метакультуры. Эмблематический образ: смеющиеся дети в саду храма-дворца.

Небесная Россия – затомис России. Эмблематический образ: многохрамный розово-белый город на высоком берегу над синей речной излучиной.

Затомис Негрской метакультуры. Имя неизвестно. Известно, что он молод и ещё очень слаб. Эмблематический образ: лестница, ведущая от озера к оранжевому круглому зданию.

Последний из великих затомисов находится в состоянии творения. Это – Аримойя, будущий затомис общечеловеческой метакультуры, связанной с возникновением и господством грядущей интеррелигии Розы Мира. Эмблематический образ: белый многобашенный собор, с главной центральной башней, колоннадами и лестницами, окруженный рядом огромных струнных инструментов, похожих на золотые лиры.

Затомис России

Небесная Россия географически совпадает с очертаниями границ нашей страны. В затомисе просветлённая прекрасная природа. Над некоторыми нашими городами находятся их мета-прообразы. Крупнейшие – Москва с Небесным Кремлём, Петербург с грандиозным изваянием мчащегося всадника. Меньшие по размеру мета-города рассеяны по всему затомису. Среди них и метакультурные вершины других наций, составляющих вместе с

русской единый сверхнарод: Украины, Грузии, Армении. Общая численность обитателей Небесной России мне неизвестна, пишет Андреев, но я знаю, что только в Небесном Кремле находится около полумиллиона просветлённых душ.

В Небесной России существует и любовь между мужчиной и женщиной, но это та настоящая высокая любовь, которая бывает и на земле, в Энрофе. Между возлюбленными существует и телесная близость, но она совершенно не похожа на земную и не связана с продолжением рода. Вообще многие органы тела обитателей Небесной России изменяют свою структуру и назначение, например, процесс принятия и усвоения пищи отсутствует совсем, потому что восстановление жизненных сил здесь схоже с дыханием.

Новые обитатели Небесной России появляются (приходят) через особые святилища и внешне имеют облик детей, а внутреннее их состояние действительно схоже с состоянием детства. Взросление выражается в возрастании просветлённости и духовной силы. Одежда, производимая телом, светится. Обитатели Небесной России могут легко и быстро перемещаться по всем направлениям четырёхмерного пространства, хотя и не имеют крыльев.

Многие храмы и святилища имеют трудно понятное для нас назначение. Есть святилища для общения с ангелами, с синклитом Мира, с даймонами, с верховными иерархиями. Несколько великих храмов предназначены для встреч с Иисусом Христом, временами сходящим сюда в облике человека, другие – для встреч с Богородицею. Постепенное возрастание духовности подводит просветлённую душу к следующей великой трансформе, которая ведёт в более высокие миры – в Небесный Иерусалим и ещё выше вплоть до Синклита Мира и Элиты Шаданакара.

Те, кто были гениями и вестниками в Энрофе (на земле), оказавшись в Небесной России, продолжают своё творчество и здесь, в затомисах. Здесь творят великие души тех, кто пребывал на земле в обликах Державина и Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Толстого и Достоевского, Рублёва и Сурикова, Глинки и Мусоргского, Казакова и Баженова.

Но среди тысяч и тысяч просветлённых обитателей Небесной России большинство – неизвестные широкой общественности люди, их имена ничего нам не скажут. Незаметно свой жизненный путь прошли на земле тихие души, светочи святости, молча и смиренно вносящие свою лепту в соборный труд духа. Во все эпохи по дорогам России брели странники и искатели, сказители и бандуристы, безымянные творцы сказок и стихов, песен и легенд, никем не записанных утраченных рассказов о героях своего времени и об его идеалах. А чудесные мастера сканного или иконописного дела, плотники-строители чудесных теремов, смиренных деревянных церквей и весело разукрашенных изб, влюблённые в свой труд каменщики, столяры, гончары, ткачи, ювелиры, чьи создания, отмеченные радостью творчества и горячей любовью к жизни, веселили и радовали целые поколения, – где могут быть их создатели ныне и что они могут создавать теперь, если не вечные ценности Святой Руси? А тысячи русских крестьян, крепостных и вольных, просто и чисто проживших свой век, они совершали труд посевов и жатв, как возложенный на них Богом долг, с благоговением и благодарностью к Матери-Земле, и умирали простой и ясной смертью, веруя и простив всех. А сонмы матерей, которые несли свой крест, воспитывая людей, достойных имени человека, и в служении этому делу полагавших смысл своей жизни – разве это не одно из самых высоких творчеств? И не случайно души их теперь в Небесной России, и они продолжают творить в её благо.

Невозможно перечислить те пути на земле, встав на которые человек приходит, рано или поздно, к своим братьям по духу обитателям Небесной России. Вопрос только во времени, в стадиях, которые ещё надо преодолеть по дороге к этой цели.

Вот несколько имён деятелей русской культуры и истории, которые вступили в Небесную Россию за последние сорок лет: Лесков, Римский-Корсаков, Ключевский, Гумилёв,

Волошин, Рахманинов, Анна Павлова, Сергей Булгаков, Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, цесаревич Алексей Николаевич, несколько творцов и тысячи героев, погибших от руки Сталина. А вот немногие из тех, кто вступил в синклит после кратковременного пребывания в верхних чистилищах: А.Фет, Л. Андреев, Александр Блок, Ф.Шаляпин, Александр II, Константин Романов, академик И.Павлов.

Из числа многих просветлённых, взошедших в Небесной России на особенную высоту, известные всем: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Алексей Конст. Толстой, Достоевский, Аксаковы, Витберг, Кутузов, а также не пользующийся широкой известностью гравёр XVIII века Чемезов.

СРЕДНИЕ СЛОИ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Эгрегоры

Выше затомисов расположены и другие сакуалы восходящего ряда – средние слои Шаданакара. Описание их крайне затруднено, поскольку они весьма различны между собой. «Чем выше расположены слои, тем затруднённое их познание, тем меньше аналогий с Энрофом, – пишет Андреев, – девять десятых виденного, или так или иначе воспринятого, остаётся непонятным, и в большинстве случаев приходится ограничиваться протокольными сообщениями о фактах».

Эгрегоры – иноматериальные образования, возникающие из психических выделений человечества над большими коллективами.

Свой эгрегор имеет любое государство, даже самое маленькое. Эгрегор не имеет духовной монады, но обладает сконцентрированным волевым зарядом и имеет некое осознание себя.

Эти существа статичны и неагрессивны, в борьбе между демоническими и Провиденциальными силами большинство эгрегоров участия не принимают. В редких исключениях некоторые эгрегоры выступают на стороне демонических сил.

Эгрегоры – временные образования, распадаясь, они безболезненно рассеиваются в пространстве, эквиваленты их сознаний при этом исчезают. Для лучшего понимания сути эгрегора можно, на мой взгляд, привести такой примитивный пример. Когда спортсмены благодарят зрителей стадиона за поддержку, утверждая, что они каким-то образом помогли им победить, речь идёт именно о тех самых сконцентрированных волевых психических излучениях, выделяемых болельщиками, горячо желавшими победы тем или иным спортсменам.

В сакуалу эгрегоров входит семь слоёв.

Затив – эгрегоры начальных племён, умирающие вместе с растворением племени в нации или вместе с его физическим уничтожением.

Жаг – область эгрегоров государств.

Фораун – эгрегоры церквей. Образуются из психических излучений людей, причастных к церквям. А поскольку люди все очень разные, эгрегоры церквей несут в себе и много тёмноэфирных излучений верующих – мирские помыслы о материальном, стяжательство, переживание той или иной страсти. Всё это зачастую становится большим тормозом, грузом на восходящем пути церквей.

Удгрогр – эгрегоры антицерквей, массовых воинствующих партий нового времени.

В следующем слое (без названия) обитают эгрегоры, рождённые психической деятельностью демонического населения шрастров.

Ещё один слой, без названия, принадлежит эгрегорам, возникающим в результате

психической деятельности мира даймонов – светлого человечества, о котором речь чуть ниже.

Последний из эгрегориальных слоёв называется Цебрумр. Он ещё пуст, но предназначен для дьяволочеловечества.

Даймоны

Следующие три слоя с огромным числом временных координат – место обитания высшего человечества Шаданакара – даймонов. Даймоны – это крылатые люди, схожие своим обликом отчасти с ангелами, от которых их отличает, кроме многого другого, наличие двух полов. Основной слой их пребывания, соответствующий нашему Энрофу, носит имя Жерам. Природа там схожая с нашей и доведена до уровня высокого художественного и эстетического совершенства. Человечество даймонов проходит свой путь развития, схожий с нашим, но началО его гораздо раньше и более успешно – по-видимому, из-за того, что миссия Иисуса Христа, сходящего в мир даймонов, была полностью там завершена. Хронологически это совершилось гораздо раньше, чем Христос вочеловечился в облике Иисуса. Его победа в мире даймонов устранила тягчайшие преграды, нагромождённые Гагтунгром на их восходящем пути, и к настоящему времени эти существа далеко нас опередили. Сроки и жертвы их становления были сокращены во много раз. Явлений социальной дисгармонии у них давно уже нет, и силы даймонов направлены на своё духовное и эстетическое совершенствование, а также на помощь другим слоям, в частности – человечеству Энрофа.

От посмертных спусков в демонические миры возмездия даймоны освобождены со времён завершения в Жераме миссии Христа. Урм – единственный слой, где некоторые из них проходят в посмертии искупляющее очищение. Затемис, мир просветлённых даймонов, их небесная страна, называется Картиала. Оттуда им открывается подъём в сакуалу Высокого Долженствования и дальше – в Синклит Мира.

Даймоны, обитающие в Картиале, среди прочих многих задач, участвуют в борьбе против уицраоров и представителей античеловечества шрастров (об этих персонажах речь впереди), а также воздействуют на поэтов и писателей, способствуя раскрытию их творческих глубин. А это означает, что обращения поэтов в своих стихах к музам и к даймонам – не поэтический приём, а подлинное свидетельство о трансфизических фактах. А ещё в Жераме обитает другая раса – это бескрылые существа, которые внешне почти не отличаются от человека. Эта небольшая по численности раса как бы опекается даймонами. История появления этих существ не совсем ясна для меня, признаётся Андреев, но как факт могу подтвердить, что среди них есть множество земных литературных персонажей. Они проходят свой путь искуплений как низшая раса даймонов. И в настоящее время они являются метапраобразами некоторых героев мировой литературы и искусства. Андреев считает, что интуиция художников Энрофа, свойственная гениям, прозревает до Жерама, созерцает там какое-либо из этих существ и создаёт его отражение в человеческом искусстве. И это творческое отражение на земле становится как бы магическим кристаллом, через который метапраобраз получает излучения от людей, знакомящихся с произведением, где этот праобраз фигурирует. Эти излучения поднимаются в Жерам и дают метапраобразу силы для развития.

Из литературных персонажей в Жераме пребывают, например, метапраобразы произведений Достоевского, Толстого, Гоголя, других гениальных писателей. После своей смерти художник-творец может встречаться с метапраобразами своих творений, общаться с ними, помогать в их просветлении, если в этом есть необходимость. Так, Достоевский в

своём посмертии потратил немало времени и сил, чтобы поднять из нижних слоёв чистилищ пра-Ставрогина и пра-Свидригайлова, оказавшихся там из-за самоубийства на страницах романа. И именно усилиями авторов праобразы Чичикова, Собакевича, Пьера Безухова, княжны Марьи и других подняты авторами бессмертных произведений XIX века в высшие слои Шаданакара.

Сакуалы ангелов

В слоях земной брамфатуры есть также две сакуалы ангелов. Понять и осмыслить содержание их жизни мы не можем, – пишет Андреев, – мы только можем уловить ту сторону их деятельности, которая имеет непосредственное отношение к людям.

Первая сакуала называется Ангелы низшего круга. В Первом из трёх слоёв этой сакуалы обитают херувимы, хранители людей – носителей светлых миссий. Внешне они похожи на ангелов-хранителей, как их описывает наше предание. Ландшафт их мира – среда приятных тонов, отдалённо напоминающих розовый и сиреневый.

Второй слой – бело-золотистая среда, пронизанная снопами света, – принадлежит серафимам-хранителям некоторых человеческих содружеств: церквей, религиозных общин, некоторых этических объединений, очень немногих городов – тех, духовная целостность и нравственная чистота которых имеет особое значение в глазах Провиденциальных сил.

Обликом серафимы подобны шестикрылым ангелам. Бывали времена, когда стража серафимов окружала какой-нибудь город, потому что в нём совершалось то или иное метаисторическое событие или протекал тот или иной трансфизический процесс, требующий особой помощи или охраны. После его завершения стража серафимов удалялась. Так было над Киевом при князе Владимире Святом, над Москвой при князе Данииле и Иване Калите, несколько раз над Иерусалимом, Римом и многими другими городами.

В Третьем слое сакуалы Ангелов низшего круга находится мир Престолов. Их облик схож с нашим представлением об архангелах, а среда их обитания – сине-зелёная, пронизанная играющими снопами света. Престолы – хранители наций. Их много: духовное становление каждой нации охраняется целым сонмом этих блистающих существ.

Вторая сакуала ангелов – Ангелы высшего круга, – обиталища светлых иерархий огромной силы, тех, кем создаётся материальность трёх-, четырёх- и пятимерных слоёв Шаданакара.

Первыми идут Астралы, известные в христианской мистике под названием Властей: это творцы материальности Энрофа. Далее следуют Силы – творцы материальности сакуалы даймонов, и – Господства – творцы материальности миров Просветления (кроме Олирны).

Сакуала Ангелов высшего круга венчается миром Начал, творящих материальность затомисов, и Архангелами – теми самыми, кем становятся после трансформы сирины, алконосты и гамаюны Рая, Эдема, Монсальвата, Жюньфлейи и Святой России – всех затомисов христианских метакультур. Они творят материальность миров Высокого Долженствования. Материальность же самих ангельских миров, так же как и материальность высших слоёв Шаданакара, творится иерархиями метабрамфатуры.

Здесь Андреев делает следующую оговорку: «Знаю, что излагаемое совершенно не совпадает с традициями христианской ангелологии, несмотря на общность названий. Мне жаль, что это так. Но я пишу не от себя и не могу вносить изменений до тех пор, пока на это не укажет единственный Голос, которому я доверяю полностью».

Далее идёт описание сакуалы Высокого Долженствования и других более высших миров. О них, признаётся Андреев, он может сказать ещё меньше. Что именно он рассказал, можно прочитать в первоисточнике – в «Розе мира».

МИРЫ ВОЗМЕЗДИЯ

Закон возмездия, чистилища

С возникновением на Земле органической жизни, демонический стан направил свои усилия на завладение царством животных и на утяжеление существующих законов. Провиденциальные силы этому активно сопротивлялись, не давая изменять существующие законы. В итоге, на стыке борьбы тёмных и светлых сил и сформировались основы тех законов, в которых сейчас мы живём. Появился закон взаимопожирания в животном царстве (до вмешательства тёмных сил его не было). Закон посмертного искупления человеческих грехов в слоях чистилищ тоже появился усилиями тёмных сил. С появлением первобытных человеческих обществ демонические силы занялись торможением их развития и параллельно готовили слои возмездия для приёма грешных душ грядущего человечества. Позднее были созданы миры возмездия: чистилища, шрастры (обиталища античеловечества), места обитания уицраоров.

Рассказ о мирах Возмездия начинается с чистилищ, потому что они ближе к нам, чем другие. После смерти человека его грешная душа сразу начинает погружаться именно в чистилища. Для большинства людей посмертный спуск чистилищами и ограничивается. Чистилища возникли не сразу, они создавались в различные эпохи и в разных метакультурах и несколько отличаются друг от друга. Древнейшие принадлежат к Индийской метакультуре. Позднее тёмные силы создали нисходящие слои в еврейской метакультуре, христианской и исламской. Решающее значение в деле становления и развития чистилищ сыграли воскресение Иисуса Христа, Его сходжение в демонические миры и последовавшая затем многовековая борьба христианских синклитов с демонами за смягчение Закона возмездия.

Впрочем, механическая сторона действия Закона возмездия остаётся неизменной всегда и везде. Она состоит в том, что нарушение человеком нравственных законов влечёт за собой утяжеление его эфирного тела. Пока человек жив, его эфирное тело остаётся как бы на поверхности трёхмерного мира – физическое тело играет роль спасательного круга для утопающего. Но как только человек умирает, эфирное тело, покинув человеческую плоть, начинает погружаться в слои возмездия и движется вниз слой за слоем до тех пор, пока не достигнет равновесия с окружающей средой. Таков, в основном, механизм.

Специальные демоны, блюстители кармы, следят за безотказным действием этого закона. Эти существа, с холодной, как лёд, сферой чувств, обладают высоким интеллектом. Им совершенно чужды такие чувства, как ненависть и любовь, злоба и сострадание. Среди разнообразных демонов Шаданакара это – пришельцы. Когда демонические полчища планеты Дайи были изгнаны из её брамфатуры, они рассеялись в мировом пространстве в поисках новых пристанищ. Часть их вторглась в Шаданакар и заключила с силами Гагтунгра договор, и с той поры они заботятся об исполнении действия механизма кармы. За это, в качестве вознаграждения, они питаются эманациями душевных мук тех людей, которые после жизни на земле страдают в верхних слоях чистилищ. Размеры этих существ огромны, а прямоугольные тела их полупрозрачны и серы, как мутное стекло. В мордах, как это ни странно, есть сходство со сторожевыми собаками: торчащие уши и зорко наблюдающие глаза.

Первое из чистилищ называется Скривнус. Внутри него бесцветный ландшафт, свинцово-серое, никогда не волнуемое море. Чахлая трава, низкорослые кустарники и мхи напоминают немного нашу тундру. Миллионы и миллионы тех, кто раньше были людьми обитают в котловинах среди невысоких, но неприступных откосов. Скривнус не знает ни любви, ни надежды, ни радости, ни религии, ни искусства; никогда не видал он и детей. Нескончаемый труд прерывается лишь для сна, но сны эти без сновидений, а труд – без творчества. Огромные серые существа (блюстители кармы) бодрствуют по ту сторону откосов. Время от времени они швыряют людям нудную работу: рваные матрацы, тряпки, опорки, лифчики, грязные бутылки, ржавые кастрюли, обломки мебели... Груды предметов, как бы скользя по воздуху, попадают в руки страдальцам и те в страхе начинали их мыть, тереть, надраивать. И работа и сон протекают преимущественно в баракообразных домах, длинных, перегороженных внутри барьерами высотой до пояса.

Облик обитателей сохраняет полное человекоподобие, но черты лица смыты и разглажены, напоминают блины. Впрочем, память о жизни на земле не только сберегается в душе обитателей, но и гложет их, как мечта об утраченном рае. Самое неотступное из мучений Скривнуса – это скука безысходного рабства, нудность труда, отсутствие каких бы то ни было перспектив.

Время от времени на море показывается чёрный корабль. Без окон и похожий на ящик, он быстро и бесшумно причаливает к берегу. Обитатели Скривнуса в паническом ужасе прячутся в бараках, но это не спасает обречённых от дальнейшего спуска в нижние слои чистилищ. Неведомая сила выводит их из бараков и, как кроликов в пасть удава, ведёт в многоярусный трюм корабля. Забрав некоторое число из тех, кого груз кармы обрекает на страдание в более глубоких слоях страданий, корабль отчаливает. Заключённые в трюме не видят совершаемого пути, они только чувствуют, как движение по горизонтали сменяется затем спиральным спуском, как если бы корабль увлекался в закручивающийся Мальстрем.

Скривнусом ограничиваются искупительные страдания тех, чья совесть не омрачена тяжкими пороками и преступлениями, но чьё сознание в бытность жизни на земле было отделено от влияния его шельта глухой стеной житейских забот и попечений только о материальном.

Ладреф

Следующий слой, Ладреф, схож с предыдущим, но здесь темней: как будто он застыл в неопределённом сумраке на границе вечной ночи. Ни строений, ни человеческих толп не видно, однако каждый ощущает незримое присутствие множества других существ: видны следы, схожие с отпечатками ног и это выдаёт их присутствие.

Кратковременное пребывание в Ладрефе испытывают десятки миллионов людей из-за своего маловерия. В своей человеческой жизни они сознательно, усилием своей воли, не позволяли силам духовности проникать в их естество и облегчать своё эфирное тело.

Мород

Спуск в следующий слой – в Мород – ощущается для грешника так, как если бы он заснул и внезапно проснулся в другом месте. В действительности же демонические существа – осуществители кармы – переносят его во время забытья в другой поток времён.

Проснувшись в Мороте, грешник оказывается среди полного мрака, здесь лишь светятся скалы, да редкие кусты, слабо фосфоресцирует почва. Картина не лишена мрачной красоты. Это последний слой, где ещё имеется то, что мы обобщённо называем Природой. Следующим слоям будет свойственен только урбанистический ландшафт.

В Мороте царствует абсолютная тишина, ощущения времени нет. Каждый, пребывающий в этом мире, уверен в своём полном одиночестве, поскольку присутствие других таких же грешников скрыто от каждого. Тоска великой покинутости охватывает, как железный панцирь. Напрасно здесь метаться, молиться, звать на помощь, искать – каждый предоставлен общению только с собой, с собственной душой. Уединение и тишина – самое страшное для грешной души, каждый уразумевает смысл и масштабы совершённого им на земле зла и выпивает до дна чашу ужаса перед своим преступлением. От бесконечного диалога с самим собой несчастного ничто не отвлекает – пищи кругом в изобилии (ею служат некоторые виды почв), а одежду, как и в большинстве слоёв, вырабатывает само эфирное тело. Правда, творческая ущербность обитателей Морота позволяет им создавать только нищенское рубище – эфирные клочья. С тоской вспоминается им даже Сквивнус – обитатель Морота готов всё отдать за тот рабский и бессмысленный труд и скуку вместо теперешнего досуга в полном одиночестве наедине с самим собой.

Агр

Того, чью совесть не может очистить и Морот, ждёт следующий слой – Агр. Но не спуск, а внезапный и устрашающий провал в него: это схоже с трясинной, в которую несчастный попал неожиданно для себя и которая засосала его.

Агр – мир чёрных паров, между которыми вкраплены, как острова, города, а точнее – инфра-отражения великих городов Энрофа – Москвы, Петербурга и др. Здесь нет ни солнца, ни звёзд, ни луны: небо воспринимается как плотный ночной свод. Некоторые предметы светятся сами, тускло светится и земля под ногами, точно пропитанная кровью. Здесь преобладает один цвет, которого нет в Энрофе – по впечатлению, производимому им, он скорее всего напоминает тёмно-багровый. Кажется, это тот самый невидимый цвет, который в физике называется инфракрасным.

Миллионы грешников проходят через Агр. Здесь их внешний облик меняется, человекоподобие, правда, ещё остаётся, но рост уменьшается, а формы их становятся уродливы и убоги, как у страшных карликов. Движения становятся замедленными. И никакой одежды нет, царствует беспомощная нагота. Одно из мучений Агра – чувство бессильного стыда и осознанное созерцание собственного убожества.

Другое мучение заключается в том, что здесь грешник впервые испытывает живое чувство жалости, приходит понимание своей доли ответственности за трагическую судьбу тех, кто находится рядом. Третья же мука этих несчастных – страх. Он порождается наличием в Агре хищных существ демонической природы: они называются волграми. Огромные существа величиной с ящера мезозойской эры внешне кажутся несчастными животными, тоскливо сидящими на крышах зданий инфра-города. Их мешковатое и рыхлое серое тело имеет ноздреватую кожу; ни рта, ни пасти у них нет, а вместо глаз – две бездонные дырки, в которых ни блеска, ни зги... Эти хищницы подстерегают свою очередную жертву – одного из несчастных гномов.

В зверином страхе перед волграми бедные нагие карлики прячутся по углам или прокрадываются, затаив дыхание, у подножия зданий, облюбованных этими чудовищами. Но чем тяжелее карма, тем вернее несчастный становится их жертвой. А так как у волгры нет рта, она набрасывается на голого карлика, обхватывает его и всасывает своей пористой

кожей. Такая гибель в Агре приводит грешника в следующий нижний слой. Тем же, кто не стал жертвой волгры, суждена трансформа, поднимающая его вверх. Кончающий своё искупление в Агре постепенно меняется телесно. Он увеличивается ростом, у него начинают снова проступать черты лица, напоминающие его черты в земной жизни, и волгры не дерзают подступить к нему. Сама трансформа происходит с помощью братьев из Небесной России: спустившись в Агр, они окружают окончившего путь искуплений и поднимают его. Присутствовать при подъёме из числа гномов могут лишь те, кто скоро так же будет поднят отсюда. Но сейчас они смотрят со стороны на совершающееся событие и видят, как братья синклита поднимают освобождаемого на своих крыльях или на складках светящихся покрывал. Волгры, охваченные мистическим трепетом и страхом, смотрят на это событие издали, не в состоянии помешать.

Буствич

В Агре есть места, где сквозь почву проступает зеленоватый цвет, похожий на свечение огромных гнилушек – это просвечивает снизу другой слой чистилища: Буствич. Там всё гниёт, но никогда не сгнивает до конца. Мука Буствича для людей заключается в состоянии сочетающем духовную оторопь с гниением заживо.

В Буствиче развязывают узлы своей кармы те, чья душа никогда не стремилась к высшему, а жизнь была отдана плотскому началу. Здесь пленника гложет удручающее отвращение к самому себе, потому что эфирное тело его превратилось в подобие кала. Ибо, как это ни страшно и ни омерзительно, но Буствич, в сущности, не что иное, как нечистоты волгр, их отхожее место. То есть, всосав грешника через свою пористую кожу, они извергают его затем в Буствич.

К душевным мукам здесь начинает присоединяться и телесная: в этой плотной среде крайне трудно передвигаться, не говоря уже о самозащите. А самозащита насущно необходима, ибо рядом обитают странные и страшные существа – человеко-черви. Размерами с кошку, они прямо заживо, медленно и понемногу пожирают тех, кто когда-то были людьми в Энрофе. Вот как Андреев описывает это в своём стихотворении:

«...Да, куча бесформенного гнилья –
Так вот настоящий я?..
Тогда, извиваясь, как бич, как вервь,
Подполз человеко-червь.
Размерами с кошку, слепой, как крот,
Он нюхал мой лоб, мой рот,
И странно: разумность его – вполне
Была очевидна мне.
Бороться? Но, друг мой, кого побороть
Могла б растленная плоть,
Бескостная, студенистая слизь,
Где лимфа и гной слились?
Едва пошевеливаясь, без сил,
Я в муке смертной следил,
Как человеко-червь пожирал
Меня, как добротный кал».

За Буствичем следует чистилище, носящее имя Рафаг: здесь изживаются кармические следствия предательств и корыстной преданности тиранам. Рафаг – мука непрерывного самоистощения, её можно сравнить, да и то приблизительно, с страданиями людей при болезни холерой.

Это последний слой, ландшафт которого хотя бы отдалённо напоминает наши города. Соборные молитвы из Энрофа от жителей земли сюда не доходят: до Рафага и глубже могут достигать лишь силы синклитов и высших иерархий Шаданакара.

Нижние чистилища

В трёх последних нижних чистилищах господствуют ангелы мрака. Первый из этих слоёв – Шим-биг – являет собой медленный поток, движущийся по невыразимо мрачному миру, заключённому под высокий и сумрачный каменный свод. Трудно понять, откуда исходит полусвет, мертвенный и бесцветный, сеется мелкий дождь. А сверху – зыбкий туман. Но это не туман, а бурые клочья мечущихся эфирных тел грешников. Они мечутся взад и вперёд, цепляясь за что попало, лишь бы не упасть в поток и не попасть в следующий слой. Но их томит не только ужас, ещё большее мучение заключается в чувстве стыда, нигде не достигающем такой силы, как в Шим-биге. Полностью утрачивается человекоподобие своей формы. Вместо глаз – дыры, руки, как пряди, вместо голоса – рыдания. Ангелы тьмы выются вокруг, испивая страдания и маету грешника, который испытывает жгучую тоску по настоящему телу, по мягкому тёплому миру – воспоминания о радостях жизни на земле терзают невыносимо. Здесь же усиливается и сострадание к братьям по несчастью. А устье потока приближается. И сам поток, и весь этот туннелеобразный мир обрывается подобно тому, как обрывается туннель метро при выходе на эстакаду. Но воды не впадают ни во что: и они, и берега, и свод – всё растворяется в серой беспредметной пустынности. Впереди Дромн – ничто, небытие, иллюзия страшного небытия. Здесь исчезает не только среда обитания, но даже и эфирное тело. Ни тела, ни среды, только одно не гаснет – искра самосознания.

И если в Шим-биге грехи искупали те, на ком лежит ответственность за несколько человеческих смертей, то в Дромне находятся, казалось бы, меньшие преступники. В Дромн увлекают не злодеяния, не кровопролития, но «всего лишь» кармическое утяжеление за активное безверие, воинствующее отрицание духовности, деятельное утверждение, что душа не бессмертна. Такое нарушение Закона кажется несравненно меньшим грехом по сравнению, например, с убийством, но арифметика кармы – странная арифметика! И здесь, в Дромне, после смерти тела на земле умирает всё, всё прекращает быть. Пленнику кажется, что нигде нет ничего и никого, что нет и его самого – то есть в его посмертии происходит именно то, что ему рисовалось при жизни. Но осознание Я в Дромне яснее. И он с величайшим усилием, и далеко не сразу, начинает понимать, что даже здесь, в абсолютной пустоте, его самосознание, вопреки рассудку и здравому смыслу, не угасает. При этом он начинает смутно догадываться, что всё могло бы быть иначе, если бы это небытие – или полунебытие – он не выбрал для себя сам.

Но вот тоска добровольной покинутости мало-помалу начинает вытесняться тревогой. Я чувствует, что куда-то движется, что его куда-то влечёт, как бы вниз и вкось, и само Я из точки превращается в вытянутую фигуру, устремлённую книзу. Отсутствие всяких ориентиров не даёт понять, падает ли он медленно или с большой скоростью. Только внутреннее чувство вопиет громче всяких доказательств логики, что он движется не вверх и не в сторону, но именно вниз. Вот внизу уже обозначилось и розоватое пространство.

Несколько мгновений этот цвет может казаться падающему даже радостным. Но затем леденящая догадка пронизывает несчастного: он понял, что непреодолимо опускается в раскалённую преисподнюю, в железное море. Вес опускающегося стремительно возрастает; вот он прикасается к раскалённо-красной поверхности Фукабирна и погружается в его среду. Мука пленника этого слоя состоит, кроме жгучего телесного страдания, именно в ужасе опускания в вечные пытки – спуск представляется ему невозвратным.

Трансфизические магмы

Ещё ниже Фукабирна начинается сакуала трансфизических магм. Первая из магм – это Окрус, вязкое дно Фукабирна.

Ещё в Дромне вокруг шельта начало образовываться новое тело. В Окрусе его формирование завершается, но ничего даже отдалённо напоминающего человеческий облик в нём нет – это шарообразное «нечто» из инфраметалла.

Страдальцев в Окрусе уже немного. Если в Скривнусе и Ладрефе томились миллионы, здесь – сотни, может быть, даже десятки. Осуждение идейного врага на великие мучения, осуждение невинных, терзание беззащитных, мучительство детей – всё это искупается страданиями здесь, в Окрусе и Фукабирне. Здесь мучающийся вспоминает отчётливо о религиозных учениях, слышанных на земле, и о том, что он был предупреждён. Телесные муки субъективно ощущаются здесь, как воздаяние, но уже начинает осознаваться двойственная природа Закона возмездия, страдающий начинает понимать, что ответственность за его жестокости несёт не Бог, а именно демонические силы. Сознание яснее: в этом – проявление Провиденциальной стороны Закона, созданного демиургами ещё до вторжения Гагтунгра в Шаданакар. Прояснение сознания, прояснение совести, возрастание духовной жажды – это та сторона Закона возмездия, которую светлые силы отстояли от тёмных сил и благодаря которой Закон всё-таки не сделался абсолютным злом. Инфрафизическая субстанция магм очень похожа на их физическую субстанцию. Их пленники сначала сохраняют свободу движения, но им нет нужды двигаться, а силы для поддержания существования они впитывают из окружающей среды. Всё это относится и ко второму из поясов магм – Гвэгру, представляющему собой раскалённую докрасна, неподвижную среду.

Далее идёт Укарвайр – бушующая магма, там телесная мука превышает все усилия человеческолого воображения. Там искупают свои грехи извратители высоких и светлых идей, несущие ответственность за калечение трансфизических путей тысяч и миллионов душ. Там же находятся и те, кто повинен в гнусных деяниях, называемых на нашем языке осознанным садизмом, для которых страдания других вызывали чувство наслаждения, и они ими упивались снова и снова.

К счастью, время здесь течёт гораздо быстрее. Весьма известному писателю наших дней, пишет Андреев, виновному в подмене идеалов, в извращении идей, в отравлении множества сознаний ложью, показалось, например, что он здесь пробыл не десять лет, как это было по земному времени, а всего несколько дней.

Следующим идёт Пропулк – магма твёрдая, здесь страданиями искупают свои грехи массовые палачи, виновники кровопролитных войн и мучители народа. Свобода движения утрачивается, тело как бы замуровано в твёрдый состав, сдавлено со всех сторон – мука страшная. Но даже такая жуткая телесная мука здесь ничто по сравнению со страданием души. Это такое жгучее раскаяние и такая тоска о Боге, какие невозможны ни в одном из верхних слоёв. К счастью, до Пропулка опускаются немногие. Здесь искупают свои земные грехи такие существа, как Ежов и сподвижники Берии. Ещё совсем недавно здесь

продолжал томиться Малюта Скуратов, а в Пропулке Западных метакультур всё ещё не развязали своей кармы не только Робеспьер и Сен-Жюст, но даже некоторые из инквизиторов XVI века.

Сакуала магм завершается слоем, носящим название Ырл: это магма сверхтяжёлая. Здесь телесные страдания совершенно меркнут перед духовною мукой. Ырл создан для возмездия тем, кого на нашем юридическом языке мы назвали бы рецидивистами; там пребывают те, кто, уже раз испытав падение в магмы и возвратившись в Энроф, вновь отягчил себя великими злодеяниями.

Магмы кончились.

Ядро планеты

Ниже начинается общий для всех метакультур мир, состоящий из нескольких объединённых слоёв (это сакуала). Первым идёт слой Биаск, его инфракрасные пещеры – худшая из алых преисподних от Фукабирна до Биаска. Тело страдальцев здесь меняется, появляется подобие головы и четырёх ног. Дар речи утрачивается, так как разговаривать не с кем: каждый из узников изолирован от остального мира и видит только своих мучителей – именно тех, которые похожи, как это ни странно, на пресловутых чертей. Их здесь великое множество, а грешников мало, несколько десятков. И, чтобы получить с них необходимое количество демонического питания (гавваха), черти мучают своих жертв всеми способами, какие в состоянии измыслить.

В Биаск из человеческого мира попадают те, кто был в Энрофе растлителями духа. Такие преступления расцениваются столь сурово потому, что они приносят большой кармический вред для тысяч и тысяч человеческих душ. Даже палач, от руки которого погибли сотни людей, не наносит себе такого ущерба, как тот, про кого сказано в Евангелии: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Матф. 18, 6). И даже если бы Е.Ярославский или Д.Бедный были в своей частной жизни добрыми людьми, это не спасло бы их от посмертного падения в Биаск, неизбежного для всех растлителей духа. Ниже Биаска зияет Амиуц: вертикальные щели. Падающий туда как бы застревает в них, висит в полной беспомощности в этих страшных расщелинах. А так как щели ведут в один из главных демонических слоёв нашей вселенной – в Гашшарву, то несчастный оказывается висящим прямо над гнездилищем демонических сил Шаданакара. В Амиуц попадают те, кто в своей земной жизни сочетал сознательный садизм с огромностью злодеяний.

Но из вертикальных щелей Амиуца есть и боковые ходы-тупики. Это Ытрэч – планетарная ночь, длящаяся от начала формирования Шаданакара до конца существования нашей планеты в Энрофе. Здесь были очень немногие, например Иван Грозный.

А дальше есть ещё один слой, совсем особый, в нём изживал свой грех Иуда Искариот. Называется он Журщ, и никто никогда, кроме Иуды, в этот слой не вступал.

Ясно, конечно, что о страданиях, переживаемых в слоях ядра, мы не можем себе составить даже отдалённого представления.

Кладбище Шаданакара

И вот описание подошло к последнему из нисходящих слоёв – Суфэтху, это уже антикосмос, кладбище нашей вселенной (Шаданакара). Сюда попадают упорствующие во зле, и здесь остатки их шельта покидают даже монады. Монады улетают из Шаданакара вообще, чтобы начать всё сначала в других, недоступных для нашего понимания

пространствах, временах и формах. Ниже Суфэтха – Галактическое Дно, там нет даже Космического Времени.

Но в Суфэтхе шельт остаётся живой, самосознающее, хотя и низшее Я, едва шевелится постепенно выдыхая остатки жизненных сил. Это и есть та смерть вторая, о которой говорится в Священном писании. Искра сознания теплится до конца, и мера её мук превышает воображение самих демонов. Сюда до сих пор не может достичь никто из сил Света, даже Планетарный Логос. Братьям синклитов Суфэтх может быть виден иногда, но не изнутри, а из соседних слоёв. Тогда они различают пустыню, над которой стоит тускло-лиловая Гашшарва – антикосмос Гагтунгра.

К счастью, за всю человеческую историю набралось лишь несколько сотен монад, упавших до Суфэтха. И из них только несколько единиц оставили след в истории. В Суфэтх попадают те, кто не нужен и Гагтунгру. Из исторических деятелей, оказавшихся здесь, можно назвать Домициана. В следующем воплощении, после падения в Пропулк, он стал маршалом Жюлем де Рэцем, тем самым, который сперва был сподвижником Жанны д'Арк, а потом – злодеем и садистом, купавшимся в ваннах, устроенных из внутренностей убитых им детей. Сброшенный в Ырл, он в следующей инкарнации на земле опять запятнал себя великими злодеяниями в эпоху инквизиции. После третьей кончины он в третий раз провалился, сквозь все слои преисподней, до Суфэтха и был выброшен из Шаданакара, как шлак.

ШРАСТРЫ И АНТИКОСМОС

Обитатели шрастров

Шрастры – это обиталища античеловечества. Они созданы демоническими силами для осуществления мирового плана Гагтунгра и имеют для людей совершенно особое значение. Все шрастры четырёхмерны, но с разным числом временных координат. Метагеологически шрастры связаны с нижними слоями земной коры в горной местности – это так называемые компенсационные выступы, уравнивающие горные массивы на поверхности Земли и обращённые своими остриями и гребнями к центру планеты. В Энрофе (в мире людей) горы безжизненны и мертвы – базальт, лава и ничего более, – но в четырёхмерном перевёрнутом мире не так. На изнанке земной коры понятия верха и низа не совпадают с нашими, там действуют два притяжения: к толще земной коры – и к центру Земли. В подземном оранжево-рыжем небе неподвижно стоят инфралиловые и инфракрасные, почти чёрные светила – это виднеется демонический антикосмос Гашшарва и страдалища земного ядра.

Что за природа, какой ландшафт на этой изнанке мира? Синего и зелёного цветов здесь нет, зато имеются два, которые не воспринимает наш глаз. Имеется и некое подобие растительности, но это нечто жгучее и жуткое: купы массивных тёмно-багровых кустов, а местами большие шевелящиеся цветы из пламени. Рельеф очень неровен, в массивы суши вкраплены озёра и моря белой и розовой лавы. В целом ландшафт имеет своеобразный геолого-урбанистический характер – гигантские многомиллионные города. В инфра-России, например, главнейший из них связан с компенсационным выступом анти-Урала, другой соответствует Кавказу. Имеются города и под нашими низменностями, но они разбросаны на больших расстояниях, пространство между ними, по большей части, заполнено лавой.

Античеловечество состоит из игв и раруггов, это две основные, но весьма отличные друг от

друга, расы. Игвы – мелкие высокоразумные существа, обладают острым интеллектом, внешне походят на человека, но имеют четырёхмерную форму. Пальцы на руках и ногах снабжены чем-то вроде кожаных летательных перепонок – игвы способны к полёту, передвигаются по воздуху с большой скоростью, садятся на потолки и стены зданий, как мухи. Кожа их имеет мышино-серый цвет, глаза красные стебельчатые, выдающиеся по сторонам цилиндрической головы, рот вытянутый трубкообразный. Игвы общаются между собой на языке односложного строения, который фонетически ближе всего к китайскому, среди гласных доминируют звуки «о», «у».

Обыкновенно игвы ходят обнажёнными, чрезмерный интеллектуализм этих существ выхолостил их сексуальную сферу и чувство стыда. Способ размножения похож на человеческий, но непригляднее – совокупляются почти на ходу и у всех на виду. Чувства любви, привязанности, жалости практически нет, вместо семьи – кратковременные союзы, а для детёнышей предусмотрены тщательно оборудованные и скрупулёзно продуманные воспиталища.

Мораль, существующая в шрастрах – рабская, форма правления – сатанократия.

Социальное общество состоит из двух классов: высшая интеллигенция, в которую входят учёные, инженеры, жрецы и подчиняющееся им большинство, действующее только по заданиям руководства. Впрочем, и само руководство строго подчинено воле Великих игв и уицраоров (о них позже). Почти неограниченным владыкой в каждом из шрастров фактически является один Великий игва. Династического наследия здесь нет, преемника для Великого игвы подготавливают демонические силы с изумительной рациональностью и дальновидностью. Ясность сознания Великих игв огромна, хотя воспринимают они весь мир перевёрнуто, под демоническим углом зрения. После смерти Великие игвы поднимаются прямо в Дигм, в обиталище Гагтунгра.

Наука и техника в шрастрах очень развиты. Иные условия и законы тех слоёв определили и иное, сравнительно с нашим, содержание их науки, но методы научного исследования и принципы техники весьма схожи с человеческими. Правда, они ушли далеко вперёд, хотя до сих пор пользуются принципами винта, колеса и ракеты. Есть корабли и суда для плавания по озёрам инфралавы. Есть авиация – между шрастрами практикуются регулярные рейсы. Весьма развит даже туризм, но не с эстетическими, а только с практическими познавательными целями.

Их наука дала игвам возможность проникнуть и на поверхность земли, уловить тени Энрофа. В их инфрафизическом слое поверхность нашей земли мертва и пустынна, как для нас – поверхность Луны. Но планеты Солнечной системы и само Солнце игвы увидели, хотя и совсем иначе, чем видим мы. Температура в шрастрах очень высокая (для людей она была бы непереносима), и поэтому Солнце для игв – это тусклое инфракрасное пятно, еле излучающее тепло. Несмотря на все меры защиты, принятые против холода, игвы-пионеры на поверхности Земли жестоко страдали во время своего проникновения к нам. Но планы на освоение поверхности земли у них остаются – чтобы повлиять на человечество в желательном для себя направлении.

О Боге обитатели шрастров знают от Великих игв, которые своим подданным преподносят Иисуса Христа как мирового тирана, более страшного, чем Гагтунгр. В их представлении Христос – это деспот и антихрист. Вообще всё там опрокинуто вверх дном.

В городах бушует ритмическая музыка, преимущественно шумовая. Ещё большую роль в жизни игв играют танцы, похожие на безобразные вакханалии. Это их своеобразные демонослужения: ритмические оглушительные звуки исполинских инструментов, сочетающиеся с поразительными световыми эффектами и экстатический пляс-полёт в пространстве четырёх координат, превращается в массовое беснование, к которому присоединяются и ангелы мрака. Излучаемую при этом энергию впитывает сам Гагтунгр.

Цивилизация игв не ограничивается наукой и техникой, она включает и некоторые искусства. Но развитию искусств препятствует рассудочный склад психики игв и их слабая эмоциональность. Наибольшее развитие в шрастрах получила архитектура. В городах построены огромные сооружения сверхчеловеческих размеров и голых геометрических форм. Частично – это скалы, выдолбленные изнутри и облицованные снаружи. Кубы, ромбы, усечённые пирамиды блистают облицовками красного, серого и коричневого цветов – всё это похоже на наш конструктивизм. Перед одним из грандиозных зданий, представляющим собой гору, выдолбленную изнутри, высится огромное изваяние: праигва верхом на раругге.

Раругги – это вторая основная раса античеловечества и аборигены Друккарга. Обликом они напоминают отчасти кентавров, отчасти ангелов мрака, а больше всего, пожалуй, летающих мезозойских ящеров. Но крылья раруггов могучи и выпрямлены по сторонам их огромного тела. В Энрофе, при наших законах тяжести, полёт такого массивного тела с такими крыльями был бы невозможен.

Их сходство с ящерами не случайно: раругги и есть эти ящеры. После длительных инкарнаций в телах аллозавров, тиранозавров и птеродактилей некоторые – наиболее хищные виды их – вступили на путь дальнейшего развития в слоях инфрафизики. За истекшие миллионы лет они стали разумны, но их разумность ещё очень далека от изошрённого интеллекта игв. Зато телесная мощь и невероятный эмоциональный накал душевной жизни раруггов таковы, что игвы, после длительной борьбы с ними, примирились с их соседством. Вскоре между обеими расами был выработан своеобразный договор, перешедший затем в союз. Теперь раругги – нечто вроде разумной конницы шрастров, их армия. Сами игвы участвуют в войнах лишь в крайнем случае, обычно они лишь руководят.

Игвы, раругги и уицраоры ведут непримиримую борьбу с силами Света: с синклитами затомисов, ангелами, даймонами и самими демиургами сверхнародов.

В настоящее время в нашей вселенной (в Шаданакаре) существуют четыре сильных и активных шрастра: Фу-чжу, шрастр Китая, Юнукамн – шрастр Романо-католической метакультуры, Друккарг – шрастр Российской метакультуры и Мудгабр – изнанка великой культуры Северо-Запада. Шрастры других метакультур прошли пик своего развития и сейчас влачат жалкое существование. Вырождающиеся обитатели шрастров вынуждены перебиваться мелким хищничеством, попросту выкрадывая пищу у соседних процветающих шрастров.

Уицраоры

Кипучая жизнь мира античеловечества (шрастров) теснейшим образом переплетена с бытием соседней сакуалы – местом обитания огромных демонических существ – уицраоров. Уицраоры – могущественные существа, играющие огромную роль в истории и метаистории человечества. Их физические размеры огромны, щупальцы длинны – если голову этого создания вообразить на месте Москвы, щупальцы его дотянутся до моря. При этом они очень быстро передвигаются и обладают даром речи.

Происхождение их имеет двойственную природу. Они появились по воле демиургов, как защитники того или иного сверхнарода от внешних врагов (подробно о появлении уицраора России написано в главе «Метаистория Руси» стр.110), но постепенно, под влиянием семени Гагтунгра, уицраоры переродились в трансфизического носителя великодержавной государственности. Эти бесполое существа размножаются путём, напоминающим почкование. Каждый их детёныш, отпочковавшись, становится тотчас смертельным врагом

своего родителя и потенциальным его убийцей. В большинстве метакультур существует лишь один уицраор, либо один уицраор-родитель и одно или несколько его детищ, ведущих с отцом отчаянную борьбу. Также бывает, что взрослые уицраоры разных сверхнародов сражаются друг с другом. Российского уицраора зовут Жругр, за всё время существования России их было три. Сегодняшний уицраор пришёл на замену родителя в 1917-1918 годах. Уицраоры обитают в пустынном мире, похожем на горячую тундру. Этот мир разделён на отдельные зоны, соответствующие границам разных метакультур. Уицраор может проникать в соседний шрастр античеловечества, вползая туда, как туманная гора. Игвы и раругги трепещут, слыша его голос, для них он властелин и деспот, но при этом и защитник и партнёр в борьбе против сил Света.

Какова же связь человечества с уицраором и их миром? Это очень важно, и дело в следующем – вся человеческая история, политическая и историческая, – это трансфизическое отражение всех самых различных коллизий борьбы уицраоров между собой, борьбы каждого из них с демиургом и синклитом данной метакультуры.

Уицраоры видят Энроф (слой обитания человечества) смутно, людей и наш ландшафт – туманно и искажённо, но любят наш мир горячей, неутолимой страстью. Гагтунгра они видят ближе и воочию и трепещут перед ним, как рабы. Великих игв уицраоры считают исполнителями своей воли, хотя в действительности Великий игва видит выше и глубже, чем они, знает больше, но не показывает это, стремясь использовать алчность и мощь уицраоров в интересах античеловечества.

Что же поддерживает жизненные силы уицраоров, чем они питаются? Механизм этого процесса весьма сложен для нашего понимания. Уицраор излучает в гигантских количествах своеобразную психическую энергию, проникающую к нам в Энроф. Эта энергия неосознанно воспринимается человеком, а затем она проявляется в человеческом обществе в виде таких национально-государственных чувств, как: благоговение перед своим государством (не перед народом, а именно перед государством с его мощью), гордость за себя, как соучастника в грандиозной деятельности государства, гордость за его успехи и победы в любых сферах, гордость за своих правителей или вождей, жгучая ненависть к их врагам, национальное самодовольство, воинственность, завоевательный энтузиазм. Все эти чувства, возникая в человеческом сознании, дополняются человеческой психикой, растут и гипертрофируются в своеобразное психоизлучение. Это человеческое психоизлучение опускается сквозь земную кору, проникает в соседние инфраслои и проступает там в виде вязкой красной росы на почве шрастров. Игвы собирают эту росу для уицраоров – в этом и состоит их главная обязанность по отношению к ним. То есть, по сути, уицраор питается людскими психоизлучениями, связанными именно с эмоциями государственного комплекса.

Игвы не только собирают росу для уицраора, но и изо всех сил помогают ему в его схватках с демиургом, вливая в тушу демона побольше питательной росы. Помогая уицраору в борьбе, игвы не видят самого демиурга, но трепещут перед этим могучим и светлым существом, демиург внушает им ужас и чувство острой враждебности, потому что они знают, что гибель уицраора может повлечь за собой и разрушение шрастра.

Гагтунгр

Гагтунгр (планетарный демон Земли) обитает в одном из слоёв антикосмоса – Дигме. Облик этого великого демона Шаданакара безмерно жуток: с чёрными крыльями, раскинутыми от горизонта до горизонта, как бы возлежащий на бушующем лиловом океане, в лучах инфралилового зарева он поднимает своё тёмно-серое лицо в зенит. Горе

тому, на кого Гагтунгр опустит свой взор и кто этот взор встретит открытыми очами. Из всех людей, оказавшихся в Дигме, только один Торквемада нашёл в себе силы вспомнить в этот миг Божье имя. Остальные монады стали рабами дьявола на неисчислимые века. Сущность Гагтунгра сводится к его троичности. Он включает в себя и Великого Мучителя, и Великую Блудницу, и осуществителя демонического плана Урпарпа. Кроме Гагтунгра, в Дигме находятся также избранники зла: монады немногих людей, слившихся со своими демонизированными шельтами, и столь же немногие души некоторых существ демонической природы, в том числе – великих игв, тёмных водителей античеловечества, уже закончивших свой путь в различных, более плотных материальных слоях. Здесь они творят богоборческий план, наслаждаются близостью Великой Блудницы и молятся своим богам.

Ещё слои антикосмоса

Антикосмосы всех брамфатур, и нашей Земли в том числе, двухмерны: это бесконечные плоскости, пересекающиеся между собой в одной линии – её можно назвать демонической осью Галактики. Для облегчения понимания такой «конструкции», антикосмосы можно сравнить с книгой, поставленной вертикально на корешок с растрёпанными листами. Двухмерную плоскость каждого листа книги мысленно продолжим в бесконечность. Все эти плоскости окажутся пересекающимися друг с другом, под различными углами, в одной вертикальной линии, находящейся внутри корешка книги – это и есть прообраз демонической оси Галактики, её антикосмоса. Этот антикосмос будет зрим для любого существа, обитающего в любом из этих двухмерных плоскостных миров, в том числе и из соответствующего слоя Шаданакара (Земли).

Двухмерный слой Шаданакара называется Гашшарва, там обитают большинство демонических существ нашей планеты. Большое число временных координат Гашшарвы при наличии всего двух пространственных создаёт особую атмосферу. Для всякой монады процесс вхождения её шельта в этот мир мучителен: он напоминает ощущение, возникающее при затягивании тела в тесный железный корсет. Чем меньше пространственных координат, тем плотнее материальность мира. Почва там совершенно плоская и однородная, очень твёрдая, никакого эквивалента растительности там нет, хотя среда обитаний схожа с воздухом. Источник света – в самоизлучении существ и некоторых искусственных сооружений, причём синего и зелёного цветов здесь не воспринимают, но зато воспринимают два инфракрасных.

Имеется в слоях Земли (Шаданакара) и ещё более высокий демонический слой: это многомерный Шог. Сюда втекают мощные потоки инспирирующих, инвольтирующих богоборческих сил из глубины Вселенной, и никто, кроме Гагтунгра, не может вступить в этот слой. В редкие минуты остальные обитатели способны видеть Шог извне. Они воспринимают то светило невыразимо-фиолетового цвета, которое пылает в зените Дигма, уже не как сферу, но как пульсирующую арку, перекинутую от края и до края, а цветом схожую с фиолетовым. Это – антикосмос Галактики, средоточье в ней сил самого Люцифера. Временами арка как бы прогибается вовнутрь, и силы Люцифера льются в Шог. Тогда Гагтунгр, приемля их в себя, воздевает свои крылья в чёрное небо. Так, по крайней мере, воспринимают это те, кто видит Шог снаружи. Сами же по себе явления и формы этого мира для нас трансцендентны.

Всех обитателей Гашшарвы связывает между собой тирания Гагтунгра и, вместе с тем, нечто вроде союза общих интересов. Гагтунгра они ненавидят, но Бога ненавидят стократно больше. В Гашшарве обитают хозяева трёх сакуал Возмездия: нижних чистилищ, магм и

ядра.

Ангелы мрака питаются, восполняют убыль своих жизненных сил тем, что впивают гаввах от людей, страдающих в чистилищах. Проникая туда, они оказываются в менее плотной среде, в которой возможен полёт, пусть и неровный, угловатый, как бы рывками и зигзагами.

Ещё одни обитатели Гашшарвы, хозяйева магм – рыфры. Они совершенно лишены человекоподобия, каждая из них подобна движущейся гряде холмов, есть нечто вроде лица, но очень размытое.

Обитают в Гашшарве и существа, похожие на пресловутых чертей, о которых упоминается во многих человеческих мифах. Как ни странно, но существа эти и выглядят знакомо: они с хвостом и рогами. Черти обитают в Гашшарве и являются хозяевами Ядра – сакуалы, состоящей из самых ужасающих страданий слоёв Земли.

Круг обитателей Гашшарвы причудлив и пёстр. Есть могучие демоны женственной природы – Велги. Это – гиганты. В истории человечества они проявляются иногда как умножательницы жертв и вдохновительницы анархий. Это огромные, свивающиеся и развивающиеся покрывала, чёрные и лиловые. У каждого народа есть своя Велга, в России – очень древняя.

Есть ещё и другие существа, гнездящиеся в Гашшарве, но о них ничего неизвестно. Зато известно, что там находятся некоторые из числа тех, кто были в Энрофе людьми: носители специальных тёмных миссий. Впрочем, здесь они почти не страдают. Задача в другом: в Гашшарве они заботливо и скрупулёзно подготавливаются силами Гагтунгра к очередному воплощению в человечестве для выполнения очередной тёмной миссии.

Почему человеческий шельг принимает на себя тёмную миссию? Дантес принял её из страха. После смерти, низвергнутый сквозь все слои на Дно Шаданакара, он был взят оттуда в Гашшарву силами Урпарпа и спустя некоторое время вновь родился в Энрофе. А совсем недавно он существовал в России, где, выполняя новую тёмную миссию, погубил несколько крупных дарований. Некоторые сущности принимают тёмную миссию добровольно, из жажды власти, из жажды крови, из врождённой тяги ко злу. Так было, например, с Тимуром, прошедшим в посмертии те же круги, что и Дантес, но гораздо медленнее. Поднятый наконец в Гашшарву, Дантес принял новую миссию в силу безвыходности.

Силам Света нередко приходится спускаться в Гашшарву. Эти спуски мучительны, но они совершаются по необходимости – для борьбы с ратями Гагтунгра.

О картине Врубеля

«Поверженный Демон» Врубеля двуслажен, двуслоен. Эта картина – память художника о прозрении в Дигм, о Гагтунгре, раскинувшем крылья до горизонта. Это – некий метапортрет, правильнее сказать – инфрапортрет одного из мелких демонов. Они именуются ангелами мрака, и это наименование соответствует вполне их облику: в них есть некоторое человекоподобие, у них широкие крылья удивительной красоты, а в пурпуровой и багряной окраске этих крыльев чудится нечто царственное. Но на врубелевском полотне эти дивные крылья поломаны: гениальная интуиция художника этой деталью передала роковую ущербность обитателей Гашшарвы. В действительности их крылья не повреждены, но самая возможность пользования ими мучительно сужена, так как в плотной, хотя и прозрачной среде этого слоя возможно только медленное продирирование сквозь материальность, а не полёт. Серый, как пепел, цвет лиц ангелов мрака отталкивающий и ужасен, а в чертах лица читается их хищная и безжалостная природа.

Дно Шаданакара

Демонический стан имеет ещё один мир: мир одномерного пространства и одномерного времени. Это – Дно Шаданакара, страдалище демонических шельтов и немногих людей – носителей тёмных миссий. Здесь материальность самая плотная из всех возможных. Всё это помогает окончательно уяснить относительность понятия «воплощение». Демоны, воплощённые в Гашшарве или в некоторых других слоях трёх и даже четырёх измерений, после смерти погружаются на Дно, где их ждёт новое тело, самое плотное из возможных. Таков закон кармы, обращающийся вторым остриём против самих демонов. Излучениями от их страданий на Дне питается сам Гагтунгр. Подобным Дном обладают все брамфатуры нашей Галактики, захваченные демоническими силами. И подобно тому, как двухмерные космические плоскости многих антикосмосов (или гашшарв) скрещиваются в общей линии, точно так же скрещиваются в единой точке схода все космические линии галактических днищ. Точка эта находится в системе звезды Антарес. В наших широтах средней России яркую пульсацию виннокрасных лучей звезды Антарес можно увидеть поздней весной и летом низко над южным горизонтом. Со Дна же Шаданакара не видно ни Солнца, ни других небесных тел – ничего, кроме неподвижной Антарес, в которую Дно упирается одним концом. Оттуда она кажется инфракрасной. В противоположном направлении не видно ничего. Там-то и таится Дно Галактики, лишённое времени.

Шрастр России

Друккарг – шрастр России. В центре главного города Друккарга стоит огромное капище – сооружение высотой около километра. Главный город окольцован цитаделью, состоящей из концентрических кругов. В одном из них томится Навна – Идеальная Соборная Душа России. Уже после 1918 года крепость, в которой она томится, укрепили: сверху воздвигнули плотный свод. Теперь её сияющий голос едва проступает на поверхность циклопических стен. Игвы и раругги её не слышат, не могут слышать, но её голос могут слышать и верующие люди на земле и просветлённые души в Небесной России. Кто она – Навна? Навна – это то, что объединяет русских в единую нацию, то, что зовёт и тянет отдельные русские души ввысь и ввысь, то, что овекает искусство России неповторимым благоуханием, то, что надстоит над чистыми и высокими женскими образами русских сказаний, литературы и музыки, то, что рождает в русских сердцах тоску о высоком, особенном, лишь России предназначенном должествовании, – всё это Навна. Соборность же её заключается в том, что нечто от каждой русской души поднимается к Навне, входит в неё, оберегается в ней и сливается с её собственным Я. Можно сказать и так: Навна – это некая духо-энергия, имеющаяся у каждого человека, входящего в организм нации. Навна – невеста демиурга России и пленница уицраоров – Жругров.

Кроме раруггов и игв в Друккарге есть и ещё обитатели – это те, чья жизнь и деятельность в русском Энрофе были крепко связаны с государственным строительством, кто имел большую власть и влиял на судьбы миллионов людей: цари, князья, полководцы... Здесь они как узники и рабы без отдыха вынуждены строить цитадель для игв. Освободить их может только гибель династии Жругров и разрушение Друккарга – то есть, это произойдёт нескоро. Здесь находятся, например, с самого начала своего посмертия Иоанн III и почти все остальные монархи, полководцы, деятельные строители государственности. В российском Друккарге таких рабов-пленников около трёхсот. Это человекоподобные

существа громадных размеров, напоминающие фигуры древних титанов. Но в их обликах нет ничего светящегося. Напротив: лица их кажутся испепелёнными глубинным огнём, тела облачены в грубые, тёмно-багровые ткани. Они скованы между собой, а труд их схож с кладкой камней, с возведением новых и новых ярусов цитадели. Им разрешён лишь короткий полусон и – снова работа. Пищей служит растительность. Над ними довлеет страх перед уицраором: в случае ослушания или бунта он может сбросить их на Дно Шаданакара. И история Друккарга уже знает такие случаи.

Есть ли исключения, неужели все правители попадают в Друккарг? Да, есть и исключения. Это, с одной стороны, тираны: прежде чем попасть в Друккарг, они веками искупают свою личную карму в глубоких страданиях. Некоторые из них уже миновали эти круги и теперь находятся здесь, например, Иван Грозный. Другие, например Павел I или Аракчеев, ещё только поднимаются из глубины магм.

Но есть и иные, светлые исключения, их мало, но они есть. В Друккарг не попали те, кто, будучи монархом, создал ещё при жизни противовес своей лично-державной карме, создал его горячей верой, высоким милосердием и добротой, либо даже страдальчеством. Это – Владимир Святой, Владимир Мономах, Александр Невский, Фёдор Иоаннович. И ещё те, для кого власть, едва принятая в руки, оказалась источником только страданий, утрат и даже гибели: Фёдор Годунов, Иоанн Антонович. А Николая II избавила от Друккарга трагедия, случившаяся с ним в Екатеринбурге. Совсем особое значение имеет одна из колоссальнейших фигур русской метаистории – Александр I. Ему в «Розе мира» посвящена отдельная глава.

Аналогично русскому Друккаргу в Западном античеловечестве Мудгабре пребывают пленники-титаны Карл V, Наполеон, почти все монархи, полководцы, государственные деятели Северо-Западной Европы и Северной Америки. В шрастре Романо-католической метакультуры Юнукамне работают камненосцами Григорий VII, Лойола, большинство пап. Торквемада, пробив в Биаске и Пропулке много веков, поднял ещё только до нижних чистилищ. А в особом, уже совсем недоступном застенке российского античеловечества Друккарге содержатся те из братьев синклита, кто был пленён во время битв между тёмными и светлыми силами. Они томятся в бессрочном заключении, ожидая неизбежной – рано или поздно – гибели этой крепости античеловечества.

Дуггур

И есть ещё один демонический мир, стоящий как бы особняком, так как он связан со стихией человечества. Слой этот называется Дуггур, там царят очень опасные для человеческого душевного существа демоны. В Дуггуре нет ни гор, ни лавовых морей, ни растительности, а только пустынная океанообразная сфера тёмных паров (как в слоях чистилищ Агр и Буствич) с редкими островами, связанными с земными городами-гигантами. Из Дуггура видно наше небо, но из небесных светил видна только Луна, поэтому большую часть времени этот демонический мир погружён в глубокий сумрак. Повсюду искусственное освещение – длинные цепи мутно-синих и лиловатых фонарей тянутся нескончаемыми гирляндами вдоль пышных массивных зданий. В архитектуре господствует закруглённая линия, внутреннее и внешнее убранство зданий аляповато и грубо, но поражает своим богатством, своим бьющим в глаза великолепием. Дуггур не только грандиозен, он по-своему величав и даже роскошен. Как и в шрастрах, там имеется эквивалент человеческой техники, хотя по уровню сложности его можно сравнить с техникой древних цивилизаций.

В каждом городе Дуггура проживает и царствует великий демон женского рода – демоница

гигантских размеров. Эти необъятные туши, почти не способные к передвижению, отчасти человекоподобны. Население городов состоит из мелких демонов обоего пола, и по размерам своим, и по форме очень похожих на человека. Как пчёлы вокруг матки, кишат они вокруг своей владычицы с единственной целью – получить наслаждение. Тем более, что смысл и цель существования демоницы – удовлетворение похоти своих подданных. Для каждой демоницы построено грандиозное обиталище в форме усечённой пирамиды. Организация общества развивается очень медленно, мало-помалу начиная проявлять некоторые признаки того, что на языке человеческих понятий называется самоуправлением. Но социально-экономической основой остаётся рабство, причём рабами здесь становятся те, кто сорвался сюда из человечества или из некоторых миров других стихиалей. Положение мелких демонов Дуггура привилегированное и напоминает положение патрициев и всадников в Древнем Риме. Нельзя сказать, чтобы они были как-нибудь особенно жестоки, но сладострастны они свыше всякой меры, как не сладострастно ни одно существо на земле, в Энрофе. На этом и держится власть великих демониц в городах, их владычество основано не на страхе, а на похоти, которую испытывают к ним миллионы подданных, и на наслаждении, которое им даруется в награду за их послушание и любовь.

Демоницы Дуггура телесно отдаются одновременно целым толпам, и в их обиталищах, полудворцах-полукапищах, идёт непрерывная, почти непонятная для нас оргия во славу демонической царицы Луны, той самой, чьё влияние испытывают иногда и люди в лунные ночи – в человеческом существе к маняще возвышенному и чистому чувству примешивается тоска по таким сексуальным формам наслаждения, каких нет в Энрофе (на земле). В Дуггуре эти формы есть. В Дуггуре выработана почти необозримая шкала этих форм, столь разнообразных, как нигде в Шаданакаре. Влияние возвышенной и чистой Танит (см. в приложении «О Луне») сюда не достигает совсем, о солнечном свете здесь не имеют даже представления, всё погружено в сумрак, и ничто не мешает бушеванию страстей, вызываемых великой лунной демоницей Воглеа. Она пьёт клубы испарений непрерывных оргий, происходящих в дворцах-жертвенниках Дуггура. А похоть бесчисленных обитателей этих городов не может удовлетворить ничто, ибо их томит ещё более глубокий, мало кому из людей понятный вид сладострастия – сладострастие мистическое, тянущее их к недостижимому даже для них: к Великой Блуднице. Она – их божество, их тоска и грёза. Ей посвящён их высший культ. В дни её праздников демоницы-правительницы отдаются своим рабам. Но удовлетворить то мистическое сладострастие, о котором они мечтают, можно только в Дигме, в обиталище великого демона Гагтунгра. Но достойным этого оказываются лишь избранные.

Всё бесчисленное население Дуггура восполняет свои жизненные силы за счёт обитателей Энрофа – людей, животных. Излучения человеческой, и отчасти звериной, похоти, так называемый эйфос, проступают в Дуггур вязкими беловатыми ручьями и служит пищей. Такая пища соответствует их собственному существу: похоть – смысл, цель, содержание и пафос их жизни. Острота наслаждений, испытываемых ими, во много раз сильнее человеческой. В своём посмертии они погружаются в Буввич, приобретают там облик человеко-червей и заживо пожирают людей-страдальцев в этом вечно гниющем мире. Для человеческой души срыв в Дуггур таит грозную опасность. Срыв происходит в том случае, если на протяжении жизни на земле душу томило и растлевало сладострастие к потустороннему – то самое мистическое сладострастие, которое испытывают мелкие демоны Дуггура к Великой Блуднице. Спасение души из рабства силами Света в Дуггуре наталкивается на исключительные трудности.

Общее описание

Стихиали – это монады, которые проходят свой путь становления и совершенствования сквозь царства Природы. Слои, в которых обитают стихиали, локальны, подобны оазисам, а между ними – пустынность. Друг от друга они отличаются, как и слои, различиями в количествах временных координат. Кстати, человечество (его стихийные силы) также является аспектом своеобразного царства Природы, а Дуггур, о котором было сказано выше, есть форма проявления человеческих стихий.

Большинство стихиалей имеют светлую природу, но есть и стихиали демонической природы. Есть и так называемые промежуточные группы, сущность которых была временно омрачена в ходе их развития. Но всех их объединяет одно: пути их очень тесно связаны с царствами природы.

Вода, воздух, земля, растительный покров, минеральные слои магмы – всё это, в большей степени, не плоть стихиалей, а скорее внешний концентрический круг среды их обитания, пронизанный ими, движимый ими и преобразуемый, – это арена и материал их творчества, их веселия и гнева, их борьбы, игры и любви. Собственная же плоть стихиалей имеет в основном струящийся характер.

Демонические и «полудемонические» стихиали

Стихиали демонической природы примыкают к демоническим слоям инфрафизики – шрастрам и т.д. Приведём здесь их названия и краткое описание. Читателю, который не хочет засорять свою голову незнакомыми словами, можно не запоминать эти названия, но узнать их содержание важно.

Шартамахум – область буйных и страшных стихиалей магмы. Область эту следует понимать как зону воплощения существ, чьи шельты между инкарнациями находятся в инфражелезном океане Фукабирна, не испытывая, правда, тех страданий, какие испытывают попавшие туда человеческие души. Извержения магмы на земле, в Энрофе – это как бы внешний круг среды их пребывания в периоды воплощения в Шартамахуме, арена и материал их творчества, их гнева и борьбы. Во время вулканической деятельности, землетрясений, геологических катастроф стихиали Шартамахума вырываются из подземных глубин того слоя как бы на его поверхность, неся живому только гибель. Но это лишь косвенный, почти случайный результат их деятельности, до живых существ в Энрофе (на земле) им нет никакого дела, они их просто не воспринимают, а если бы и восприняли, то не поняли бы. Прямой смысл их деятельности заключается в преобразовании земного шара. Субъективная деятельность этих стихиалей (мятежный разгул и дикое бесконтрольное беснование) доставляет им простое наслаждение. Объективно же получается так, что эти буйствования вызывают изменения лика Земли в Энрофе, вызывают процессы горообразования, меняют морской и континентальный климат, развитие растительного и животного мира и, в конце концов, создают предпосылки и условия для появления и жизни человека. Провиденциальные силы отчасти обращают во благо злобное и неистовое действие демонических стихиалей, извлекают из него некий положительный итог.

Но есть и такие стихиали, из чьей деятельности так и не удалось извлечь положительный итог. Таковы, например, стихиали трясин, болот, тропических зарослей. Слой их пребывания называется Ганникс и он подобен подводной черноте. Души этих стихиалей, после смерти в Ганниксе, пребывают в темнейшем из миров – Ытрэче, чтобы затем снова

реинкарнироваться в Ганниксе. Бытие Ганникса ощущали многие народы на заре своей истории, а некоторые ощущают и поныне. Сказания о разноликих, вернее безликих, коварных существах, заманивающих человека в гибельные места, связаны именно с этим миром. Он таится не только за трёхмерными зонами трясин и болот, но и в наледях сибирской тайги, в чарусах и немеречах средней России. В трагической гибели австралийской культуры повинны, наряду со стихиями пустынь, и чёрные, клубящиеся, засасывающие в темноту стихии Ганникса.

Не менее враждебны человеку, да и всему живому, стихии песчаных массивов, чей слой воплощения называется Свикс и похож он на пустыню в состоянии самума. Между воплощениями в этом слое стихии пустынь находятся в Шим-биге, где усугубляют мучения проходящих через этот инфрафизический туннель человеческих душ, терзая их в виде присасывающихся к ним вихрей. Земная пустыня в состоянии покоя, а это случается, когда стихии Свикса утомлены или погружены в забытие, являет человеческим очам такой величавый простор, такие мирные и чистые дали, а небо зияет над ней с такой очевидной божественностью, что, вероятно, нигде на земле нет других мест, более способствующих созерцанию Единого Бога. Легко понять, почему чёткое единобожие возникло и утвердилось именно в странах с великими пустынями.

Нугурт – это угрюмые, мрачные и алчные стихии морских глубин. Души этих стихий также пребывают в непроглядных мирах земного ядра. Нугурт дожждётся просветления ещё очень и очень нескоро. Стихии морских глубин прорываются на поверхность воды исподволь, из глубинной тьмы, сквозь мир прекрасных стихий верхних слоёв моря. В открытом океане излучения Нугурта сильнее, потому что там толща глубинных тёмных слоёв массивнее, чем в мелководных морских бассейнах. Для людей это излучение физически не опасно, но его опустошающее, отягчающее действие знакомо многим морякам.

Промежуточная группа стихий

Группа слоёв стихий, принадлежащих не к демонической, а к промежуточной группе, очень тесно связана с Дуггуром, но их монады, там пребывающие, принадлежат скорее светлой природе. Из-за демонического вмешательства путь инкарнаций приводит их в слои Нибрусков, Манику, Каттарам и Рон. После смерти в этих слоях они попадают в Дуггур рабами – это для них чистилище, после которого восходящее посмертие приводит их в высшие светлые миры.

Нибруски представляют собой существа, как бы средние между мелкими демонами Дуггура и тем, что древние римляне представляли себе под именем «гениев места». Без нибрусков не обходится ни один человеческий посёлок. Эти существа заинтересованы в физической стороне человеческой любви и особенно в деторождении – возможно, они восполняют свои жизненные силы какими то излучениями человеческой души в состояниях, свойственных младенчеству и раннему детству. Они по-своему хлопчут, способствуя сближению в нашем слое мужчин и женщин между собой, шумно радуются нашим детям, суетливо снуют вокруг них, стараясь даже предохранить их от невидимых нам опасностей. Но они капризны, импульсивны и мстительны, доверять им можно не всегда.

Манику – область мелких стихий, уютящихся у человеческих жилищ. Это мир домовых, добрых и шаловливых маленьких духов домашнего очага. Древнее язычество знало его куда лучше нас, лучше евреев и магометан, и напрасно возводят поклёпы и небылицы на эти безобидные существа. Сплетни про домовых удивляют своей несправедливостью.

Подобные рассказы бывают порождены только одним духом – тем самым, который свойственен фанатикам монотеизма, ханжам и сухим моралистам, объявляющим всё, что не входит в их канон, нечистью. Куда объективнее относились к этим существам древние, видевшие в них верных друзей – лар и пенатов!..

Ландшафты мира домовых похожи на комнату и не лишены уюта. Но снаружи – мрак и холод, и не дай бог этим существам быть изгнанными из их тёплых убежищ. А формы их воплощений не таковы, как у большинства стихиаблей: в них нет ничего струистого, переливающегося, – наоборот: как и нибруски, как жители Дуггура, они обладают плотным, чётко очерченным телом, хочется сказать – тельцем. Они миниатюрны, веселы и проказливы, а некоторые активно добры. Это своего рода филантропы, любящие делать людям мелкие услуги так, чтобы этого никто не знал. Впрочем, некоторые из них позволяют себе с людьми более или менее безобидные шутки. Вообще же, они относятся к нам избирательно, но дом стараются хранить и оберегать, как могут. Потому что в случае его разрушения разрушаются и их приюты в слое Манику, и бездомные малютки в большинстве случаев погибают. Лишь немногим удаётся добраться до другого убежища. О Каттараме, области стихиаблей минерального царства, связанных с верхней частью земной коры, я почти ничего не могу сказать: соответствующего личного опыта у меня нет, а мои невидимые друзья сказали мне об этом мире лишь несколько слов, пишет Даниил Андреев. Я узнал только, что ландшафт Каттарамы – подземные пустоты среди самосветящихся метаминералов – красив сказочной красотой, но нам это всё-таки казалось бы мертвенным. Население Каттарамы разнообразно (вспомним «Хозяюку Медной горы», с одной стороны, троллей – с другой), и общение с этими стихиалями может быть чревато потусторонними опасностями.

Ещё меньше информации о Роне – области горных стихиаблей, пёстром мире существ, враждующих между собой. Ландшафт здесь похож на ландшафт Каттарамы, но обогащён отражением неба.

Последним или, вернее, высшим из слоёв этой сакуалы нужно считать Шалем – первый из миров восходящего ряда (своеобразная Олирна) для стихиаблей четырёх предыдущих слоёв. Ландшафт его сравним отчасти с колоссальными дубами среди пустыни. В средоточиях ландшафта преобладают сине-зелёные тона, к окраинам – желтоватые и серые. Здесь стихиаля становятся вполне светлыми, царственными, и здесь их ждёт не смерть, а трансформация, ведущая в миры Высокого должествования. Они её покупают ценой почти полной телесной неподвижности. Неподвижность возмещается глубиной и сосредоточенной проникновенностью духовного созерцания, в которое они погружены. Некоторые народы нашего мира, ощущая бытие этих существ, понимали их как духов отдельных гор, водопадов, источников, урочищ. В действительности это не духи, а вполне воплощённые существа; а неразрывная связь между ними и земными урочищами – лишь кажущаяся. Она обусловлена их неподвижностью, которую древние толковали сообразно уровню своего понимания подобных истин. Правда же в том, что если источник иссякнет, если водопад будет перекрыт, а гора разрушена землетрясением, стихиаля Шалема останутся неизбежно на своих местах, пока их внутренняя работа над собственным существом не подведёт их к трансформации.

Светлые стихиаля

Обозрение структуры земной брамфатуры (Шаданакара) близится к концу, осталось описать слои обитания прекрасных существ, для человека безусловно благоприятных. Для светлых стихиаблей человек не безразличен: их отношение к нам определяется нашим

отношением к Природе. Наш слой, Энроф, и людей в нём живущих, светлые стихии воспринимают осязанием и ещё одним из чувств, которого люди не знают.

Немецкие сказки об эльфах – совсем не сказки. Такой слой, в котором обитают добродушные, очаровательные маленькие существа, похожие на описанных эльфов, действительно есть – это страна Эльфов.

А в трансфизическом мире верхнего тоненького слоя земной коры – в Дараинне – обитают духи, пестующие корни и семена растений. Ландшафт страны Дараинна может показаться волшебным: семена и корни нежно светятся оттенками голубоватого, серебристого и зеленоватого цветов, вокруг каждого зерна мягко мерцает живая аура. Обитатели Дараинны – крошечные существа, похожие на белые колпачки. Сверху у каждого есть ещё один колпачок, поменьше, вроде головки, имеется также пара нежных и ловких то ли рук, то ли крыльев. Эти существа вращаются над семенами и корнями, как над колыбелями, управляя загадочными процессами, благодаря которым из крошечного семени вырастает большое дерево. Если бы не их помощь, тёмные силы получили бы доступ к этим колыбелям растений, и земная поверхность давно бы уже превратилась в непроходимые заросли вампирически хищных и безобразных растений.

Нижнему ярусу лесов: мхам, травам, кустам, всему, что мы называем подлеском, соответствует слой по имени Мурахамма. А слой обитания стихий деревьев именуется Арашамф. Стихии Мурахаммы и Арашамфа несколько не походят на людей, да и ни на одно существо нашего слоя. Души отдельных деревьев существуют в небесных странах, они там разумны, высокопрекрасны и мудры. Просветлённые души, обитающие в небесных странах, общаются с душами деревьев в полной мере: это взаимный обмен идеями, чувствами, жизненным опытом. Но в Арашамфе они облачаются эфирными телами и погружаются в полудремоту. Деревья Энрофа – их физические тела. Некоторые из них благи подобно праведникам и благосклонны к нам. Они терпеливы, спокойны и смиренномудры. Ландшафт Арашамфа напоминает зеленоватые, тихо покачивающиеся языки благовонного негорячего пламени.

Вайита. Всякий легко припомнит, как утром, на летней заре или весенним полднем проносятся тихие ветры, целующие землю. Они целуют землю с её травами и нивами, деревья, поверхность рек и озёр, людей и животных. Это стихии слоя Вайита радуются жизни. Они радуются людям и растениям, водам и солнцу, радуются земле, гладят её и ласкают.

Фальтора – стихии лугов и полей. Когда жарким летним днём погружаешь лицо в траву цветущего луга, и от медовых запахов, от дыхания нагретой земли и листьев кружится голова – это ты ощущаешь стихии Фальторы. В таком состоянии у человека в голове не остаётся ни единого мутного помысла, и может показаться, что это и есть утраченный рай. Пыль «житейского попечения» сдувается с души чистыми дыханиями и кроме всепоглощающей любви к Природе мы в эти минуты не в состоянии испытывать ничего.

Лиурна. Сквозь бегущие воды равнинных мирных рек просвечивает мир воистину невыразимой прелести – Лиурна. Это – души рек. Каждая река обладает такой душой, единственной и неповторимой. Внешний слой её вечнотекущей плоти мы видим, как речные струи. Её подлинная душа – в Небесной России, или в другой небесной стране, если она течет по землям другой земной страны. Но внутренний слой её эфирной плоти находится в Лиурне. Блаженство её жизни заключается в том, что она непрерывно отдаёт оба потока своей струящейся плоти большой реке, а та – морю, но плоть не скудеет, всё струясь и струясь от истока к устью. И если нам посчастливится воспринять Лиурну душой и телом, погружая себя в воду реки, а своё эфирное тело – в эфирные струи Лиурны, на берег выйдешь с таким чистым, просветлённым и радостным сердцем, каким мог бы обладать человек до грехопадения.

Вланмим – область стихиаблей верхних слоёв моря. По своему воздействию на человеческую душу он схож с Лиурною. Ландшафт этого мира необычен – ярко-синий, ритмически волнующийся океан. Его волны зацветают не пеной, но молочно-белыми ажурными сферами, похожими на большие цветы, цветы распускаются и тают на глазах, распускаются и снова тают. Вланмим способен сделать людей более мудрыми и чистыми, но снизу он подвергается воздействиям мира мрачных стихиаблей морских глубин – сурового Нугурта. Воздействие его заметно на душевном складе и даже физическом облике людей, повседневно соприкасающихся с ним, хотя бы и за порогом своего сознания: на рыбаках и, отчасти, моряках. На последних, впрочем, слишком заметна печать ещё других, не светлых стихиаблей: хозяев Нугурта – с одной стороны, Нибрусков и Дуггура – стихиаблей больших портовых городов – с другой. Рыбаки же получили от излучений Вланмима черту, отличающую их от остального народа: сочетание чистоты, мужества и грубоватой, немного жёсткой силы с детской цельностью души.

Зунгуф – область стихиаблей воздушной влаги, творящих облака, дождь, росу и туман. Зунгуф не отделён определённой границей от Ирудраны – области стихиаблей, чья деятельность проявляется на земле, в Энрофе, грозами, отчасти ураганами. Оба эти слоя переливаются друг в друга, как и их существа. Приоткрывается тот самый трансмиф, что брезжил в древних мифологемах народов, вызывая в их творческом воображении титанические образы громовников: Индра, Перун, Тор. Однако эти существа так далеки от малейшего сходства с человеком! И когда струи ливня обрушиваются на землю и бурные, весёлые дети Зунгуфа ликуют, то припадая к земле, то к поверхности воды, то отпрыдывая вверх, в бурлящую Ирудрану, – это бушуют весёлые и воинственные рати существ, для которых гроза есть творчество, а ураган – полнота их жизни.

Нивенна. Когда зимой при лёгком морозце тихо падает мягкий снежок, а деревья и здания стоят, убелённые инеем, человека зачастую охватывает бодрая, почти восторженная радость, – это свидетельствует о близости стихиаблей Нивенны. Страна стихиаблей инея, падающего снега, свежего снежного покрова и белые просторы, безгрешные особой, невыразимой чистотой, – вот что такое Нивенна. Резвящиеся в нездешнем весельи, похожем на весёлость эльфов, они укрывают землю своей фатой. Почему необъяснимая радость жизни пронизывает нас, когда мириады снежинок тихо и плавно падают на землю? И почему, когда мы видим леса или городские парки, убелённые инеем, мы испытываем чувство, соединяющее в себе торжественность и лёгкость, прилив жизненных сил и восхищение, благоговение и детский восторг? А тех из нас, кто сохранил в душе вечно детское начало, стихиабли Нивенны любят особенно нежно, они приветствуют его и пробуют с ним играть, им приятны возбуждение, мальчишеский азарт, быстрый бег крови в жилах во время игры в снежки или катания на салазках.

Ахаш – суровый и хмурый слой арктических и антарктических стихиаблей связан с полярными областями нашей планеты. Ахаш обладает космической протяжённостью, из него виден Млечный Путь. Когда в северном полушарии наступает зима, стихиабли Ахаша вторгаются в области материков, обитаемых людьми, увлекая за собой массы арктического воздуха, они воинствуют метелями и буранами по полям и тайге, ликуют в вышине антициклонами. Они не видят человеческого мира, как видим его мы, не воспринимают также и человека. Но есть среди них более хищные и душевно холодные, как андерсеновская Снежная Королева, – они опасны для человека. Другие, улавливающие настрой души мужественных и бесстрашных людей, любят их своей несоизмеримой с нами любовью. Они баюкают храбрецов на своих снежных коленях, открывают им пути в глубину своих стран, показывают жуткое великолепие физических покровов своего царства и, не соразмерив своей грандиозности с нашей телесной малостью, готовы навсегда укутать их белым саваном.

Дирамн и Сианна. Подобно тому, как обладает космической протяжённостью пространство Ахаша, обладают ею и два последних слоя этих светлых стихиалей: Дирамн, связанный со стратосферным воздушным океаном пояса низких температур, и Сианна – мир, просвечивающий внутреннему зрению сквозь те высокотемпературные зоны, которые объедают нашу планету на большой высоте. Однако обитающие там стихиасти столь огромны и столь чужды нашему душевному складу, что понять их сущность чрезвычайно трудно. Они светлы, но опаляющим, грозным светом. Только уже взошедшему на исключительную высоту человеческому духу возможен доступ в их царство.

Верховные стихиасти

Верховных стихиалей – семь, перечислим их.

Ваюмн – воплощённый дух воздушного океана, распространяет своё владычество от крайних пределов атмосферы до самых глубоких пропастей.

Эа – хранитель и хозяин мировых вод. Его почитали ещё греки под именем Посейдона, а римляне под именем Нептуна. Оба духа, Ваюмн и Эа, несут вечную стражу у истоков жизни на всей земле. Оба древни, как воздух и вода, и безгрешны, как они.

Повурн – властелин подземных магм. Неподвластен Гагтунгру.

Заранда – «Царь всех животных царств». Трагическая история животного царства на земле наложила отпечаток глубокой, воистину мировой скорби на его лик. И как ни объясняли бы историки символику египетского сфинкса, метаистория всегда будет видеть в нём эмблему того, кто совмещает в себе природу Великого Зверя с мудростью выше человеческой.

Эстира – «Царица Вечного Сада» – госпожа растительных царств всех слоёв нашей планеты – Шаданакара.

Лилит – «Всенародная Афродита» человечества. О ней следует сказать особо и подробнее, поскольку значение Лилит в нашем существовании очень велико. Её иноматериальное тело единоприсутствует во множестве мест её слоя, и лишь в отдельных случаях она принимает образ, который может быть воспринят духовным зрением человека. Без участия Лилит невозможно формирование ни одного тела в мирах плотной материальности. Лилит формирует цепь рода как в человеческом мире, так и у даймонов, и в мирах демонических – у раруггов и игв, и у обитателей Дуггура. Она – ваятельница нашей плоти. С её бытием и воздействием неразрывно связана у человека сфера половых чувств. Она всегда надстоит над всяким актом человеческого соития, и пока плод вынашивается в чреве, она всегда рядом. Хотя сам механизм этого процесса неизвестен.

Некогда, в глубочайшей древности, Лилит стала супругой Первоангела – того величайшего Духа, что сделался Логосом Шаданакара. Это было во времена творения ангельских слоёв, и Лилит стала праматерью этого первого человечества. Но великий демон Земли, Гагтунгр, сумел проникнуть в мир Лилит, и её тончайшее материальное тело восприняло в себя некий демонический элемент. Под представлением о первородном грехе следует понимать то, что произошло между Лилит и вторгшимся в её мир Гагтунгром, – то, вследствие чего сатанинское семя – эйцехоре – несут с тех пор все существа, в создании чьих плотноматериальных тел принимала или принимает участие Лилит. С тех пор все цепи родов, формируемые ею, воспринимают в себя и нечто от этого элемента великого демона «эйцехоре».

Мати – высшая из Верховных Стихиалей – мать всем остальным, и не только им, но и всему, существующему в Шаданакаре: всякой стихиасти, всякому зверю, человеку, даймону, ангелу, демону и даже великим иерархиям. Она самостоятельно творит эфирные тела всех существ, и астральные тела – совместно с их личными монадами. Ей свойственна

неистоцимая тёплая любовь ко всем, даже к демонам: она тоскует и скорбит о них, но прощает. Она любит всех, но благоговеет лишь перед наивысшими иерархиями Шаданакара, в особенности перед Христом. Оплодотворяет же её Солнце – великий, ослепительный дух. Людей, их душевное состояние, их внутренний образ Мати воспринимает, слышит, она отзывается на призыв нашего сердца, отвечает через природу и любовь. Ей можно молиться с великим смирением.

ВЫСШИЕ АСПЕКТЫ ВЕРХОВНЫХ РЕЛИГИЙ

Эта грандиозная сакуала включает чистейшие трансмифы пяти мировых религий человечества. Эти трансмифы трансцендентны для человека, Даниилу Андрееву они открылись как пять прекрасных исполинских пирамид.

Азур. Пирамида белого цвета, принадлежит трансмифу зороастризма. Почему эта локальная религия, исторически давно угасшая в Энрофе и не столь богатая мифологией оказалась в ряду великих и мировых, непонятно и самому автору «Розы мира». Но это несомненный факт, который в будущем обязательно будет объяснён. Называется этот мир Азур.

Аэ. Другая пирамида, золотого цвета, это – наивысший аспект иудейства. Это тот золотой мир небесной славы, который сквозил в видениях великих мистиков Каббалы, в прозрениях пророков и для которого кропотливая пряжа Талмуда – как пыль долин для владык горных высот. Имя золотой пирамиды – Аэ.

Исполинская пирамида сиреневого цвета – наивысший аспект индуистского трансмифа. Очень сложный по составу этот мир имеет несколько слоёв, в которых обитают и многие иерархии индуистского пантеона.

Зелёная пирамида, состоящая из двух слоёв – мир наивысшего аспекта буддизма.

Небесный Иерусалим, голубая пирамида – высший трансмиф христианства.

МИРОВАЯ САЛЬВАТЭРРА

Все слои Мировой Сальватэрры пятимерны, число временных координат превышает 200. А это означает, что выразить содержание и смысл этих сфер в человеческих образах невозможно. Поэтому ограничимся простым перечислением названий.

Выше сакуалы трансмифов верховных религий вздымается, объемля весь Шаданакар, неопишущая сакуала Синклита Человечества, состоящая из семи сфер: Арвантакернис, Диздарнис, Ранматирнис, Сербарайнис, Магралейнос, Иваройнис, Наммрайнос.

Избранные из избранных, примерно тысяча человек, составляют ныне Синклит Человечества. Уже не имея человеческого, в нашем смысле слова, облика, они добровольно принимают высшее, просветлённое его подобие, когда спускаются в нижележащие слои. Пространство же между брамфатурами Солнечной системы они способны преодолевать со скоростью света, несомые его лучами.

Сакуала Великих Иерархий состоит из 11 слоёв: Аолиногор, Рамнагор, Плейрагор, Форайгор, Странганор, Целирор, Лиханга, Девенга, Сирина, Хранга, Ганга. Сферы этой сакуалы слоятся уже не по принципу связи с той или иной метакультурой: те нижние слои Шаданакара, которые членятся вертикальными разрезами, образуя сегменты метакультур человечества, остались далеко позади, вернее, внизу.

Сакуала Демиургов и Великих сестёр состоит из трёх слоёв. Рангарайдр – родина Демиургов и Великих Сестёр – идеальных душ сверхнародов. Астр – родина и обиталище

монад Младших Сестёр и духов-народоводителей. О содержании слоя Оамма сообщить нечего.

Волны Мировой Женственности – сакуала, расположенная выше сакуалы Демиургов и Великих Сестёр, состоит из шести сфер: Лимуарна, Баюшми, Фаолеммис, Саора, Наолитис. Имя последней из сфер, шестой, неизвестно.

Эта сакуала объемлется ещё одной – мирами общения иерархий Шаданакара с иерархиями макробрамфатуры и Вселенной.

Отсюда начинаются слои пребывания Единой Церкви нашей брамфатуры. Они охватывают как предыдущую сакуалу, так и три сферы сакуалы ещё более высокой: Элиты Шаданакара.

На сегодняшний день (1958 год) Элиты достигли такие великие человекодухи, как:

Эхнатон, Зороастр, Моисей, Осия, Лао-цзы, Гаутама Будда, Махавира, Ашока, Чандрагупта Маурья, Патанджали, Нагарджуна, Самудрагупта, Канишка, Шанкара, Аристотель, Платон, все апостолы, кроме Павла, Титурэль, Мария Магдалина, Иоанн Златоуст, Августин, Франциск Ассизский, Жанна д'Арк, Данте, Леонардо да Винчи.

Мировая Сальватэрра – наивысшая сакуала Шаданакара объемлет всю нашу брамфатуру и состоит из трёх сфер: Сферы Планетарного Логоса, Сферы Приснодевы-Марии, Сферы Великой Женственной Монады.

Мировая Сальватэрра пронизывает весь Шаданакар, кроме четырёх миров демонической Основы и Суфэтха. Всё Провиденциальное в истории Шаданакара, в истории человечества и отдельной души – от Сальватэрры. Она есть сердце планеты, сквозь неё раскрываются выси, шири и глубины Духовной Вселенной, объемлющей и звёздные архипелаги, и океаны метагалактики, кажущиеся нам столь пустынными.

Духовная Вселенная невыразима ни на каком языке и может быть пережита, конечно, лишь в отдалённых предчувствиях.

Когда человечество – физическое и уже внефизическое – закончит свой колоссальный цикл, когда закончат его и все царства планетарной Природы, – они полностью совпадут с этим планетарным раем. Тогда начнётся раскрытие Мировой Сальватэрры, как цветка, в готовый принять её простор Духовной Вселенной. Солнце Мира будет сиять над этим цветком, принимая в свои небеса его благоухающее излучение.

Но последняя цель будет и тогда ещё безмерно далека. Ныне же она лежит за пределами какого бы то ни было самого ослепительного предчувствия.

МЕТАИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Начальные процессы

Все неисчислимые мириады монад, обитающие в слоях Шаданакара (брамфатуры Земли), можно разделить на монады богосотворённые (их абсолютное большинство) и монады богорождённые (коих немного).

Богорождённые вышли из непостижимых глубин Творца, они изначально масштабнее и предназначены к водительству мирами, и сразу после появления приступают к осуществлению своей миссии. Первой из богорождённых монад в Шаданакаре появился Планетарный Логос, затем: Звента-Свентана, демиурги сверхнародов, Великие Сёстры и некоторые из Верховных Иерархий. Люфицер также является богорождённой монадой – единственной из всех богорождённых монад, совершившей богоотступничество (больше таких случаев не будет).

Планетарный Логос стал божественным разумом Шаданакара и выражает одну из

ипостасей Троицы: Бога-Сына. Слой, в который он сошёл после своего рождения, стал впоследствии Ирольном. Творческими силами Логоса этот слой был обустроен и подготовлен к тому, чтобы принять множество богосотворённых монад, однако в это время произошло вторжение Гагтунгра и началась неустанная борьба. При этом Планетарный Логос и сонмы светлых монад продолжали творить свои светлые законы мира, в которых не было ни страдания, ни смерти, ни какой бы то там тьмы. Создавалась Олирна, создавались сакуалы Высокого Долженствования, Великих Иерархий, Верховных Стихиалей и подготавливались другие слои. В Энрофе стала возникать органическая жизнь, предназначенная царству животных. Это царство было задумано как грандиозное сообщество юных, сотворённых и творимых Богом монад, призванных сойти в наиболее плотные слои материальности, чтобы просветлить их.

Однако Гагтунгру (планетарному демону Земли) удалось исказить законы жизни в Энрофе, наложить свою лапу на животное царство и этим опрокинуть Провиденциальный замысел. Тогда силами Планетарного Логоса были созданы огромные существа – титаны, назначение которых состояло в том же, что и у всех сообществ Света: в просветлении материи. Эти огромные существа своим обликом напоминали людей и их насчитывалось несколько тысяч. В своём слое они строили новый мир, способный противостоять тёмным силам. Но это им не удалось сделать – Гагтунгр сумел вызвать у них бунт против Промысла, внушил им идею, что они, титаны (а не Бог) – семя и ядро нового мирового начала, что они, титаны, будут противостоять и Богу-Творцу и Демону-мучителю. И титаны, хоть и ненавидели Демона, но отреклись от Бога – они жаждали абсолютной свободы своих Я. Но поскольку они были бесполое и не могли производить потомство, они вымерли с течением времени, души их после физической смерти, по законам возмездия, оказались в самых низших слоях чистилищ. Там длилась их пытка свыше миллиона лет, всё это время демонические силы питались излучениями страданий титанов. А силы Света всё это время боролись за их души и сумели, с помощью Провиденциальных сил, вырвать их из плена Демона. Теперь большинство душ титанов совершают свой путь среди человечества, выделяясь на общем фоне масштабом своей личности и особым сумрачным, хотя отнюдь не тёмным, её колоритом. Их творчество отмечено смутным воспоминанием богоборческого подвига, оно как бы опалено древним огнём и поражает своей мощью. Из числа деятелей мировой культуры можно назвать несколько таких имен: Эсхил, Данте, Леонардо, Микеланджело, Гёте, Бетховен, Вагнер, Ибсен, Лермонтов, Лев Толстой.

После бунта и гибели титанов и неспособности животного царства (из-за вмешательства Гагтунгра) просветлять трёхмерную материальность Энрофа, Провиденциальными силами, около 800 000 лет назад, были созданы предпосылки к тому, чтобы хотя бы один вид животного смог скорее и успешнее справиться с этой задачей. Выделение этого вида имело характер стремительного рывка. При этом тот родительский вид, от которого отделился новый, прогрессирующий, послужил ему как бы трамплином для прыжка, при этом сам он откатился назад в своём развитии. Позднее этот вид сформировался в отряд обезьян – трагический образец регресса. Таким образом, наш скачок от зверя к человеку был оплачен остановкой развития бесчисленного множества других существ.

Первые века существования человечества – необычайно унылая и угрюмая пора. Человечество пещерного века было жестоко, низменно и грубо. Оно не знало абсолютно ничего духовного, кроме магии, а магия утилитарна и корыстна по самому своему существу. Буквально единицы медленно вынашивали непонятное никому чувство Великих Стихиалей и первые побеги чувства красоты. Процесс просачивания духовного в сферу сознания первых людей шёл тысячелетие за тысячелетием, капля за каплей накапливаясь в подсознании. По прошествии веков этот духовный заряд вдруг прорывался в душу и разум отдельных личностей. Это были первые люди светлых миссий, своего рода вестники. Когда

это началось, сказать трудно, но, во всяком случае, не позднее 30-40 тысяч лет назад. Затем наступил долгий регресс, потом появлялись новые вестники на разных континентах, и накануне образования Атлантической культуры они слились уже в непрерывные цепочки, передающие из поколения в поколение свет духовности. И этот огонёк на земле уже не гас. Эти вестники и герои духа на заре человечества впоследствии вплели в мировую историю свои прекрасные и ярчайшие цветы: Эхнатон, Зороастр, Моисей, Осия, Будда, Махавира, Лао-цзы, апостол Иоанн.

Христос

Первое воплощение Логоса (Великого Духа) на Земле произошло около 7000 лет назад в Гондване. Там Он был великим учителем. Однако человечество ещё не было готово принять духовность, низливавшуюся через Него на тогдашнее общество. Им было основано лишь глубокое и чистейшее эзотерическое учение, брошены первые семена, позднее давшие свои ростки в Индии, Египте, Китае, Иране, Вавилонии. Таким образом, воплощение Логоса в Гондване было, в сущности, подготовкой, поскольку ещё не носило характера такой полноты, какая позднее проявилась в Иисусе Христе.

Воплощение Христа 2000 лет назад ставило такие задачи, как приобщение человечества к духовной Вселенной вместо догадок о ней, раскрытие в человеке органов духовного восприимчивости, преодоление закона взаимной борьбы за существование, упразднение в человеческом обществе закона насилия, превращение человечества в братство, замена смерти материальным преображением, возведение людей на ступень богочеловечества. Христос не должен был погибнуть на кресте – после многолетней жизни в Энрофе и выполнения стоящих перед Ним задач, Его ждала трансформация, преображение всего Его существа и переход в Олирну на глазах мира. Будучи завершённой, миссия Христа вызвала бы то, что через два-три столетия на Земле, вместо государств с их войнами и кровавыми вакханалиями, установилась бы идеальная Церковь-Братство.

Почему Иисус не облёл в письменную форму Своё учение, почему предпочёл доверить эту задачу Своим ученикам? Но Христос не мог изложить Своего учения в книге потому, что учением были не только Его слова, но вся Его жизнь. Такое учение могло быть изложено только живыми свидетелями этого божественного жизненного пути. Но исконный враг, проникая в человеческое сознание авторов Евангелия, сумел исказить и омрачить некоторые идеи, снизить и ограничить идеал, и даже приписать Христу слова, которых Спаситель мира не мог произнести. Каждому, читающему Новый Завет, следует помнить, что учение Христа – это вся Его жизнь, а не только слова. В словах же, Ему приписываемых, истинно всё, что согласно с духом любви, и ошибочно всё, отмеченное духом грозным и беспощадным.

Трудно сказать, с какого момента земной жизни Иисуса в душе Его возникла тревога, сомнение в исполнимости Его миссии во всей её полноте. Но в последний период Его проповеднической деятельности всё отчетливее сквозит в Его словах – насколько мы знаем их по Евангелию – готовность к тому, что господин тёмных сил может оказаться временным, частичным победителем. Действительно, видимой формой такой частичной победы явились предательство Иуды и Голгофа.

Субъективный мотив предательства Иуды заключался в том, что Христос Своим вочеловечением разрушил в душе Иуды еврейскую мечту о Мессии как о национальном царе, владыке мира. Эта мечта горячо пылала в сердце Иуды всю его жизнь до самого дня его встречи с Иисусом, и её крушение было для него великой трагедией. В божественности Иисуса он не сомневался, и предательство явилось актом смертельной ненависти,

отчетливо осознанным богоубийством.

Отсюда ясно, какое необъятное значение имели события, развернувшиеся в Иерусалиме после торжественного вступления Иисуса Христа в этот город. К этому моменту Иисус ещё не мог подготовить Своё воплощение к трансформе, а Голгофа обрекала Его на мучительную человеческую смерть. Избегнуть казни Он не хотел, хотя и мог: это было бы отступлением. Но после смерти для Него оказалась возможной трансформация иного рода: воскресение. Но прежде Он сошёл в миры Возмездия и, раскрыв вечно замкнутые врата для пребывающих там душ, стяжал имя Спасителя для всего человечества. Он прошёл сквозь все слои магм и ядра, запоры были сорваны, страдальцы подняты – одни в миры Просветления, другие в шрастры, третьи в верхние слои Возмездия, которые начали с этого момента преобразовываться из вечных страдалищ во временные чистилища. Так было положено начало великому, позднее всё возраставшему смягчению Закона кармы.

Мёртвое, убитое на кресте физическое тело Спасителя вскоре просветлилось и, будучи возвращено к жизни, вступило в иной, более высокий слой трёхмерной материальности – в Олирну. Те свойства Его физической плоти, которые были замечены апостолами между Его воскресением и вознесением, – способность прохождения сквозь предметы нашего слоя и, вместе с тем, способность принимать пищу, способность необычайно быстрого преодоления пространства, – объясняются именно этим. А вторая трансформация описана в Евангелии как вознесение и она была не чем иным, как переходом Спасителя из Олирны в следующий, более высокий слой.

Спустя некоторое время Он провёл через трансформу Богородицу Марию, а ещё несколькими десятилетиями позднее – апостола Иоанна. Впоследствии совершались трансформации и некоторых других великих человеческих душ. И вот уже двадцать веков Он возглавляет борьбу всех светлых сил Шаданакара против демонических начал.

Начало новой эры

В первые века христианства были созданы новые просветляющие слои – Файр, Нэртис, Готимна, потом Уснорм, и движение многих миллионов просветляемых душ через эту сакуалу было убыстрено. Через христианские церкви низливался могучий поток духовности, истончая и просветляя человеческие души. Возникли и расцвели блистающие затамисы христианских метакультур с их многолюдными, всё светлее становившимися синклитами.

Грандиознейший процесс превращения страдалищ в чистилища к нашему времени достиг едва ли половины своего пути: ждут преобразования сакуалы магм, а самые чистилища должны постепенно измениться ещё более. Элемент возмездия из них будет устранён совсем, для душ с отягчённым эфирным телом его заменит такая духовная помощь им со стороны синклитов, которую можно уподобить не наказанию, а только врачеванию.

Недовершённость миссии Иисуса Христа в Энрофе имела множество трагических последствий. А само учение оказалось искажённым, перепутанным с элементами Ветхого Завета. Привнесение в образ Бога черт грозного, безжалостного судьи, и приписывание именно Ему бесчеловечных законов природы и нравственного возмездия – одно из последствий оборванности Его миссии. Такая спутанность в человеческом сознании божественного с демоническим заставляет людей свыкнуться с жестокими законами (они же от Бога, думают они), а не бороться с ними, стараясь их облегчить, изменить в корне. Недовершённость миссии Христа сказывается и в том, что материальное начало в природе и плотское в человеке не дождалось предназначенного им просветления, и в Энрофе не совершилось коренного сдвига. Законы остались законами, инстинкты – инстинктами,

страсти – страстями, болезни – болезнями, смерть – смертью, государства – государствами, войны – войнами, тирании – тираниями.

Христианская Церковь тоже не избежала тёмных инспираций, это привело к тому, что двадцать веков человечество двигается по изломанному, зигзагообразному, неравномерному и односторонне суженному пути – воздействие Провиденциальных начал постоянно сталкивается с яростной борьбой Гагтунгра.

Когда Великий демон увидел, что его победа над Христом в Иерусалиме носит половинчатый характер, его охватила ярость. Его неистовое бушевание в иных мирах доносилось и до Энрофа, до земных людей, порождая небывалые волнения во всемирной истории. Ряд тиранов-чудовищ на престоле Римской империи, которым ознаменовался I век новой эры, их злодеяния, не сравнимые ни с чем бывшим до или после них, их неподдающаяся рациональному толкованию кровожадность, гордыня, бешенство, их нечеловеческая изобретательность в области придумывания новых способов мучительства, либо совершенно бессмысленные, как абсурдные начинания Калигулы, – всё это отголоски неистовства Демона, который осознал, что Христос хоть и задержан на Своем пути, но Его учение становится всё могущественнее и будет расширяться и расти от славы к славе.

Но Гагтунгр в своей борьбе со светлыми силами имел внушительное оружие – уицраоров. Эти огромные существа хоть и были созданы с участием светлых сил, но имели свою волю и свою логику действий, которые напрямую приводили их в демонический стан. И именно один из древнейших уицраоров, уицраор еврейства, помог Великому демону в его борьбе с Христом во время жизни Спасителя на земле. С помощью этого уицраора Демону удалось захватить полностью волю Иуды Искариота и многих пастырей еврейства, вообразивших, что преследованием и казнью Христа они защищают интересы своего народа.

После воскресения Христа главная надежда Гагтунгра возлагалась именно на уицраора Римской империи. Первые христианские общины и еврейство охватила тревога о близком конце мира. К счастью, эти опасения не оправдались: сил Гагтунгра в ту пору хватило лишь на фантастически нелепые кровавые безумства кесарей, да на попытки истребить христианскую Церковь физически.

Однако уже в середине I века намечается и другая линия в деятельности Гагтунгра, его силы начинают вмешиваться в жизнь самой христианской Церкви, пользуясь тем, что она еще очень слаба и едва теплится в виде нескольких маленьких общин. Выдвигается высокоодарённая и глубоко искренняя в своём порывании к Христу волевая личность, которая, безусловно, была носителем некоей светлой миссии. Но личные и наследственные черты этого человека (еврейская навязчивость и агрессивная суровость) извратили понимание этой миссии им самим. Вместо продолжения Христова дела, вместо укрепления и высветления Церкви духом любви, тринадцатый апостол Павел развёртывает громадную, широчайшую организационную деятельность, цементируя разрозненные общины строгими уставами, неукоснительным единоначалием и даже страхом, в случае ослушания, быть выброшенным из лона Церкви. Однако, апостол Павел никогда не встречал Иисуса Христа при Его жизни и, следовательно, не получил того благодатного, что исходило непосредственно от Иисуса на своих апостолов. Кроме того, Павел не испытал, как остальные апостолы, схождения Святого Духа. Но при всём этом, апостолы как бы отодвигаются на второй план, а Павел постепенно становится центральной фигурой, возвышающейся над всеми общинами.

Это, быть может, первое явственное проявление решения Гагтунгра захватить христианскую Церковь изнутри. Для такого захвата её были использованы все средства. Семитическая религиозная исключительность, греческий духовный сепаратизм, римская безжалостность и жажда политической гегемонии – всё было привлечено на помощь во втором, третьем, четвёртом, пятом веках христианской эры. Нужно было отвлечь Церковь

от её прямых задач, замутировать её духом ненависти, увлечь её в океан политических волнений, подменить непреходящие духовные цели злободневно-житейскими, подчинить восточную её половину власти императоров, а западную – идеям ложно понятой теократии – это всё вполне удалось. Церковь становится миродержавной силой – но это тем хуже для неё!

Мухаммед

Невозможно нарисовать панораму девятнадцативековой борьбы Гагтунгра с силами Логоса, но осветить отдельные её звенья можно. Так, например, метаисторическое значение личности и деятельности Мухаммеда можно свести к следующему. С одной стороны не подлежат сомнению ни религиозная гениальность Мухаммеда, ни его вдохновлённость высокими идеалами, подтверждающие в нём подлинного пророка. Но с другой стороны – совершенно непонятно, в чём же, собственно, заключается прогрессивность его учения сравнительно с христианством? Если же такой прогрессивности в его учении нет, то зачем оно нужно человечеству? Но и отнестись к Мухаммеду, как к ложному пророку, тоже нельзя – не может лжеучение сделаться таким мощным каналом, по которому духовность изливается в толщу многочисленных народов, пламенным поклонением Единому Богу, поднимая ввысь миллионы и миллионы душ.

Метаисторическое познание даёт на эти вопросы неожиданный ответ. Дело в том, что Мухаммед появился на земле именно в тот исторический момент, когда Гагтунгром было уже подготовлено появление на исторической арене подлинного лжепророка, представляющего огромную духовную опасность для человечества. Лжепророк должен был оторвать от христианства ряд «окраинных народов», увлечь за собой ряд не примкнувших ещё к христианству наций и создать в христианстве сильнейшее движение прямой демонической направленности. Несовершенство христианской Церкви было почвой, на которой подобное ядовитое семя могло бы дать богатейший плод, завершившись водворением у кормила духовной и государственной власти группы явных и тайных приверженцев Гагтунгра.

Пророк Мухаммед был носителем высокой миссии. Смысл её сводился к тому, чтобы, вовлекая в новое движение молодой и чистый арабский народ, побудить его движение в сторону религиозной реформации, в сторону очищения христианства от крайностей аскетизма, с одной стороны, от подчинённости Церкви государственным властям – с другой, от теократического единовластия, которого уже добивалось папство, – с третьей. Но Мухаммед был не только религиозным проповедником, он был гениальным поэтом, одним из величайших поэтов всех времён. Эта поэтическая гениальность, в сочетании с некоторыми другими свойствами его натуры, увлекала его самого в сторону от неукоснительного прямого религиозного пути. Струя могучего поэтического воображения вторглась в русло его религиозного творчества, искажая и замутившая то откровение, которое было ему дано. Вместо реформы христианства Мухаммед позволил себя увлечь идеей создания новой, чистейшей религии. Он и создал её. Но так как у него не было откровения, чтобы сказать воистину новое слово после Христа, то созданная им религия оказалась не прогрессивной, сравнительно с учением Христа, а регрессивной, хотя и не ложной, и не демонической. Эта религия действительно одна из великих религий, которая уберегла человечество от больших духовных катастроф. И спасла многие народы, которые не стали добычей лжепророка.

После вочеловечения Христа основной ареной борьбы тёмных и светлых сил сделалось человечество. Демон решил создать такое человекоорудие, которое бы смогло осуществить на Земле абсолютную тиранию и превратить людей в дьяволочеловечество. Нужно было послать на землю Антихриста. Но поскольку Гагтунгр не может творить новые монады, ему, для воплощения своего замысла, нужно было захватить одну из созданных уже Богом человеческих монад. И после длительной подготовки и с невероятными усилиями Гагтунгру удалось это сделать в IV веке – сначала он вырвал из Ирольна монаду одного из императоров Рима, а затем, чтобы подстраховаться, противобог похитил ещё несколько монад – своего рода «резерв». И похищенные тёмными силами монады, непосредственно направляемые Гагтунгром, двинулись по пути демонического совершенствования, от века к веку воплощаясь в человечестве.

Вскоре одна из них стала опережать других «кандидатов в антихристы». От инкарнации к инкарнации сопротивление светлой воли монады подавлялось и подавлялось и к XV веку это существо уже оказалось окончательно парализованным демоническими инспирациями. Инкарнация эта пришлась на кульминационный момент метаисторической борьбы Романо-католической метакультуры – инквизицию. Это было одной из наиболее очевидных, драматических и жутких попыток Гагтунгра захватить Церковь изнутри. Силы Света смогли победить это только в XVIII столетии.

Кстати, в русской художественной литературе есть произведение, автор которого без сомнения обладал духовным знанием и, можно сказать, схватил за руку того, кто должен стать антихристом, речь о «Легенде о Великом Инквизиторе» Ф.М.Достоевского.

Примерно тогда же Гагтунгр стал приходить к пониманию того, что объединение всего мира на основе римской космополитической иерократии не получится. А дело в том, что пришествие антихриста на Земле невозможно без объединения человечества, без установления абсолютной тирании. Но об этом речь впереди.

МЕТАИСТОРИЯ РОССИИ

Древняя Русь

Русь образовалась по творческому замыслу народоводительствующих иерархий – Ярославта и Навны. Богорождённый Ярослав, созерцая из отдаления становящиеся вершины других метакультур, творения других демиургов и синклитов, постепенно осознавал масштабы своего духа, пропорции своего собственного будущего творения. Вдохновенная отроческая игра помогала ему в этом. Эта игра стала перерастать в священнодействие, в миротворчество (творение мира), когда высокий человекодух, бывший за несколько веков перед тем на земле апостолом Андреем Первозванным, отдал свои силы Яросвету, поскольку за всё тысячелетие после своей мученической кончины достиг таких огромных сил и высот, что смог принять участие в создании русского мира.

Что же узрел Ярослав перед созданием Руси? На Западе евразийского континента уже возникло и медленно кристаллизовалось сооружение, увенчанное пиком ослепительной белизны – мистическим Монсальватом Германии, Англии, Бургундии и Скандинавии; на Юге переливался золотом и пурпуром Византийский зтомис, а на Востоке и Юго-Востоке вздымались созидающиеся громады других, старших метакультур. На безбрежном же пустынном пространстве, открытом Ледовитому океану, над нехоженными лесами и

исполинскими реками Энрофа проносились прозрачные клубы бушующих стихиалей. Эта часть древнего Евразийского материка ещё оставалась свободной от каких бы то ни было наслоений великих цивилизаций человечества. Леса и степи будущей Европейской России представлялись достаточными для расселения на этой территории огромного числа людей. А к востоку до Тихого океана открывалась обширная Сибирь с её огромными запасами всевозможных ископаемых, способных обеспечить материальную основу жизни многочисленному народу на тысячелетия вперёд. Это была не страна, а целая часть света! От предчувствия событий, соразмерных с её масштабами, могло бы захватить дух не только человеческий.

Демиургом Яросветом и великими человекодухами, отдававшими ему свои силы, начали закладываться эфирные основы Небесной Руси. А на земле, в Энрофе, с VIII-IX веков нашей эры началось медленное формирование восточнославянского племенного единства. Усилиями Навны народное сознание постепенно и едва-едва начинало уяснять смутные отражения окружающих стихиалей, разум демиурга помогал эти образы прояснять, очерчивать их в именах славянских божеств: Перуна, Ярилы, Стрибога, Лады. На языке историков это перекрёстное влияние демиурга и Идеальной Соборной Души (Навны) называется мифологией, религией, искусством и бытом древних славян – всем тем, что теперь обнимается понятиями духовной и материальной культуры.

Первое явление Яросвета в Небесной России и его встреча там с Навной нужно отнести к X столетию. Радостная буря, вызванная этим в метаисторическом мире, была низлиянием метаэфирных потоков, подобных kloкочущим водопадам света. Демиурга сопровождали нисходившие из Ирольна ликующие человекодухи – те, кому позднее предстояло воплотиться на русской земле родомыслами, праведниками, героями и гениями. Стихиали встречали Яросвета, как посланца Божьего и великого творца, которому предстояло среди них, над ними и с ними творить нечто, выходящее за круг их постижения, но внушавшее их вещим душам безотчётное преклонение и восторг. Навна приняла его в блаженных лесных просторах Святой России как долгожданного жениха.

Вслед за этой встречей произошло божественное событие, параллелью которому в человечестве обладает только христианское таинство причащения. Это было их причащением Богу-Сыну. Яросвет и Навна узрели воочию предельную высоту Христианского Трансмифа и сквозь Небесный Иерусалим вступили в общение с Богом. Акт крещения Руси был почти единовластным деянием князя Владимира, деянием полностью провиденциальным, какие бы мотивы не были у реформатора. Масштаб личности князя Владимира воистину титанический, но до сих пор недооценён из-за отдалённости и малоизвестности той эпохи. Вероятно, только метаисторическое созерцание и размышление способны привести к углублённому пониманию подлинного значения того, кого народ чтит, любил и воспевал почти тысячу лет, связав с его именем прозвище, одно из самых тёплых и нежных, какие только знает всемирная история: Красное Солнышко.

Чтобы уразуметь воистину необъятные масштабы исторических и метаисторических последствий, предопределённых этим деянием князя Владимира, достаточно вдуматься в то, что сулило бы молодому русскому сверхнароду присоединение к католицизму, к исламу или, тем паче, к хазарскому иудаизму. Инвольтация Яросвета начинается в X веке и очень быстро знаменуется появлением, вслед за Владимиром, ряда крупнейших исторических имён: Ярослава Мудрого, летописца Нестора, Антония и Феодосия Печерских, затем Владимира Мономаха. Это будущие человекодухи, нисшедшие в Небесную Россию во дни её основания, теперь направлялись демиургом в Энроф, на землю с миссиями праведников и родомыслов ради выполнения среди человечества особых задач.

Вмешательство тёмных сил

Активизация светлых сил по созиданию России вызвала противодействие сил тёмных. Да и разве мог бы Противобог и его миры оставаться безучастными, наблюдая выход на метаисторическое поприще новых сил, стремящихся, в конечном счёте, к преодолению демонической власти над человеческим миром? И борьба демонического стана против Навны и Яросвета усилилась. Едва умер Владимир Красное Солнышко, как вся страна была потрясена борьбой за власть и братоубийствами Святополка Окаянного. После короткой передышки при Ярославе Мудром началась новая волна усобиц при Изяславе I. А затем – двухсотлетняя княжеская вражда, истощающая не только физическое состояние народа, но и его эфирную субстанцию.

А на поверхность истории выходит великая хищница, умножательница страданий – Велга России. В человеке она срывает все запреты с низших инстинктов, втягивает в себя клочья распавшихся человеческих эфирных и астральных тел. Она – смерчеобразное средоточие множества мелких инфрафизических существ, вдохновительница анархических сил, хозяйка на полях сражений и на местах казней.

Велги появились в пределах Шаданакара вместе с большинством других демонических монад, то есть почти с самого начала. Но для метаисторика важно знать, что Велга перетягивает эфирно-астральные субстанции сверхнарода в сферу демонической материальности, то есть она – противоположность Идеальной Соборной Душе.

Ещё одной формой борьбы демонических сил против Яросвета и Навны были нападения на Русь внешних врагов: печенегов, половцев, а позже – татар. Состояние восточно-славянского эгрегора в Киевской Руси было похоже на разреженный туман, едва начинавший приобретать смутные контуры. Смерчеобразные завихрения Велги и натиск половецкого, польского и литовского эгрегоров разрывали его, разделяли, не давая возможности им сопротивляться. В XIII веке на изнемогавшего русского эгрегора Гагтунгром направляется тёмноэфирный гигант-чудовище: воинствующий уицраор монгольского народа. Под его ударами русский эгрегор был смят, полурастерзан на клочья, едва сохранившие в себе жизнь. Кароссе России (Дингре) был нанесен огромный ущерб. Сам Яросвет был побеждён в бою с монгольским гигантом на границах Небесной России; юному, ещё не окрепшему и малочисленному синклиту едва удалось спасти от разрушения лишь сокровеннейшие святилища своей небесной страны.

Спасаемая демиургом Навна была перемещена из опустошаемой южной области своей небесной страны в недоступные девственные земли, соответствующие дремучим северным лесам в Энрофе. Насытившаяся Велга уползла в свою Гашшарву. Становилось ясным, что выполнение задач, ради которых светлая диада приняла эфирное воплощение, неосуществимо до тех пор, пока Дингра не воссоздаст народную плоть, пока орудие Гагтунгра не будет противопоставлен могущественный противник, уицраор – полновластный демон государственности. Перед демиургом сверхнарода Яросветом встал выбор: либо создать государство на земле, в Энрофе, допустив тем самым возникновение российского шрастра, либо отказаться от выполнения своей миссии в человеческом мире. Он избрал первое.

Яросвету становилось понятно, что идеальное народоустройство невозможно без сильного государства, которое бы защищало сверхнарод как от внутренних потрясений, так и от внешних сил. Яросвет обратился к кароссе Дингры (см. словарь) и плодом их временного союза стал первый уицраор России – Жругр, несущий в себе, вместе с материнской кровью, проклятое эйцехоре.

Рождение русского Жругра – демона государственности – стало именно тем фактором, той

силой, которая выступила против Велги и чужеземных уицраоров.

По воле первого российского уицраора в Энрофе, на берегах Москвы-реки, началась концентрация и воспитание сил метакультурной и исторической самообороны. Появление Александра Невского произошло благодаря усилиям сразу нескольких сил. Демиург укреплял его мудрость и волю, Навна блюла чистоту замысла, ваятельница народной плоти Дингра подготавливала череду его преемников, демон великодержавия уицраор укреплял силу его меча, а силы христианского трансмифа берегли его своим покровом, сотканным из светлого эфира народных молитв. Недаром смерть Александра Невского отозвалась волнами скорби по всей стране. Демиург благословлял демона государственности Жругра на борьбу с внешним врагом – уицраором Монголии, а христианский трансмиф в лице пастырей Руси, осенял общерусское движение хоругвью церковного авторитета.

Наивысшей выразительности всё это достигается в благословении Дмитрия Донского на битву с татарами, в личности инока Пересвета, открывшего Куликовское сражение своим единоборством с татарским богатырём.

Национальный духовный очаг и цитадель государственности увенчался строительством московского Кремля в Энрофе. Даймоны и другие силы демиурга ниспосылали в души московских князей и митрополитов, иноков и бояр, зодчих и иконописцев, приоткрывали им образы Небесной Руси и Фонгаранды. И это отражение стало возникать: медленно, трудно, из года в год и из века в век, утяжелённое, беспорядочное, вечно перестраивающееся, искажённое случайностями, калечимое пожарами, нападениями чужеземцев и произволом властей, с золотым венцом царства на челе, с клеймом рабства и ранами мученичества на лице, – и всё же прекраснейшее из всего, что было возможно при духовном и материальном уровне русского средневековья.

Первый уицраор

Первый русский уицраор был создан (рождён) для борьбы с врагами молодого государства, Ярсвет помогал ему в этом и вливал в него свои силы. Но Жругр нуждался и в пище, присущей всем уицраорам – это излучения человеческих психик и некие эфирные силы, выделяемые гражданами государства. На первых порах такой пищи было недостаточно, и уицраор вынужден был принять активнейшее участие в сооружении цитадели античеловечества – Друккарга. Интересы Жругра и обитателей шрастра почти полностью совпадают – они заинтересованы в получении шавва – питательной росы, поступающей от граждан земной России. Отсюда и сложный характер Московии. Сначала Жругр и его проекция в Энрофе – государство – выполняли задачу, возложенную на них демиургом, защищая народ от иноземных порабощений. Но постепенно Жругр становится послушным орудием Великого Мучителя, превращая своё государство в сплошную систему щупалец, всасывающих в своё инфрафизическое чрево излучения людей, связанных с государственным комплексом их психики – шавва. Поглощая её в огромных количествах, он с течением времени нуждается в её постоянном восстановлении и умножении. Поэтому, увеличение числа таких людей, которые наиболее способны к излучению шавва, – его вторая цель и достигается она множеством разнообразных, меняющихся от эпохи к эпохе средств «воспитания» своих граждан – от муштры в казармах до воинственных проповедей в церквях и до вдалбливания в умы детей великодержавного идеала. Есть и невидимые для нас действия – всасывание уицраором некоторых человеческих душ, точнее – астралов, во время их физического сна. После пробуждения в психике такого человека происходят некоторые перемены. Но это только начало, несколько ночей спустя акт всасывания астрала повторяется, потом ещё и ещё – до тех пор, пока человек не превратится в пламенного сторонника и бессознательного раба великодержавной идеологии. Разумеется, жертва

такого акта не осознаёт произошедшей в нём переменны и воображает, что дошёл до своего нового credo путем беспристрастного и свободного размышления.

Как уже упоминалось, механизм продолжения рода уицраоров напоминает процесс почкования. Как только детёныш уицраора отделяется от родительского существа, он становится для него соперником и потенциальным отцеубийцей. Поэтому всякий уицраор стремится к пожиранию своих порождений.

Велга России по своей сути противник уицраора, Жругр стремится к разбуханию тёмноэфирного организма государства, а она – к разрушению этого организма и всасыванию его тканей в себя. Он – тиранический строитель, она – хищная разрушительница. Насытившись или будучи побеждённой, Велга возвращается в свой двухмерный мир и впадает в полусон. Но при этом продолжает получать свою пищу – её жизненные силы поддерживаются эфирными испарениями человеческой крови из пышных башен, из застенков, с эшафотов, с полей битв. Так длится до тех пор, пока действия уицраора, в метаисторическом плане, не приведут к её пробуждению, а в плане историческом – пока тирания великодержавия не вызовет социальных потрясений и разнуздания низших инстинктов народных масс, срывания всех запретов со стихии разрушения.

О вестниках, гениях, талантах и родомысле
(необходимая глава)

В средневековой Руси не было ни крупных мыслителей, ни художественных гениев, а были святые и праведники – в большом количестве. В XVIII веке меньше становится крупных религиозных деятелей, всё реже возникают фигуры чистых и высоких пастырей душ. В XIX веке уже лишь несколько человек (среди них Серафим Саровский, Феофан Затворник, Амвросий и Макарий Оптинские) уподобляются образам тех святых, которыми так богата была русская земля в предыдущие столетия. Наконец, в предреволюционную эпоху на церковном горизонте становится совсем пустынно. Мало того: это измельчение масштабов личности оказывается только одним из проявлений общего творческого оскудения православия. Год за годом Церковь всё более отстаёт от требований и запросов быстро меняющихся эпох, не даёт ответы на возникающие вопросы: социальные, политические или философские. Авторитет и значение Церкви стремительно падают. Буря социальной революции выдвигает целый ряд мучеников и героев, в том числе безымянных, и с окончанием их жизненных путей творческий дух ещё более оставляет православную церковь. А руководство восточнохристианской общины постепенно превращается в пособника и в орудие антирелигиозного государства.

Но по мере того как Церковь утрачивала значение духовной водительницы общества, выдвигалась новая инстанция, на которую перелагался этот долг и которая, в лице крупнейших своих представителей, этот долг отчётливо осознавала. Инстанция эта – вестничество.

Вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, даёт людям почувствовать – сквозь образы искусства – высшую правду и свет, льющиеся из миров иных. Творя, вестник явственно ощущает, что через него говорит некая высшая и вне его пребывающая инстанция.

Пророчество и вестничество – понятия близкие, но не совпадающие. Вестник действует только через искусство, пророк может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни. С другой стороны, понятие вестничества близко к понятию художественной

гениальности, но не совпадает также и с ним.

Гениальность – есть высшая степень художественной одарённости. Большинство гениев были, в той или иной степени, и вестниками.

Период с Отечественной войны 1812 года и до революции 1917 года стал веком художественных гениев. Каждый из них, в особенности гении литературы, был властителем дум целых поколений, на каждого из них общество смотрело как на учителя жизни.

К художественным гениям можно отнести Тютчева, Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Мусоргского, Чайковского, Сурикова, Врубеля, Блока – они не выдвигали социальных или политических программ.

А такие таланты, как Герцен, Некрасов, Чернышевский, Писарев, все шестидесятники, Глеб Успенский, Короленко, Михайловский, Горький – ставили перед обществом проблемы социального и политического действия.

Таланты-вестники XIX века Николай Лесков и Алексей Константинович Толстой оставались изолированными единицами, они, так сказать, гребли против течения, не встречая среди современников ни должного понимания, ни справедливой оценки.

Гениальность и талант сами по себе, не совмещённые с даром вестничества, являются также божественными дарами, но иначе вручаемыми и содержащими иные потенции.

Трансфизическое отличие гения и таланта от вестника заключается в личной одарённости натуры. Талант и даже гениальность достигаются у человека благодаря особенностям его психофизической структуры. Миссия же вестника имеет всегда значение общее, очень широкое, в её осуществлении горячо заинтересована вся метакультура. Для того чтобы художник мог быть вестником, требуются более напряжённые, длительные усилия Провиденциальных сил, требуется неустанная, задолго до его физического рождения начинающаяся работа над материальными покровами его монады со стороны херувимов, даймонов, стихий, демиурга сверхнарода и его Соборной Души, со стороны Синклита метакультуры и Синклита Мира. Потому что приоткрытие духовных органов его существа – без чего вестничество невозможно – процесс необычайно трудоёмкий, более трудоёмкий, чем вручение, наделение человека любой, самой мощной художественной гениальности.

Что же до гениальности или таланта как таковых, они могут быть совершенно свободны от задания – возвещать и показывать сквозь магический кристалл искусства высшую реальность. Достаточно вспомнить Тициана или Рубенса, Бальзака или Мопассана. Не снимаются с них лишь требования этики общечеловеческой, да условие – не закапывать свой дар в землю и не употреблять его во зло, то есть не растлевать души. Только с такими требованиями и вправе мы подходить к оценке жизни и деятельности, скажем, Флобера или Уэллса, Маяковского или Есенина, Короленко или Горького, Репина или Венецианова, Даргомыжского или Лядова, Монферрана или Тона. Таким образом, этические требования, предъявляемые к таланту или гению, – требования общечеловеческого этического минимума.

Конечно, не бездействует в этой области и великий Демон, творя тёмных вестников.

Правда, в области искусства таковых встретишь не часто. Деятельность тёмных вестников имеет негативный характер: они развенчивают и осмеивают духовность в истории, в искусстве, в религии, в жизни, в человеческой душе. Мало кому приходит в голову, что блестящий, прелестно-легкомысленный Парни осуществлял (вероятно, бессознательно или полусознательно) тёмную миссию: облекая свои кощунства в чарующую поэтическую форму, он снижал этим религиозные ценности.

Однако тёмных вестников мы чаще встречаем не в искусстве, а в философии и в науке. Это, например, Бэкон, одним из первых утвердивший полный и окончательный отрыв науки от какой бы то ни было этики и какой бы то ни было духовности. Конт, противопоставивший всем существующим религиям свою религию «левой руки», или Ницше со своим идеалом

сверхчеловека. Тот же Карл Маркс, ухватившийся за одно из колёс передаточного механизма, каким является экономика, и провозгласивший его единственность и верховность. В науке же тёмными вестниками, носителями тёмных миссий, являются, как правило, не крупные деятели, а второстепенные учёные, интерпретаторы и искажители глубоких научных теорий, вроде Тимирязева, который примитивизировал и довёл учение Дарвина до полнейшей материалистической плоскости.

В искусстве (как, впрочем, и в науке) встречаются и такие тёмные вестники, которые лишены тёмных миссий и становятся глашатаями тёмного просто вследствие личных заблуждений. Ярким примером такого деятеля может служить Скрябин. В Бога он веровал и по-своему Его любил, себя считал Его вестником и даже пророком, но с удивительной лёгкостью совершал подмены, стал жертвой собственной духовной бесконтрольности и превратился в вестника Дуггура. В его «Поэме экстаза», например, с поразительной откровенностью рисуется именно тот демонический слой с его мистическим сладострастием, с его массовыми сексуальными действиями, с его переносом импульса похоти в космический план, и, главное, рисуется не под разоблачающим и предупреждающим углом зрения, а как идеал. Естественно, что чуткий слушатель «Поэмы экстаза», сначала смущённый, а потом заворожённый этой звуковой панорамой космического совокупления, под конец ощущает как бы внутреннюю размагниченность и глубокую прострацию.

Родомысл есть тот, кто оказывает благотворное и решающее влияние на народную судьбу и судьбу государства, а его деятельность направляется демиургом сверхнарода. После смерти, входя в синклит (синклит - это сообщество просветлённых человеческих душ, обитающих в небесной стране) вместе с праведниками, гениями, героями и всем множеством просветлённых душ, родомысл оказывает громадное, от века к веку возрастающее влияние на те стороны бытия, с которыми связана была его историческая деятельность во времена физического существования на земле. Родомыслами русского средневековья были Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Мономах, Александр Невский, Минин, Пожарский, Гермоген. В течение некоторого периода своей жизни был родомыслом Дмитрий Донской. Отчасти им был Иоанн III, хотя инспирация уицраора начинала уже в нём заглушать инспирацию Яросвета.

Иван Грозный, Годуновы

Иван Грозный должен был стать родомыслом. Однако, некоторые свойства натуры сделали его легко доступным бессознательным духовным подменам, а неограниченная власть разнуздавала его эмоции, развратила волю, расшатала ум, нанесла непоправимый ущерб его эфирному телу. Всё это привело к цепи несчастий для сверхнарода и к катастрофе для целого государства. В 1564 году, во время его странного бегства из Москвы в Александровскую слободу, уицраор всецело подчинил его личность своим заданиям, и жуткая метаморфоза, произошедшая в его государственном творчестве, в душевном состоянии и даже во внешнем облике царя, потрясла окружающих. Грозный учредил опричнину – то ядро абсолютной тирании, которое, по мысли царя, должно было организовать в себе и вокруг себя молодой дворянский класс – послушное орудие новой государственности. Опричнина мыслилась первым этапом на пути превращения всей страны в зону абсолютной тирании, хотя бы и ценой истребления целых классов. Но тирания имеет свою неукоснительную логику. Дробясь на множество проводников злой воли, на тысячи человеческих личностей, с их сложной душевной структурой, тираническая тенденция теряет свою монолитность. Проводники сами вырываются из-под

контроля тёмного центра, сами начинают терзать тело государства. И вместо укрепления государственного начала, опричина внесла в общенародную жизнь только смуту, ужас и смятение.

От руки Грозного погибает его сын, молодой царевич, ударом колена по животу беременной невестки разъярённый старик убивает и своего внука. После таких действий от царя отворачивается и Гагтунрг – демоническая инволюция династии Рюриковичей прекращается окончательно. Теперь им нужен новый, восходящий, крепкий и здоровый род. Нужен волевой характер истинного государственного мужа, нужен смелый и в то же время осторожный ум, нужна свобода от феодально-боярских черт мышления. Нужна, наконец, способность к охвату и пониманию проблем европейского масштаба. Иначе говоря, нужен Борис Годунов. Выдвигая царя Бориса, уицраор пытался загладить результаты собственных деяний, внушая ему такие государственные дела и замыслы, которые могли бы составить славу любому правителю. И в то же время тираническая тенденция поминутно прорывалась сквозь хорошие начинания Бориса – то в виде новых волн опал и казней, вызывающих в народной памяти дни Грозного, то в узаконениях, которые заставляют отнести окончательное установление крепостного права именно к эпохе Годунова.

Его сын Фёдор воспитывался с небывалой заботливостью и дальновидностью, из него явно стремились сделать не только мудрого правителя, но и высоконравственного человека, достойного стать родомыслом. Но царствование Годунова заканчивается трагически – молодого царя Фёдора Борисовича убивают. Обладавший такой душевной чистотой и благородством, так заботливо воспитанный в ожидании предстоящих задач царствования, такой мужественный и добрый, он гибнет «за грехи отца» шестнадцатилетним мальчиком, едва взойдя на трон. Он гибнет оттого, что в эту эпоху Светлые силы отвергали всё, даже благое, если оно исходило от уицраора или использовалось этим последним для себя. Но ясно и другое: прекрасная человеческая природа и лёгкая личная карма Фёдора II оградили его от посмертной кармической связи с уицраором и его судьбой, связь эта исчерпалась его мученической кончиной. Всё благое, проявленное человеком, будь оно даже в своей непосредственности отвергнуто демиургом, не может не дать плодов в духовном посмертии личности. Ему предстояло собирать прекрасные плоды посеянного при жизни. Вместо ноши царствования в Москве, к достойному несению которой он был совершенно готов, он принял бремя и радость соответствующего пути на небесах, в Святой России.

Великая Смута

Подготовленная внутренней метаисторией России Великая Смута осложнилась тем, что на Западе, у самых границ и даже частично на русской земле, сформировалось государство Польско-Литовское: такое же молодое, как сама Россия, и также вступившее на путь воинственного расширения. Молодой и амбициозный уицраор Польши вместе с воинствующим демоном папства способствовали кристаллизации в польских правящих кругах определённого умонастроения. Оно сводилось к весьма эмоциональной идее создания сильной державы на восточной окраине католической цивилизации за счёт и против России. Как идеал рисовалась возможность искоренения в России православной культуры, насаждение в стране польской государственности и включение русских, как малой и отсталой нации, в число сателлитов романо-католического сверхнарода. В поисках человеческой личности, способной стать его временным орудием, уицраор Польши обнаружил в России существо, глубоко убеждённое в своих правах на российский престол. Эта уверенность у незнакомца, известного нам под именем Лжедмитрия I,

произошла от наличия в нём некоего инородного Я – с ранних лет в его личность вкралась и там угнездилась одна из множества беспринято мечущихся скорлуп, тех микро-эго, на которые распалась часть существа Ивана Грозного. Уверенность, что он является царевичем, чудом избежавшим гибели, была абберрацией его сознания, естественной для склада его натуры.

Однако ставка на Лжедмитрия не оправдала себя – через год после завладения престолом его убивают. К гибели Лжедмитрия привели две элементарные и странные ошибки. Одна заключалась в тех отношениях, которыми он связал себя с Мариной Мнишек – именно с ней и за ней шляхта притащила в Москву навыки безалаберного государственного быта Польши, всю его анархию, произвол, всё его воинствующее чванство. Другая же ошибка Лжедмитрия состояла в полном непонимании им своего положения в Москве и в целой цепочке его промахов во время царствования. Эти промахи (начиная с помилования Шуйского после раскрытия первого заговора и кончая демонстративным пренебрежением всеми традициями и навыками московского уклада) подливали масло в огонь конфликта с боярами до тех пор, пока не привели к катастрофе. Они показывают лишний раз, как чужеродна была для этой беспечной и, в сущности, добродушной натуры завладевшая ею жизненная идея. Лжедмитрий оставался чужаком, лишённым органических связей с русской культурой и государственностью. В шатком положении на русском троне его не поддержали ни иерархи сверхнарода, ни демон великодержавия уицраор, ни даже хищница Велга, чьи силы помогали ему ранее в борьбе за власть. Неполный год – самый естественный срок для царствования подобного фантома.

Над растерзанным телом Лжедмитрия происходили, по свидетельству современников, различные тёмные чудеса. Как бы искажённо ни преломлялись эти факты – они говорят об ощущении близости буйствующих потусторонних сил, игральцем которых был незнакомец. Какие сонмища ликовали над его трупом на Красной площади в эту апокалиптическую ночь и почему?

Уицраор не принял в свою материальную ткань ни единой частицы погибшего, он рассёк на множество частей и разметал их по слоям от Скривнуса до Друккарга. В Энрофе это выразилось в необычном акте над физическими останками незнакомца – пушка, заряженная пеплом Лжедмитрия, выстрелила в сторону Польши. Но этот акт людской ненависти и мести оказался легкомысленным с точки зрения метаисторика – каждая из частиц казнённого начала новый цикл существования, присасываясь к душам живых и порождая такие исторические явления, каких не было до сих пор. В продолжение десяти лет они дробились и множились новыми лжецарями, стремительно мельчая в смысле масштаба личности и размаха действия. И измельчали со временем до совершенно призрачных образований, о которых истории известны только их клички.

Разумеется, загробная судьба шельта Лжедмитрия, который проявил себя при жизни не только азартной игрой интересами народа и государства, но и рядом великодушных деяний – посмертье этого шельта отличалось от посмертья присосавшегося к нему микро-эго Грозного. Шельт Лжедмитрия упал на Дно, затем через несколько веков, искупив свою тёмную миссию, он оказался в Друккарге, а теперь трудится рабом-каменосцем вместе с другими узниками-владыками.

А вокруг каждой частицы дробящегося микро-эго Грозного возникали тёмноэфирные завихрения, взмывающие казачество, служилое дворянство, разоряемое крестьянство, деклассированный сброд и голытьбу. И наступил период, когда если и можно говорить о чьей-либо власти над страной, так только о власти Велги. Её пробуждение и выход из Гашшарвы в шрастр метакультуры происходит всякий раз, как слабеет мощь государственного демона. Она поднялась из своих глубин, предшествуемая и сопровождаемая теми самыми бесовскими полчищами, которые потусторонний опыт

народа запечатлел в бесчисленных фантастических рассказах того времени. Импульс разрушения и осквернения, разгул центробежных антигосударственных сил, перекачивающиеся волны гражданских войн, борьба всех против всех, втягивание чужеземных разрушительных сил в общую воронку всенародного хаоса, столкновение мельчайших дифференцированных частиц – такова историческая проекция запредельных деяний Велги, втягивающей по частям живую материальную субстанцию народа в расщелины инфрафизики.

Конец Первого Жругра

В такой обстановке Первый уицраор России был обречён на гибель. На поверхности человеческой истории его предсмертные конвульсии отразились в царствовании Василия Шуйского. Зеркало исторического плана показывает нам ошеломляющий заключительный эпизод: дряхлого Шуйского в польском плену, целующего в Кракове, на глазах всего двора и шляхты, руку Сигизмунда. Подобного унижения русская государственность не испытывала со времён поездок князей к золотоордынскому хану. Ничтожность Василия Шуйского показывала, как стремительно истощались инволютирующие силы демона великодержавия. Уицраору приходилось, если можно так выразиться, хвататься за любого политического деятеля, который обладал бы хотя бы двумя свойствами: прямой, органической связью со старым государственным началом и жаждой власти.

В это горестное царствование Жругр мог видеть, как отпочковываются от него его детища, и каждое из них хотело пожрать его самого и занять его место. Они воплощались в ядра новой государственности, возникающие в хаотической стихийности революционных движений. Для борьбы уже не хватало сил, приходилось звать на помощь то поляков, то шведов, показывая иностранцам путь в самое сердце страны. В руках Москвы оставался лишь небольшой клочок этого недавно столь обширного государства. После смерти Михаила Скопина и низложения царя Василия Шуйского часы жизни Первого Жругра были сочтены. Он умер в тот метаисторический момент, которому в историческом слое Энрофа соответствовало междуцарствие.

Детёныши Жругра боролись друг с другом, спеша уплотнить свои тёмноэфирные ткани, в большинстве имевшие облик ратей, ополчений, дружин, иногда даже разбойничьих шаек. Взаимоистреблению жругритов и неистовствам Велги не было конца, Дингра изнемогала в борьбе с инфрафизическими хищниками. Сосуд народоустройства был разбит, Навна сияющим туманом поднималась вверх, а снизу вздымались, преграждая ей спуск в народ, волны инфрафизической стихии. Ставился вопрос о метаисторическом и материальном бытии русского сверхнарода.

А уицраор Польши предпринимал новый натиск. Поляки овладели сердцем России – Кремлём, а вокруг клокотала страна, казавшаяся обезглавленной, но всё-таки живая. К великому счастью для России, польский уицраор оказался сам себе враг, избрав своим орудием человека, чьи индивидуальные особенности не отвечали поставленным задачам. Если бы во главе движения оказалась личность более волевая и дальнзоркая, с более ясным умом, чем Сигизмунд III, события повернулись бы иначе, на московском престоле очутилась бы польская династия, и трудно сказать, какие новые исторические потрясения это повлекло бы за собой.

В этой ситуации Яросвету надо было принимать решение, чтобы спасти сверхнарод от гибели. Надо было отвратить от сверхнарода опасность, нависшую над ним, чтобы обеспечить его дальнейшее физическое существование. Для этого имелось только одно средство: выбрать одного из жругритов, влить в него силы, благословить на бой с внешним

врагом. Потенциальным носителем наиболее здорового ядра народоустройства, самым полноценным пластом нации оказывался средний класс: ремесленники, купцы, мелкое духовенство. Там ещё сохранились старинные нравственные устои, способность к подвигу и самоотречению, воля к строительству жизни и к творчеству, душевная цельность, чистота.

Через великого родомысла Смутного времени, патриарха Гермогена, демиург сверхнарода обратился к его коренным слоям. Гермоген мученической смертью оплатил брошенный им призыв, но призыв подхватил родомысл Минин. Золото и серебро, лившееся в молодое ополчение, усиливавшее его и умножавшее, становилось физическим подобием тех высших сил, которые вливались в нового уицраора от стоявших выше его источников светлой воли и власти – Яросвета и Синклита России. Наступила пора могучего излияния в исторический слой воли Второго демона государственности и самого демиурга, излияния, охватывавшего всё более широкие слои народа, превращавшего дворянство, купечество, духовенство, казачество и крестьянство в участников подвига и ведущего ополчение к Москве под водительством родомысла Пожарского для завершения кровавой всероссийской драмы: смены уицраора.

Когда Велга, раненая в Друккарге новым Жругром, уползла в свою Гашшарву, а уицраор Польши втянул в пределы своей страны остатки обрубленных щупальцев, молодой Второй Жругр поглотил сердце Первого, и новая династия, венчаемая Яросветом и силами христианского мифа, приступила к труду над новым историческим народоустройством России.

Династия Романовых

В 1613 году на русский престол взошла династия Романовых, избранная всенародным Собором. Царём стал шестнадцатилетний юноша, лишённый каких бы то ни было даров и талантов, не проявивший исключительных качеств и позднее. Но ему прощалось всё, никто не требовал от него гениальности, общество было уверено, что, охраняемая и направляемая свыше, эта монархия оградит страну и от внешних врагов и от внутренних распрей. И действительно, демиург осенил своим провиденциальным согласием выбор Второго уицраора – как меньшее из зол.

Через триста лет последний самодержец из династии Романовых Николай II столь же бесцветен, как и Михаил, но ему не простилось ничто. И монархия, осуждаемая Думой, рухнула практически без сопротивления. Современники Николая были убеждены, что правящая династия не справилась с историческими задачами, и что никакими силами свыше она теперь не направляется, а это значит, что право на жизнь она утратила.

И действительно, никаких отблесков демиурга не мерцало не только над челом последнего императора, но и нескольких его предшественников – ими управлял только уицраор, великий демон государственности. Когда же это началось, с какого периода прекратилась поддержка демиургом царствующей династии?

Пётр I

Зенитом творческой мощи демиурга была, конечно, эпоха Петра. Факт рождения именно в царской семье и именно в качестве царского сына такого человека, который по своим духовным масштабам, дарованиям, уму, характеру и даже физическому темпераменту в точности соответствовал идеальному образу государственного деятеля, какого требовали

тогда Россия, её метакультура, её миссия, её судьба – это тоже одна из исторических загадок. Переворот, сделанный Петром в условиях XVII столетия, мог осуществить только великий государственный гений при одном неперемennom условии: законности его власти в глазах современников. Даже робкие начинания Бориса Годунова и Лжедмитрия по сближению России с Западом не были прощены обществом и послужили одной из причин их преждевременных смертей. Конечно, масштаб государственного разума этих двух государей уступал Петру, но общество той эпохи, ещё полностью проникнутое древней идеей родового права на власть, не позволило бы узурпатору опрокидывать вековые общественные устои.

По-видимому, подготовительная работа демиурга и кароссы Дингры над эфирно-физической формой Петра, способного вместить столь колоссальную инвольтацию и реализовать её задачи, началась за несколько поколений в роду отца царевича и в роду его матери. Что подтверждается провиденциальностью обстоятельств детства и юности Петра. Для осуществления государственных преобразований требовалось огромное напряжение физических сил, и Петра в раннем детстве вырывают из тепличной атмосферы дворца, где захирели оба его брата, и помещают в село Преображенское, где царевич закаляется телесно. Независимость ума будущего реформатора воспитывается тем, что ни в детстве, ни в отрочестве в его окружение не допускается ни один человек, способный по своим интеллектуальным и волевым качествам хотя бы на время подменить в мальчике самостоятельную умственную работу слепым доверием к авторитету. Грандиозные задачи царствования потребуют от него нестандартных подходов и неслыханных форм поведения. Ему придётся сбросить царское облачение и, засучив рукава, подавать пример плотникам, кораблестроителям, кузнецам, столярам – мастерам всевозможных ремёсел. И в том же Преображенском возникают условия, вполне отвечающие потребности будущего царя – не только приучить себя к трудам подобного рода, но и практически изучить некоторые из профессий.

На смену боярам ему придётся находить талантливых разночинцев, а вместо стрелецкого войска создавать – неизвестно как и откуда – новую армию, отвечающую потребностям грядущих дней. И вот товарищами его игр в Преображенском оказываются мальчишки из простонародья, смышлёные, преданные и смелые: ядро будущей гвардии.

Суровый долг революционера на престоле потребует от него непримиримости к врагам его государственной идеи. И сердце его ожесточается с ранних лет такими зрелищами, как кровавые стрелецкие бунты и казни, и такими человеческими отношениями, как отношение к нему царевны Софьи.

Все эти условия для обыкновенного человека ничего бы не дали, но для избранного, поддерживаемого демиургом и приставленным к нему даймоном доформировали, дошлифовали это человекоорудие.

В чём же состояла историческая задача Петра I, можно ли отделить в личности и его делах эту провиденциальную задачу от тёмных воздействий уицраора? Светлая задача Петра заключалась в следующем. Император был уверен, что России суждена всемирная миссия, и что его задача сводится к тому, чтобы повернуть свой народ на путь, ведущий из прозябания в национальной замкнутости на простор общечеловеческого становления. При этом народ русский следует ввести в круг передовых народов не в качестве чьего-либо сателлита или младшего исторического партнёра, а в качестве великой державы, которую другие народы вынуждены будут принимать всерьёз с самого начала.

Такой поворот возможен только при условии, если Россией будут восприняты объективно передовые идеи европейской культуры, а для того, чтобы такой переворот был осуществлён и результаты его были прочны, потребуется полное преобразование внутри страны: упразднение боярства, как правящей элиты, и передача ведущей роли дворянству и

среднему классу.

Но помимо инвольтаций демиурга Пётр получал, в силу некоторых свойств своего характера и темперамента, и инвольтации демона государственности – уицраора. И ход мыслей и действий императора вследствие этого искажался. Жругр потрудился над тем, чтобы внедрить в Петра тираническую тенденцию. Уицраору удалось преобразить суровую твёрдость царя в неумолимость, внутреннюю свободу от авторитета – в свирепую лютость ко всяким авторитетам, преданность своей идее – в ненависть ко всему, что ему казалось бесполезным, ненужным, а размах души – в бесконтрольную чувственность и непомерную грубость. Ирония переросла в склонность к глумлению. Утилитарность мышления выхолостила эстетическое начало натуры, введя его в два русла: русло артистического отношения к ремёслам и русло ремесленного отношения к искусствам. А в его проявлениях жестокости стал порою проглядывать явно садистский оттенок.

Из-за этих перерождённых качеств и проистекали все промахи Петра в государственной деятельности. Проявлялась неоправданная жестокость к боярам, стрельцам, раскольникам и даже к собственному сыну, не говоря о простом народе. Пренебрежение к интересам крестьянства повлекло за собой упрочение крепостного строя и на века затормозило культурное развитие этого самого многочисленного класса российского общества. И в итоге в стране воцарилась атмосфера террора, человеческая жизнь обесценилась, а неуважение к личности сделалось атрибутом самодержавия в последующие эпохи.

Как грандиозна ни была фигура Петра I и сколь провиденциально необходимой ни являлась его деятельность, но двойственность инвольтаций, воспринятых его сердцем и утилитарным умом, превратила родомысла Петра в существо, перед которым в посмертии врата Синклита оказались закрытыми.

Но в отличие от Ивана Грозного Пётр до конца своих дней воспринимал инспирацию Яросвета, трудясь на благо Отечества. И коренное отличие этих двух царей можно иллюстрировать тем, как они пировали. Один – исподлобья озирающий сотрапезников и тут же совершающий что-нибудь безобразное: убийство, отравление, глумление, а второй заставляющий, хохоча и хлопая по плечу бывшего боярина или, может быть, вчерашнего сапожника либо пирожника, выпить залпом кубок Большого Орла. Истинно великий человек не может не быть великодушным. Грозный – огромен, но лишён великодушия – и он не велик. Пётр же был великодушен необычным, каким-то великолепным великодушием. Как чудесно уловил это Пушкин:

«То он с подданным мирится:

Виноватому вину

Отпуская, веселится;

Кружку пенит с ним одну».

Обстоятельства смерти обоих царей подводят черту в этом сравнении. Грозный умирал, гния заживо, в тоске и молитвах пытаясь смягчить Бога. Пётр обретает смерть вследствие героического поступка по спасению погибающих матросов в ледяной воде.

При Петре старая концепция Третьего Рима стала казаться бессодержательной абстракцией, и перед Россией забрезжила новая перспектива – стать равной среди развитых и передовых стран, по-новому осознавать человечество и своё место в нём. Представители передового общества Руси увидели, что следует отказаться от религиозно-мистической гордыни о православно-русском мессианизме и богоизбранности. В обществе приходило понимание, что народ, считающий себя мессией, а остальное человечество – блуждающим во тьме, обрекает себя на саморазрушение. Эпоха Петра спасительно перевернула представление русских о человечестве.

Россия, благодаря реформам Петра, по-новому увидела и великую западную культуру, и менее развитые языческие народы (вкуче с буддистами и индуистами), и самоё себя, как сверхнарод. Да, имея такую огромную и богатую территорию, народ, на ней проживающий, способен на нечто великое. Но на что – вот вопрос. Какие исторические цели и задачи стоят перед Россией? В русском обществе той поры никакой идеи, отвечающей на этот вопрос мы не найдём. Кроме гордости своим военным, великодержавным внешним могуществом. Победоносные войны послепетровской эпохи свидетельствуют о предпринимаемых уицраором усилиях в этом направлении. И больше ничего. Ощущается идейная нищета Второго Жругра. Он ещё цепляется за старую идею Третьего Рима, борясь за преемственность от Византийской империи. А навязчивая идея российских царей о Царьграде и обладании проливом в Средиземное море одинаково занимают и Екатерину, а через сто с лишним лет – и последнего императора Николая. Но разве выход в замкнутое Средиземное море дал бы что-то России, кроме частных торговых выгод?

А между тем возможности двигаться в правильном направлении были. Совсем рядом, через Грузию и Персию, из России был прямой выход к Индии. Выход на Индийский океан и соприкосновение там с арабско-мусульманской культурой привели бы к установлению сначала торговых, а затем и культурных связей со всеми странами индоокеанского бассейна, что благотворно сказалось бы на развитии России.

Продажу Аляски также следует считать ошибкой. Освоение Сибири и Аляски простым народом давало подсказку империи, в каком направлении следует прилагать усилия. Но этот голос не был услышан. Освоение русскими Америки не могло не повлечь в дальнейшем и возникновение теснейших культурных узлов между Россией и США. Если бы Аляска осталась за Россией, весьма возможно, что она, с её золотыми запасами, отделилась бы впоследствии от России и образовала бы, пусть меньшую по размерам, но более предприимчивую и демократичную страну. А затем воздействовала бы на её на самодержавную метрополию, что придало бы совсем иную окраску освободительному движению. И вместо изнеможания под тиранической властью Третьего Жругра, русские достигли бы более гармоничного строя и более мягкого и справедливого уклада жизни. Но это, конечно, только предположения.

Задачи, стоящие перед Петром были решены, к сожалению, не все. Упразднение боярства и передача ведущей роли дворянству были выполнены Петром, а вот вовлечение в государственное строительство среднего класса и освобождение крестьянства сделано не было. Но исторические сроки ещё не были упущены, эти задачи могли выполнить преемники Петра. Но Пётр, умерщвляя своего сына, царевича Алексея, не подозревал, какой кармический узел он завязывает для будущих императоров. Бразды правления империей после Петра оказались в руках членов династии, право на трон каждого из которых подвергалось сомнению. Из 13 последующих монархов после Петра четверо взошли на трон путём военного переворота, шесть погибли насильственной смертью. Демон государственности не смог создать (или подобрать) такого правителя, который бы правильно воспринимал его инвольтации, обеспечивая закономерную смену человекоорудий во главе государственности.

Александр I

Мы подошли к историческому моменту, когда демиург России Ярсвет отвернулся от великого демона государственности Второго Жругра. Это произошло в царствование

Александра I. Когда Александр, будучи цесаревичем, дал согласие графу Палену на отстранение от власти своего отца Павла, это было согласие именно на отстранение – об убийстве речи не шло. Предполагалось, что внезапно арестованный Павел подпишет акт об отречении от престола и будет сослан. Но Павла умертвили и Александр счёл себя виновным в отцеубийстве. На внутренние переживания накладывался мистический склад его натуры, а все свои действия и решения новый император пропускал через религиозно-нравственный критерий.

Современники обожали Александра, до войны с Наполеоном с любовью называли его «нашим ангелом», а после 1812 года – «Благословенным» и «Родомыслом девятнадцатого века». И эти три его черты – глубокая совесть, мистический склад характера и высокое чувство ответственности в роли императора и человека – были его лучшими чертами, удобными демиургу. Однако этому противостояло два неблагоприятных фактора, влияющих на Александра. Немецкая наследственность преобладала над русской (в его жилах только на 1/16 текла русская кровь). Благоговение перед прусским началом, восторженное отношение к муштре и шагистике, любовь к военной парадности следует рассматривать, как объективную отрицательную наследственность Александра. А во-вторых, он был вынужден подчиняться логике власти и государственному здравому смыслу при принятии тех или иных решений – вопреки морали и своему разуму. В этом великий демон великодержавия не поступался ни на йоту. Этим объясняется то, что многие преобразования Александра, начатые им под влиянием высоких идеалов, замирали, не доводились до конца или искажались до неузнаваемости.

Вступая на престол, молодой император был уверен, что верховная власть, её смысл и назначение непременно должны нести в себе этическое содержание – исходя из этого он и начал свои реформы. Но идеалы этического порядка никак не согласуются с целями уицраора, поэтому провозглашённые им реформы выхолащивались, превращая замысел в противоположность. Тем более этого не могло не произойти с идеей, которой Александр опередил своё время на целое столетие – создание Священного Союза европейских государств. Через три-четыре года он понял, что руководители европейских держав не способны проникнуться подобными замыслами, что и в России эта идея не нашла отклик ни в одной душе, а это значит, что тот Священный Союз, как он ему мечтался, неосуществим.

За двадцать лет своего царствования Александр убедился, что невозможно государственные решения осветить светом высших начал. И он всерьёз задумывается о реализации своей давней мечты – об иноческом пути. Для человека с его душевным складом, чья совесть терзалась от величайшего преступления («отцеубийства»), и осознающего на своих плечах тяжесть религиозного и этического долга за всю династию и за всю страну, отречение от престола обрело для него искупительный смысл.

Отойти от государственных дел, отречься от престола всенародно он не мог, не желая называть истинную причину такого решения, посвящать общество в интимнейшую драму своей души. И он замыслил инсценировать свою смерть, чтобы никто об этом не заподозрил. Он убедил императрицу и ещё двух-трёх близких людей, что ему надо оставить престол и уйти безвестным странником по дорогам России и молиться за свою душу, за свой грешный, кровавый царский род, за свой народ. Молиться всю оставшуюся жизнь, очищая себя и искупая. И у него всё получилось. И много лет спустя Александр спокойно и мирно окончил свой земной путь в Сибири в 1864 году, развязав все узлы своей кармы. С лёгким дыханием взошел Александр Благословенный в слои Просветления в Небесную Россию. (Подробное описание духовного подвига Александра I можно прочитать в «Розе мира»).

Николай I

К моменту восхождения Николая I на престол, уицраор Жругр Второй полностью отказался от сотрудничества с демиургом Яросветом и, завладев волей нового императора, сделал его своим послушным орудием. Охваченный непомерной гордыней Николай I вступает на гибельный путь Ивана Грозного. По своей метаисторической роли судьбы этих двух государей схожи. Обе они знаменовали вступление русских уицраоров на путь открытой борьбы с демиургом. А Николай, сам того не понимая, повторил богоотступничество Ивана Грозного. При кажущейся несхожести их характеров сопоставление этих двух исторических фигур обосновано и логично для метаисторика – их объединяет внутренняя схожесть. Когда взбешённый Николай I направлял на подданного взор своих студенисто-светлых глаз с двумя чёрными дробинками зрачков, несчастный леденел от ужаса совершенно так же, как окаменевал боярин или холоп под ястребиным взором Грозного. Когда Николай, разыгрывая роль великодушного царя, доводил Рылеева до покаянных рыданий, а мудрого и неподкупного Пушкина – до хвалебных песнопений, разве не приходит на память садистское комедианство Ивана IV? Разве не веровали они оба в формулу: «В небе - Бог, на Земле – я»? Они искренне чтили себя пастырями своего народа, искренне веря, что знают что этому стаду нужно и что не нужно, что полезно ему и что погибельно?

Николай I и Иван Грозный, каждый в своё время, знаменовали собой зенит мощи демона великодержавия, а также его вступление на путь борьбы с демиургом сверхнарода. И именно с их правления следует отсчитывать начало процесса государственной гибели. Неудачные войны в конце царствования Грозного перекликаются с Крымской войной при Николае, а опричнине Грозного соответствует террористически удушающий режим Николая I, где роль опричнины играет бюрократия. Самоубийство Николая, дожившего до начала краха своего сооружения, перекликается с ужасной смертью Грозного. И существенно здесь, конечно, не то, что один добровольно принял яд, а другой яростно, в паническом страхе сопротивлялся своей кончине, важно то, что обе эти смерти – ярчайшие образцы двух духовно-государственных банкротств.

Преемниками Грозного на престоле были Фёдор Иоаннович и Борис. Первый – кроткий молитвенник, лишённый не только государственного, но вообще сколько-нибудь крупного ума, второй – сильный государственный деятель, одушевляемый стремлением вывести страну из тупика, куда её завел Грозный. Можно предположить, что в Фёдоре выразилась метаисторическая потребность России уравновесить образ царя грозного образом царя безгневного, милостивого и юродивого. В Борисе же выразилась ясно осознанная потребность российской государственности – исправить, залечить ошибки Ивана IV путём устранения всех следов опричнины, прекращением террора, смягчением законодательства и укреплением международных связей.

Александр II, Александр III

Преемником Николая I был Александр II – добродушный от природы, сердобольный, воспитанный на принципах абсолютизма человек, ум которого не блистал никакими яркими достоинствами, можно сказать, что этот человек был чем-то средним между добролюбивым и набожным Фёдором Иоанновичем и активным государственным деятелем, властным Борисом Годуновым. При этом, конечно, Александр оставался далёк и от духовности первого, и от дальновидной зоркости и трезвости второго.

Как после Ивана Грозного, так и после Николая I их преемники пытались путём реформ показать обществу, что предыдущее царство террора было случайностью и что теперь власть будет печься о народном благе. Но даже при их искреннем желании сделать это было невозможно – новые правители оказывались ограничены в своих возможностях и не могли отрешиться от основ старой государственной концепции. Происходило лишь частичное отмежевание от слов и дел усопшего деспота. В обществе же чувство глубочайшей обиды и попранной справедливости сливались с чувством озлобленности от тех подачек, которые бросались народу в виде вознаграждений за несколько десятилетий произвола и кровопусканий и порождали мечту о переменах. Было очевидно, что народ ничего не забыл, не простил и прощать не собирается. От года к году начинали множиться признаки того, что в народе живёт мечта изменить структуру власти в самых её основах. Потому что при старой структуре люди не чувствовали себя в безопасности от возможных рецидивов. Такова закономерность хода русской истории после смерти тирана. И Борис Годунов и Александр II, выражая волю уицраора исправить допущенные ошибки и преступления предыдущего правителя, пытались провести смягчающие преобразования, но оба не смогли удержаться на этом курсе, потому что он открывал слишком широкие клапаны kloкочущему народному недовольству. В своих государственных начинаниях оба шатались то вправо, то влево, оба делали то шаг вперед, то шаг назад, и оба претерпели, наконец, то, что претерпевает всякий, пытающийся сидеть между двумя стульями. Корень их неудач заключался в том, что в обоих случаях уицраоры не получали поддержку демиурга.

Под этим углом метаистория должна рассматривать все события русской государственности и культуры на протяжении всего царствования Николая I, Александра II и Александра III, в том числе и: гибель Пушкина, Лермонтова, удушение литературы, засилие бюрократии и военщины, ослабление международных связей, Крымскую войну и поражение в ней, вынужденную перемену курса, отмену крепостного права, попытки разнообразных реформ, учащающиеся вспышки революционных страстей, народовольчество, террор снизу, убийство царя, панику в высших кругах общества, очередное шарахание вспять, реакцию при Александре III и назревание новой революционной ситуации.

Метаисторическая картина усложнялась тем, что демиург Яросвет и демон государственности Второй Жругр не были единственными участниками этой борьбы: в неё вмешивались порождения Жругра – хищные и алчные детёныши, время от времени отпочковывавшиеся от него. Ранее Жругру удалось уничтожить двух первых, набросившихся на него ещё в те времена, когда его поддерживал демиург – восстания С.Разина и Е.Пугачева были подавлены. Третий же жругрит был слаб и недостаточно деятелен: ему не удалось даже выдвинуть своё человекоорудие – вождя нового движения, как не удалось ему и инвольтировать свою волю в народные массы – и разгром декабристов обошёлся без больших жертв. Но вскоре после смерти Николая I, когда уицраору, уже столько времени напрягавшему силы в борьбе с демиургом, требовалась передышка, а исторической государственной власти, тридцать лет боровшейся с духовностью и свободой в искусстве и в общественной мысли, требовалось найти какой-либо модус вивенди (временное соглашение) с этой силой, как раз в этот момент отпочковался новый жругрит: бурый, очень энергичный, с чёрными глазами без блеска и со злобным, весьма интеллектуальным лицом. Юрко и неуловимо, как хищная касатка вокруг неповоротливого кита, завертелся он вокруг измученного, дряхлеющего родителя. Он требовал от игв пищи, и напор его был столь мощен, что многие из обитателей Друккарга, не решаясь послушаться, начали доставлять питательную росу ему, вместо старого Жругра. Вскоре его резкий, наглый и насмешливый голос донёсся и до поверхности земли и через сознание нескольких десятков человек, обладавших чувством эпохи, бойкостью мысли и к тому же владеющих

пером, стал трансформироваться в небольшой запас новых идей, проповедуемых иногда талантливо, иногда нет, но всегда с большим темпераментом, с огромным задором и самоуверенностью и по большей части резким, издевательским, циничным тоном.

Начинались шестидесятые годы.

От слова до дела, от пропаганды до революционного террора оставался один шаг. Он был сделан очень быстро, и старый Жругр затрясся от боли и бешенства, когда детёныш оторвал у него один из главных щупальцев, а проводники воли этого детёныша в Энрофе умертвили прямо на петербургской улице императора – пусть слабое и слишком мягкое, но всё-таки орудие Второго Жругра.

А что Яросвет? Отступивший от второго уицраора мог ли он поддержать его детёныша? Что сулило господство этого жругрита в Друккарге? Какую новую государственность создало бы в Энрофе это существо, первые шаги которого были запятнаны кровью? Нет, молодой жругрит грозил обрушить на страну волны революционных неистовств. Поэтому в 1881 году демиург, боровшийся до тех пор со старым Жругром, на время вложил своё оружие в ножны: он давал старику возможность сосредоточить силы на борьбе с его порождением. Этих сил оказалось ещё достаточно, чтобы привести жругрита в состояние длительного истощения.

Но Жругр не мог стать мудрее самого себя. Давно поражённый идейным бесплодием, он и теперь не сумел воспользоваться предоставленной ему передышкой для создания новой концепции власти, новой философии, новых идеалов. Только самодержавие, православие и народность – причём все три компонента в самом сниженном, обездушенном смысле – вот и всё, что могла выжать из себя государственность Александра III.

Но чем старше уицраор, тем чаще отпочковываются от него его детища. В 1880-х годах игвы впервые увидели, как в отсутствие старого Жругра в Друккарг тихо вползает и бесшумно захватывает питательную росу новое создание: тёмно-багрового цвета, с головой на необыкновенно длинной шее и с невероятным количеством присосок. Оно ещё не отваживалось нападать на отца, а маскировалось и пряталось, набирая силу.

Вскоре появилось и третье порождение Жругра – бледное, очень тощее, но с огромной пастью. К чему предназначена была пасть у существа, питавшегося через присоски?

Очевидно, пасть у этого чудовища появилась заблаговременно, для удовлетворения каких-то потребностей в будущем. Пока же он был способен только тихонько скулить, как бы жалуясь на отца, и методически, трезво доказывать Великим Игвам, что он мог бы гораздо успешнее, чем старик, справляться с задачами.

О международной Доктрине

Революционные события 1905 года, в которых присутствуют и беззаветный героизм народных масс, и кровавый произвол царской власти – не что иное, как отражение метаисторической схватки между собой отвратительных чудовищ в иных слоях Шаданакара. Это может показаться оскорбительным по отношению к людям, участвующим в революционной борьбе за народное счастье, но здесь следует иметь в виду, что ни сам факт существования уицраоров, ни их метаисторическая грызня друг с другом, заставляющая людей в Энрофе выходить на баррикады, нисколько не умаляет духовной красоты революционного героизма и чистых помыслов борцов за народное освобождение. Однако реальность такова, и с этим надо смириться, что за всеми масштабными историческими событиями Энрофа стоит всё-таки именно борьба метаисторических чудовищ. И именно поэтому так кровавы эти эпохальные события и так сомнителен их конкретный положительный результат.

Но метаисторическая драма России XX века объясняется не только взаимной борьбой уицраоров. Причиной грандиозных событий начала XX века, развернувшихся в России, стало сложнейшее переплетение и столкновение инспираций, исходивших из центров гораздо большего масштаба и преследовавших гораздо более обширные цели.

Дело в том, что непременным условием для пришествия на землю Антихриста является наличие некоего объединяющего начала для всего человечества. Только объединив все страны и земли, враг человеческий сможет воцариться на всей Земле, диктовать свою волю, править миром. Таким объединяющим началом для людей может стать какая-либо идеология, которую человечество примет и станет ей следовать. И такая идеология появилась!

Как известно, в середине XIX столетия в Западной Европе сформировалось универсальное учение, Доктрина (будем так называть учение Маркса), которая за последующие сто лет стала господствующей идеологией на одной трети земного шара. Первая победа Доктрины в 1917 году имела воистину мировое значение и выдвинула Россию на такую позицию, пребывание на которой сделало нашу страну водителем чуть ли не половины человечества и активной участницей самых страшных военных схваток, какие потрясли когда-либо человечество.

Не вдаваясь в метаисторическо-философский анализ этого учения, следует обратить внимание на внутреннюю его противоречивость – на разрыв между его идеалами и методами их воплощения. Положительные идеалы этого учения, во многом совпадающие с мечтаниями самых высоких человеческих сердец, не были и не могли быть инспирированы силами Гагтунгра – они ему противоречат, более того, включают в себя и многие проявления христианской духовности. Но, попав в голову энергичного, охваченного гордыней автора, эти идеалы на бумаге утратили свою духовность, а провозглашаемые методы борьбы за них оказались в резком противоречии с требованиями элементарной гуманности. Ущерб духовности учения Маркса ярко сказался на его постулате, что единственный путь к претворению этих благих идеалов в жизнь лежит через вооружённую борьбу, через насильственный захват власти, беспощадное уничтожение врагов и диктатуру одного класса – вернее, его организованной части. Таким образом, светлые, провиденциальные идеалы Доктрины и демонические методы её воплощения оказались в явном противоречии друг с другом.

Ленин пламенно верил, что дорога к человеческому счастью идёт именно через это учение. И то, что он стал орудием тёмных сил, он понял только в самом конце своей жизни, будучи больным, и отступить ему было уже некуда...

Смена второго уицраора

Итак, на рубеже XX века демиург Яросвет одновременно боролся и против старого Жругра и против всех трёх его детёнышей. Но борьба эта велась не с целью их уничтожения, а лишь для их обуздания и ограничения, ибо и старый демон государственности и его детёныши были необходимы для защиты русского народа от уицраоров западных держав. Поддержать которого-нибудь одного из всех жругритов Яросвет не мог, дабы не усугубить ситуацию, ведь даже самый хилый из них одним видом своей пасти мог рассеять любые сомнения касательно его метаисторических потенций. Проекция этого жругрита в русской истории, маскирующаяся под либеральную и благообразную «оппозицию его величества», могла ввести в заблуждение людей, но не демиурга, Яросвет видел, что за демагогическими программами партий, подобных кадетам, таится воинствующий дух национального империализма, колониализма и буржуазный дух неутолимой жадности.

Ещё большую тревогу внушал багровый жругрит. Прячась за спинами своих братьев, он короткими рывками иногда набрасывался на отца, тотчас отступая и незаметно пожирая питательную росу, пока старик и два других исчадия боролись, переплетаясь всеми своими щупальцами. Историческая проекция именно этого жругрита становилась богаче всех остальных идеологическим зарядом – она была вооружена Доктриной, универсальной программой и пониманием исторического момента. И именно багровый жругрит уже создал себе превосходное человекоорудие: существо с тяжёлым и неутомимым мозгом и таранообразным лбом, с широким ртом и хитрыми, по-татарски дикими и безжалостными глазами (Ленин).

Инициатором Первой мировой войны, по наущению Гагтунгра, стал уицраор Германии, обезумевший от стремительности собственного роста, алчности и зависти, потерявший правильный глазмер и лишившийся способности трезво сопоставлять вещи и в своём и в нашем мире. По замыслу Гагтунгра мировая война должна была стать щедрым источником питательного гавваха и началом образования новой социальной формации, которая, в далёком будущем, сможет преобразоваться в ядро абсолютной всемирной тирании. Предвидел ли уже тогда демонический разум Шаданакара, руины какой именно страны станут фундаментом этой новой формации, или же это стало уясняться ему в ходе событий? Доктрина к тому времени пустила корни не в одной только России, и если бы захват власти не удался здесь, он мог бы совершиться в другой стране и, как цепная реакция, перекинуться в соседние государства. Во всяком случае, развязав Первую мировую войну, уицраор и шрастр Германии сделали своё дело.

Когда враг вторгся в Друккарг и стиснул в железном объятии тело старого Жругра, жругриты поспешили отцу на помощь – дело шло о существовании самой цитадели Жругров. Они понимали, что если чужеземный враг захватит эту цитадель, в подземном мире придёт конец всему роду российских уицраоров, а в Энрофе, на земле – конец российскому великодержавию. Только багровый жругрит оказался зорче: в Друккарге произошла смена Великих игв, и новый игва, усиленно инспирируемый Гагтунгром, раскрыл перед багровым жругритом такие перспективы в случае гибели старого Жругра, от которых могла закружиться голова.

Силы Второго Жругра иссякали, он погибал. В борьбе с мощным германским уицраором помощь бледного и бурого жругритов оказалась ничтожной – как помощь детей взрослому солдату в бою. Тогда они отбежали в сторону, чтобы, уловив мгновение в агонии отца, вгрызться в его тело и пожрать его сердце, – акт, совершив который, пожиратель становится преемником погибшего.

В этот час Яросвет, созерцая эту страшную и гнусную картину борьбы за власть в Друккарге, обрушил с великим гневом свой удар по их главной цитадели. Глыбы её треснули и эта минута стала великой и потрясающей для всего русского народа – сквозь образовавшуюся брешь миллионы человеческих душ увидели духовным зрением голубое сияние Навны. Они увидели близость Той, чьё освобождение будет залогом осуществления метаисторической миссии русского народа, – путём к всечеловеческому братству. Человеческие сознания на рубеже февраля-марта 1917 года не могли вместить это лучезарное видение, но на несколько великих дней вся атмосфера их существа исполнилась неопишуемой радости и опьяняющей веры. То была вера в свершение вековой мечты, в наступление всеобщего счастья. То были незабвенные дни, когда священный хмель бескровной революции бродил в Петрограде и Москве, переходя от сердца к сердцу, от дома к дому, по всей стране, по всколыхнувшимся, ликующим губерниям. Даже самые уравновешенные умы поверили на мгновение, будто Россия вступила в эру всеобщего братства, оставив позади всякое зло и указывая путь к мировой гармонии всем народам. Но демоническая цитадель устояла, видение угасло, а человеческий разум так и не понял

ничего в происшедшем. Но память о захватывающей минуте какого-то всемирного предчувствия, какого-то предварения всечеловеческого братства осталась во множестве человеческих душ и переходит из поколения в поколение.

Этой великой минутой воспользовался багровый жругрит, он вгрызся в извивающуюся туловище своего отца и корона сорвалась с головы несчастного. Все плоскогорья и города Друккарга огласил гул и звон, а военные оркестры в городах Энрофа грянули ликующий революционный гимн, и в звуках их литавр слышались отголоски то ли звона разбитой эмблемы, то ли праздничного грохота музыкальных инструментов игв, беснующихся от восторга – старый Жругр им надоел своей вялостью, бесплодием, безынициативностью, тупостью, своей неспособностью осуществить мировые замыслы Гагтунгра.

Но старый Жругр погиб не сразу, он тащился из последних сил к центральному капищу, надеясь найти в нём спасение, обрести помощь игв. И в это время, прямо над улицами Друккарга, от умирающего Жругра отпочковался ещё один жругрит – чёрный, маленький, самый злобный из всех. Едва родившись, он сразу тоже стал вгрызаться в туловище родителя, а бурый, стремясь наверстать время, пропущенное в замешательстве, рванулся туда же вслед за багровым, тщетно пытаясь опередить его на пути к родительскому сердцу. В это же время и великая умножательница жертв и страданий Велга России почувствовала, что опять настает её час. Как полыхание лиловых и чёрных покрывал она влила в чёрного жругрита избытки своих сил – и в Друккарге и на земле в Энрофе начиналась анархия. В Энрофе была поздняя осень, когда в Друккарге багровому жругриту удалось первому добраться до сердца отца. Это была та минута, когда в Петрограде по стенам Зимнего дворца с Невы ухнули пушки крейсера «Аврора». Другие жругриты, беснуясь от зависти и ненависти, отступили вдаль и старались набрать новых сил, сосредоточив вокруг себя отряды игв и раруггов. Германский уицраор и рати других рас античеловечества тоже пробивался к великому капищу – в Друккарг, а в Энрофе начался хаос. А багровый жругрит всё пил кровь умирающего отца, и только когда в подвалах Екатеринбурга прозвучали несколько выстрелов и последнее из человекоорудий старого Жругра (Николай II) понесло расплату за грехи своей династии, – только тогда можно было понять, что победитель выпустил наконец из щупалец пустое, выпитое сердце и теми же щупальцами возложил на себя, в виде короны, золотой куб. Он стал Третьим уицраором России.

Человекоорудия: Ленин, Сталин

Говоря о революции 1917 года, о её лозунгах и целях нельзя забывать, что семя идеологии всеобщего братства и равенства людей и права их на свободу было посеяно ещё Христом во время Его пришествия на землю. Но из-за оборванности Его миссии развить их не удалось, а идеалы постепенно лишились своей одухотворённости, выхолостились, а практика жизни отказалась от слишком медленного христианского самосовершенствования, перейдя к принципам насилия. Так демонические силы исказили идеал и залили кровью дорогу. Именно это видим мы и в панорамах гражданской войны, и в последовавших за ней этапах истории. Но это ещё не означало, что демонические силы полностью контролируют революционное движение и психику людей, к нему примкнувших. Несмотря на материалистическую Доктрину, у многих людей оставались возвышенными и чистыми их душевные порывы в борьбе за счастливое будущее. Отсюда вытекало и светлое чувство товарищества, и жажда знаний, и героизм, и самопожертвование, – тем более ценные, что жертвуя своей жизнью ради блага грядущего человечества, атеист-революционер не рассчитывал на воздаяние в загробной жизни, поскольку не верил в неё.

С метаисторической точки зрения на события первых лет революции надо иметь в виду, что

новый Жругр, едва возложив на себя золотой куб, уже обладал такими длинными щупальцами, что даже будучи сжат врагами на тесном пространстве центральной России, он смог шарить далеко за спинами своих врагов, в их собственных шрамах, расшатывая основы чужих цитаделей. И возможность мировой революции (с последующим переходом к мировой тирании) стала реальной угрозой. В борьбе с этой опасностью Ярсвет и Синклит России очертили вокруг нового российского уицраора нерушимое кольцо света, окружив его стеной провиденциальных сил, дабы предотвратить, или, по крайней мере, отодвинуть эту угрозу.

В итоге, замысел Гагтунгра не был осуществлён, но он не был и опрокинут. Та новая социальная формация, которую он изобрёл и посредством Маркса сформулировал в Энрофе, не была воплощена во всемирных масштабах. Но была завоёвана и укреплена площадка для будущего плацдарма к захвату других метакультур. Теперь в советской России предстояло лишь, с помощью выпестованного человекоорудия, создавать самую эту формацию, предназначенную для дальнейшего распространения.

За образами обоих вождей новой России (Ленин и Сталин) видятся не только очертания третьего русского уицраора, но явственно выступает и тень более могучего существа, существа планетарного масштаба, осуществителя великого демонического плана – Урпарпа. Прежние великие тираны российской истории, Иван Грозный и Николай I, были орудиями демона великодержавной государственности уицраора – и этим исчерпывалось их метаисторическое значение. Победы или поражения России при Грозном и при Николае могли непосредственно отражаться на судьбах лишь территории одной страны, а идеология их Жругров – идея Третьего Рима и концепция: «самодержавие, православие, народность» – были узконациональными и конфессиональными. Совсем другой масштаб наблюдаем при реализации в России интернациональной Доктрины марксизма – наша страна благодаря ей заняла передовое место в глобальной истории планеты. Россия стала первой страной, вооружённой такой универсальной идеологией, которая теоретически могла распространиться на все страны земного шара. Секрет этой новой идеологии заключался в том, что она декларировала идею всемирного содружества народов, объединённых новым социальным строем.

Значение, роль и сама природа человекоорудий постреволюционной России были глубоко различны. Ленин был простым носителем конкретной миссии. Конечно, над его шельфом и всеми остальными компонентами его существа была проведена многолетняя, если не вековая, работа, чтобы превратить его в послушное орудие определённой воли. Но при всём том его личная монада оставалась незатронутой и пребывала в своём многосолнечном Ирольне, оказывая положительное влияние и на человеческий образ, и на характер Ленина. Он не был кровожаден, не был активно жесток, он верил в Доктрину и упорно работал во имя её идеалов. Он по-своему любил народ и человечество, хотя и обобщённо-абстрактной, мечтательно-головной любовью. Он желал людям блага, как сам это благо понимал, и если прибегал порой к весьма крутым мерам, то это диктовалось не мстительностью, не бесчеловечностью, а уверенностью в том, что так надо ради всеобщего блага, такова печальная революционная необходимость. Пролитие крови или причинение страданий само по себе не доставляло ему никакого наслаждения. Даже когда совершённый против него террористический акт едва не стоил ему жизни, вождь нашёл в себе нравственную силу, настаивая на тюремном заключении террористки, а не казни. К своим товарищам по партии он относился с отеческой бережностью и даже против тех из них, которые возглавляли внутри партии оппозиционные течения, он не принимал иных мер, кроме дискуссий, партийного внушения и давления собственным авторитетом. Он искренне впитал в себя демократические идеалы предыдущих поколений и не мог быть тираном. Ленин был интернационалистом не на словах, а на деле. И хотя во многом был

осуществителем тёмной миссии, он глубоко верил, что работает на благо человечества. Другая природа была у Сталина. Все предыдущие инкарнации этого существа были репетицией к главному его спектаклю – пришествию Антихриста. В предпоследний раз он пребывал на земле в том самом облике, который с гениальной метаисторической прозорливостью запечатлел Достоевский в своём «Великом инквизиторе». Это не был Торквемада или кто-либо другой из крупнейших руководителей этого сатанинского опыта, но это был и не рядовой работник инквизиции. Инквизиция очень много дала этому существу, развив в нём жажду власти, жажду крови, садистскую жестокость. Есть специальный термин: хохха, он обозначает такое состояние, когда человек вступает в общение с высокими демоническими силами не во сне, не в трансе, а при полной сознательности. Хохха стала доступна этому существу, оно достигло ступени осознанного сатанизма. В XVI веке после смерти в Испании груз ужасной кармы утянул его шельт с астралом на Дно, в Гашшарву. Но Урпарп извлёк его оттуда и потенциальный Антихрист подготавливался им ещё свыше 200 лет к своему новому воплощению. И вот в маленькой горной деревушке Гори, в бедной верующей семье снова увидело солнечный свет это существо.

Но великий демонический разум понимал, что для пришествия Антихриста в Энрофе ещё не пришло время, к тому же и сам кандидат ещё не совсем готов для подобной роли. Но об этом ему не следовало знать, наоборот, в его сознании укрепилась иллюзия, что это – его долгожданный и окончательный выход, и что именно в этой инкарнации он сможет достичь, если будет играть хорошо, своей всемирной цели. И, действительно, в истории человечества ещё не было существа, одержимого жаждой самоутверждения такой огромной силы, накала и темперамента.

Вопреки завещанию Ленина, Сталин в два-три года сумел растолкать локтями всех других претендентов на верховную власть. Последовавшие затем беспрецедентные масштабы и формы его тиранствования говорят о сверхчеловеческой жажде самоутверждения и столь же сверхчеловеческой жестокости. Сталин был кровожаден, как истый демон. Невозможно объяснить, какими соображениями государственной пользы, хотя бы и искажённо понятыми, периодически производились массовые кровопускания своего народа.

Коллективизация, голод на Украине, разгром религиозных конфессий, политические репрессии – и всё это с многочисленными мучениями и жертвами. Затем короткая передышка, пока полчища Гагтунгра переваривали щедрую порцию гавваха, и вот новое блюдо для обитателей Гашшарвы и Дигма: жертвы Отечественной войны. Сталин, конечно, не виноват, что началась война, но ответственность за масштабы человеческих жертв несёт и он. В 1945 году, едва начинает иссякать этот источник гавваха, как человекоорудие Урпарпа уже спешит озаботиться о новом – начинаются массовые репрессии. Без разбора, без смысла, с нескончаемой фабрикацией дел на пустом месте, со зверскими пытками, и с таким режимом в некоторых «спецлагерях», перед которым меркнут Освенцимы и Бухенвальды.

Для метаисторика должно быть ясно, что те океаны гавваха, которые порождались деяниями Сталина, не нужны были ни Жругру, ни игвам – они, как известно, питаются психическими эманациями государственного комплекса человеческих чувств. Гаввахом питаются Гагтунгр и демоны Гашшарвы, и Сталин, щедро обеспечивая их пищей, разоблачил себя со всей очевидностью – он орудие не уицраора, но самого Великого Мучителя.

Гениальность Сталина была своеобразной и тёмной и относилась только к его тиранствованию. Сталин был дурным хозяином, дурным дипломатом, дурным руководителем партии, дурным государственным деятелем. Полководцем он не был вообще. Но почему же Урпарп не озаботился обогатить это существо и государственной, и

научной, и художественной гениальностью? Разве это не способствовало бы скорейшему и всемирному торжеству Доктрины? Отсутствие у Сталина гениальности научной, государственной и художественной было следствием отчаянного сопротивления Провиденциальных сил. Тёмные дары гениальности научной и гениальности художественного слова, вложенные в него Урпарпом, удалось парализовать ещё в астральном теле этого существа, ещё до его рождения на Кавказе, гениальность же государственная была вырвана, когда он был ребёнком.

Гитлер

Реализация марксистского учения по всему миру, для воцарения в последующем Антихриста, была не единственным вариантом объединения народов земного шара. Демоническим разумом предусматривались и другие варианты и другие кандидатуры, чтобы сильнейший из них сыграл главную роль в будущем «спектакле».

Другой кандидат на роль Антихриста, Гитлер, противостоял Сталину именно, как кандидат-соперник. Он тоже обладал гениальной способностью к тиранствованию и жадной самоутверждения, той же кровожадностью и способностью на любое злодейство. Гитлер чувствовал себя величайшим завоевателем всех времён, личностью беспримерной и провиденциальной, призванной к осчастливливанию своего немецкого народа и к достижению мирового гегемона Германии. Он глухо намекал даже на то, что после войны даст народу новую религию. Но это человекоорудие не сумело довести эти качества до совершенства. Он любил свою землю и свой народ и мечтал во что бы то ни стало даровать своему народу блаженство всемирного владычества, а потом отойти в некие потусторонние высоты и наслаждаться, видя оттуда ослепительные плоды своих дел и впивая фимиам благодарных поколений.

Но война грубо опрокинула все его расчёты, обернувшись невиданной мясорубкой, шесть лет перемалывавшей плоть его народа (другие народы были ему глубоко безразличны). Бросаясь на пол и грызя ковёр от ярости, он, скрежеща зубами от досады и от горя о погибающих соотечественниках, всё же гнал и гнал их на убой вплоть до последней минуты своего существования. Но это было не то ледяное бездушие, с каким бросал в мясорубку войны миллионы русских его враг Сталин.

А в картине гибели Гитлера есть даже некоторый налёт романтики. В сотрясающемся от бомб убежище имперской канцелярии, получая поминутные известия о приближении войск противника, этот полусумасшедший, бледный до синевы, уже только шёпотом способный говорить человек, совершает самоубийство со словами о том, что он уходит, но «из другого мира будет держать вахту здесь, в сердце Германии». Всё это говорит о его человеческой природе – не в смысле гуманности, разумеется, а в том смысле, что это существо «не дотягивало» до роли всемирного абсолютного тирана. Нет, Гитлер в качестве кандидата в абсолютные тираны проигрывал Сталину. Проигрывала и его идеологическая концепция – она не была интернациональна.

Новые опасности

Каково же было отношение Провиденциальных сил России во время войны к Сталину, когда он возглавлял борьбу с фашистскими захватчиками? Это отношение определялось двумя факторами. Поскольку Сталин имел полностью демоническую суть своего существа, ни о какой помощи ему со стороны светлых сил не могло быть и речи. Однако от исхода

войны зависело будущее России, да и само её существование. А в более широком смысле победа Германии сулила также разгром и уничтожение западных государств и наступление эры владычества «расы господ» над всем миром – от Японии и Австралии до Англии и Канады. Такой путь к всемирной тирании был, быть может, ещё прямее, чем победа интернациональной Доктрины – марксизма. Поэтому, с началом войны, когда на Друккарг обрушились орды чужеземных игв из шрастра Клингзора (Германии), демиург и Синклит России временно прекратили свою трансфизическую борьбу с обитателями подземной цитадели России – пока не завершится схватка чудовищ. И теперь Великий игва Друккарга мог беспрепятственно вразумлять и корректировать действия Сталина через его способность к состоянию хохха.

На исход войны немалое значение оказала также резко возросшая эманация государственного комплекса чувств, которой восполняли убыль своих сил Жругр и игвы. Этой эманации способствовали в СССР всё и вся: от пропагандистов и агитаторов в армии до священников на амвонах, от знаменитейших композиторов и писателей до неведомых работников печати и кино, от ведущих учёных до последних, мельчайших партийных работников на заводах. Взывалось при этом к различным инстинктам: и к патриотизму, и к национализму, и к интернационализму, и к вере в Бога, и, напротив, к вере в партию, и к жажде мира, который мог прийти только через победу, и к омерзению и ужасу перед зверствами фашизма, и к любви к своей земле, семье, дому, детям. Поэтому к концу войны Жругра распирала неслыханная сила, и хотя множество игв и раруггов пали в той борьбе, но сам уицраор окреп как никогда, и жаждал расширения. В 1945 году он ворвался в германский шрастр и умертвил Великого игву Германии, и только предпринятые действия уицраоров Англии и Америки – Устрома и Стэбинга – охладили его пыл.

Планы Сталина остановило одно неожиданное событие. В мае 1945 года вождь был проинформирован – не из мистического, а из вполне земного источника – об испытании первой атомной бомбы в Нью-Мексико. Это было крушение надежд. Вместо долгожданного уничтожения всего капиталистического мира, вместо триумфального шествия революционных армий через Францию, Испанию, Африку неведомо куда, предстояло застыть на месте, кусая локти и высчитывая, сколько же лет потребуется теперь для того, чтобы тоже обзавестись атомным оружием.

Опасность распространения по всему миру национал-социализма была сокрушена. Но в мире появилась новая опасность по объединению мира (для последующего пришествия Антихриста) – на почве событий второй мировой войны с головокружительной быстротой и до умопомрачительных размеров вырос уицраор Америки – Стэбинг. Этот уицраор сумел объединиться со своими дальними родственниками в Западной Европе и расположиться так, что его щупальцы шарили чуть ли не у всех границ Советского Союза. Учитывая ошибки своего немецкого предшественника, он вырабатывал новую идеологическую концепцию, могущую захватить весь мир – космополитизм. Взор Гагтунгра всё с большим благоволением останавливался на Стэбинге, всё с большим вниманием обращал он часть своих сил на его инвольтирование.

Сталин вечно трясся за своё физическое существование. Вероятно, это было связано с тем, что он, в состоянии хохха прозревавший ужасную перспективу, которая неизбежно поглотила бы его в случае смерти, яснее других понимал, что смерть для него будет не просто провалом в небытие, а неотвратимым падением сквозь муки магм и Ядра на Дно Шаданакара. Естественно, что он цеплялся за жизнь как мог, надеясь, что земная наука додумается до способов сделать его тело физически бессмертным.

Сталин любил работать по ночам. Этого было достаточно, чтобы весь государственный аппарат перестроил свою работу на противоестественный ночной лад. Ни один из ответственных работников, даже ни один рядовой инженер не мог обеспечить себе ночью

нормальный сон, его то и дело поднимали с постели по телефону и вызывали на производство, а десятки тысяч работников и вовсе ложились спать не ночью, а утром. Спали урывками, в два-три приёма, лишались возможности проводить вечера в кругу семьи, посетить театр или концерт, не смели, даже находясь в отпуске, уехать куда-нибудь, не оставив начальству своего адреса. Так продолжалось не месяц, не год, но лет пятнадцать.

Отчасти от страха перед выступлением с трибуны даже перед десять раз «просеянной» аудиторией, отчасти от величайшего презрения к народу, над которым он мог себе позволить всё, что хотел, Сталин в последние годы своей жизни почти не появлялся публично. А когда в 1949 году было с такой помпой, какой не знала всемирная история, и с таким раболепием, какого она тоже не знала, отпраздновано его семидесятилетие, он, присутствуя на банкете и на концерте, данных в его честь с пышностью «Тысячи и одной ночи», не проронил ни слова. Даже самой простой благодарности не сорвалось с его языка. Он казался мрачным и недовольным, хотя оставалось совершенно непонятно – чем. В самом деле: это был как раз зенит его могущества. Завершалась его последняя великая международная акция: коммунизация Китая. Что же его угнетало? Изобретение американцами водородной бомбы? Но Советский Союз и сам владел уже термоядерным оружием. Или проявилось просто минутное дурное настроение, какое бывает у всякого деспота? Но хотя бы ради декорума можно было в присутствии десятков иностранных наблюдателей подавить это скверное настроение в такой знаменательный день, перед лицом буквально всего мира. Очевидно, что-то более глубокое, не поддающееся усилиям воли, грызло его. Это было знание о том, что происходит вне Энрофа, – знание, почерпнутое им в состоянии хохха.

В 30-х и 40-х годах он владел хохха настолько, что зачастую ему удавалось вызвать её по своему желанию. Обычно это происходило к концу ночи, причём зимою чаще, чем летом: тогда мешал слишком ранний рассвет. Все думали, что он отдыхает, спит, и уж, конечно, никто не дерзнул бы нарушить его покой ни при каких обстоятельствах. Но если бы кто-нибудь проник к нему в этот час, он застал бы вождя не спящим, а сидящим в глубоком, покойном кресле. Выражение лица, какого не видел у него никто никогда, произвело бы воистину потрясающее впечатление. Колоссально расширившиеся чёрные глаза смотрели в пространство немигающим взором. Странный матовый румянец проступает на коже щёк, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Морщины казались исчезнувшими, всё лицо неузнаваемо помолодевшим. Кожа лба натягивалась так, что лоб казался больше обычного. Дыхание было редким и очень глубоким. Руки покоились на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирали по их краям.

Хохха – это, собственно, не состояние, а целый тип состояний, отличающихся одно от другого тем, с каким именно слоем и с какой из тёмных иерархий вступает в общение духовидец. Но во всех случаях физические предметы окружения смутно проступают для него сквозь картины иных слоев. У Сталина наиболее частыми были такие хохха, когда он общался с Великим игвой Друккарга и с Жругром; иногда его удостаивал непосредственной инспирацией и сам Урпарп. Кроме этого было ещё одно невидимое существо, специально к нему приставленное, его постоянный советчик, один из обитателей Гашшарвы, нечто вроде антидаймона. Хохха вливала в это существо громадную энергию, и на утро, появляясь среди своих приближённых, он поражал всех таким нечеловеческим зарядом сил, что этого одного было бы достаточно для их волевого порабощения.

Именно в состояниях хохха, следовавших одно за другим накануне его 70-летия на протяжении нескольких ночей, он уяснил себе в общих чертах очень неприятные для себя события, происходившие тогда в российской метакультуре и в смежных с ней областях. Он стал свидетелем одной из жесточайших потусторонних битв. Демиурги (Светлые Силы)

России, Китая, Англии и США сражались с уицраорами (демонами государственности) России и Китая (Жругром и с Лай-Чжоем). Усилиями светлых сил поползновения уицраоров приостановили, вокруг них был очерчен нерушимый круг. Попытки уицраоров перейти, спустя некоторое время, опять в наступление, не привели в шрастрах ни к чему, а в Энрофе завершилась трёхлетняя война в Корее, после которой пришлось вернуться к исходному положению.

Тогда Сталиным и был взят курс на быстреешую подготовку и развязывание третьей мировой войны, ибо дальнейший ход процессов грозил привести к перемещению силы тяжести в Северо-Западный шрастр и к переносу поддержки Гагтунгром не Жругра, а Стэбинга – американского уицраора.

Кончина Сталина

Вокруг Сталина постоянными усилиями демонических сил было соткано нечто вроде непроницаемых тенёт мрака, сквозь которые никакое воздействие Провиденциальных начал до него не достигало. Но наконец, после невероятных усилий со стороны синклитов – и не только русского – однажды эти тенёта были прорваны на короткий миг. В этот миг ему были показаны – не панорамы светлых миров – это только усилило бы его ненависть – но отдалённые этапы его собственного грядущего пути, его возможное воплощение Антихристом и конечная катастрофа: сбрасывание на Дно Галактики – то самое, где нет никаких времён, – страдалище, страшнее и безысходнее которого не существует в мироздании. Это для него была ночь непередаваемого ужаса. Ужас был таким, что на несколько минут всё его существо воспламенилось отчаянной молитвой – спастись, предотвратить дальнейшие шаги по этой дороге. Но минуты прошли и гордыня, упрямство и жажда беспредельной власти возобладали. Но эта ночь, случившаяся в 1952 году, возымела некоторое действие. Погружения в хохху после этого уже не вливали в него новых сил. Сказалась, может быть, слишком тяжкая психологическая нагрузка – вечное хождение в маске материализма, марксизма, постоянная двойная жизнь. Сталин как бы надорвался. Силы в него продолжал вливать только Жругр. За короткое время вождь постарел, а постоянные физические недомогания окончательно подорвали его нервное равновесие.

Подрывал силы и страх перед новым соперником – Стэбингом. Успокаивало лишь то, что у Гагтунгра не было пока такого человекоорудия, которое могло бы стать новым кандидатом в Антихристы. Но было опасение, что такое человеческое существо уже родилось в Энрофе...

Сознание начинало давать перебои. Урпарп уже не мог вливать в Сталина ни своей энергии, ни эманации своего разума через хохху. И только Жругр продолжал ещё влиять на Сталина через эфирный канал инвольтации, соединявшим его с человекоорудием. Сам внушаемый великим демоническим разумом Шаданакара, уицраор готовился к решительному вторжению, вместе со всей воинственной силой Друккарга и китайского шрастра, в шрастры других метакультур. Всё активнее он внушал Сталину развязать третью мировую войну – внезапно нанести удар водородными бомбами по жизненным центрам западных государств. Это сразу решило бы исход войны в пользу Доктрины. Если этого не сделать срочно, поддержка Урпарпа перенесётся на Стэбинга – уицраора США. И тогда исторический путь к всемирной тирании в Энрофе будет строить не Доктрина, а та концепция, которая победит на основе космополитизма.

В первых числах марта 1953 года произошёл решительный поединок между Яросветом и Жругром. Канал инвольтации, соединявший уицраора с его человекоорудием, был

перерезан в мгновение ока. Это произошло около двух часов ночи. Через полчаса сознание вождя угасло, но агония продолжалась, как известно, несколько дней. Урпарп подхватил оборванный конец канала инвольтации и пытался сам влить в погибавшего силу и сознание. Это не удалось – отчасти потому, что люди, сновавшие у смертного ложа тирана, не хотели, чтобы он вернулся к жизни. Мотивы их были различны. Некоторые боялись, что, если он останется во главе государства, он развяжет мировую войну, несущую бедствие для всех и смертельную опасность для Доктрины. Берия уже знал, что вождь наметил его как очередную жертву, очередную подачку глухо ропщущему народу, чтобы списать на него всю ответственность за миллионы невинно погибших. А кончина Сталина давала этому Малюте Скуратову XX века шанс самому занять его место... Наконец, великая минута настала: Сталин испустил дух.

От этого удара дрогнула Гашшарва. Друккарг огласился воплями ужаса и гнева. Жругр взвыл от ярости и боли. Полчища демонов взмыли из глубин в верхние слои инфракосмоса, стараясь затормозить падение умершего в пучину магм.

Горестное беснование передалось в Энроф. Похороны вождя превратились в безумное столпотворение. Морок его имени и его дел был так велик, что сотни тысяч людей восприняли его смерть как несчастье. Даже в тюремных камерах некоторые плакали – что же теперь будет. Толпы, никогда не достаивавшиеся чести видеть вождя при его жизни, теперь жаждали лицезреть его хотя бы в гробу. Москва являла собой картину Бедлама, увеличенного до размеров мирового города. Толпы залили весь центр, пытаясь пробиться к Дому Союзов, где был выставлен для обозрения труп тирана и откуда должно было выступить траурное шествие. Прилегающие улицы превратились в Ходынку. Люди гибли растаптываемые толпой, раздавливаемые о стены домов и фонарные столбы, срывающиеся с крыш многоэтажных домов, по которым они пробовали миновать клокотавшее внизу человеческое месиво. Казалось, что тиран, питавшийся всю жизнь испарениями страданий и крови, даже из-за гроба тянул к себе в инфракосмос горы жертв.

Ему, всегда отгонявшему от себя мысль о смерти, не озаботившемуся даже о сооружении для себя достойной усыпальницы, теперь приходилось улечься в саркофаг рядом с саркофагом его предшественника и, с вынутым мозгом, с телом, пропитанным консервирующим составом, стать объектом поклонения толп и толп. Впрочем, раз уж пришлось умереть, он желал бы именно такой странной формы упокоения. Эманация благоговейно склоняющихся людских множеств вливалась бы в него силы даже и в загробном пути, пока спуск ещё не увлек его слишком глубоко.

Странно, что никто в своё время, после смерти Ленина, не обратил серьёзного внимания на магический, вернее, демонический характер этого никогда и нигде не применявшегося способа создания квазимощей. Не задумывались над тем, как не вяжется это создание центра заупокойного культа ни с материалистической Доктриной, ни с личной скромностью первого вождя, ни со всей психологической атмосферой революционного движения. Инициатором создания мавзолея был Сталин. Неизвестно, руководила ли им тогда бессознательная интуиция или он уже тогда знал, что происходит с телом после смерти. В ту минуту, когда из тела Ленина был вынут мозг, тело лишилось своего жизненного центра и распалось, а эфирный мозг усопшего – так называемый рахт – был подхвачен Великим игвой Друккарга и его помощниками. Там, в Друккарге, рахт Ленина был помещён и бережно предохраняем от разложения в конусе главного капища, где игвы поддерживали в нём потенциальную жизнь. Если бы, пройдя свой искупительный искуc в нижних слоях чистилищ, первый вождь достиг Друккарга и принял бы свой рахт в себя, как центр своего нового эфиротела, это прогремело бы среди античеловечества, как величайшее чудо. Но, после мучений на Дне и в других слоях чистилищ, Ленин, достигнув Друккарга, отказался принять свой рахт. Умудрённый страшным опытом всех слоёв

преисподней, он понял, чем это грозит для него и для всего человечества. Тогда разъярившийся Жругр втянул его и сбросил на Дно опять. Но он уже был бессилён противостоять силам Синклита в дальнейшем влиянии на посмертье первого вождя, ибо шельт усопшего стал им открыт и доступен после совершённого им героического выбора. Сброшенный на Дно, он был почти сразу поднят вверх, в Олирну, чтобы после ряда лет в мирах Просветления включиться в творение блаженной Аримойи – грядущего всечеловеческого затомиса.

Сталин же теперь возлагал свои надежды именно на рахт. И он сам, и Урпарп, и демоны из Гашшарвы всеми силами тормозили его кармический спуск, дабы в серых туннелях Шимбига, смежных с Друккаргом, дать возможность выкормышу Гагтунгра пробиться в российский шрастр и завладеть своим рахтом. Несколько месяцев длился этот тормозящийся спуск. Полгода боролись силы тьмы против действия кармического груза, увлекавшего жуткого покойника вниз и вниз. Они вливали в него такую мощь, что голос его гремел по всем чистилищам, достигал шрастров, докатывался до самого Энрофа и там повергал в содрогание и трепет тех, кто расслышал его. Самое опасное произошло в Шимбиге в октябре 1953 года. Падавший вырвался из рук блюстителей кармы. Он был уже почти не похож на свой человеческий облик, но невообразимо страшен и силён. Его тело состояло из бурых клубов, а огромные глазницы, казавшиеся слепыми, были почти всезрящими. Несомый на крыльях ангелов мрака, он взмыл к воротам Друккарга. Жругр спешил к нему на помощь, игвы и раругги ликовали в экстатическом восторге.

Там, у стен российского шрастра, разыгралась одна из величайших битв. Сил Синклита России и её демиурга оказалось недостаточно, чтобы справиться самим, на помощь им устремились ангелы, даймоны и многие просветлённые из других метакультур. Некоторое время врывавшегося удерживал у самого входа в Друккарг великий человекодух того, кто был на Земле Авраамом Линкольном. Наконец, послышался топот Белого всадника, устремлявшегося с высот Синклита Мира сюда, в шрастр. Узурпатор был окутан волевым оружием Александра Благословенного и передан блюстителем кармы. Вопль, сотрясавший столько дней чуть не половину Шаданакара, стал глохнуть и глохнуть, пока не умолк совсем. Это спускаемый вниз внедрялся в сверхтяжёлые магмы и погружался дальше и дальше, на одномерное Дно.

Хрущёв, Жуков...

После смерти Сталина Россия в третий раз оказалась в похожей исторической ситуации, в третий раз в её истории повторялось одно и то же. Подобно Ивану Грозному и Николаю I, Сталин знаменовал собой зенит мощи демона великодержавия, его открытую борьбу с демиургом и Синклитом, доведение тиранической тенденции до предела и начало процесса государственной гибели.

Сталин оставил ужасное наследие. Внутри страны: кошмарное падение производительности сельского хозяйства, обезлюдение деревень, перманентно недоедающие города и сёла, нехватка товаров широкого потребления, устрашающий рост уголовных преступлений, блат и кумовство, пронизывающие всю систему и весь быт граждан. Недовольство охватило все слои общества, за исключением тонкой привилегированной прослойки. В международной политике всюду были затянуты такие узлы, которые, казалось, могли быть разрублены только мечом. Существование двух антагонистических Германий, двух антагонистических Вьетнамов и даже двух Китаев, Польша, утерявшая свои восточные земли, Корея, разделённая на две непримиримо враждебные половины, и пороховой погреб в виде группы арабских государств...

Новая власть страны определила виновника всего этого – Сталина и его «культ личности». Но то, что Россия переживает нечто подобное уже в третий раз за свою историю, и что теперешние преемники тирана, в силу исторической – и метаисторической – логики вынуждены будут разыгрывать свою роль, которую уже сыграли в своё время Фёдор Иоаннович, Годунов, Шуйский, а позднее Александр II, Александр III и Николай II, они не понимали. Советскому руководству постсталинского периода придётся также сидеть между двух стульев, то признавая ошибки и даже преступления усопшего тирана и отмежёвываясь от них, то признавая свою политическую от него преемственность. Опять придётся пойти на мелкие подачки ропщущему народу, а через год или два снова затянуть гайки, так как в приоткрытый клапан ринутся пары такого негодования, гнева и ненависти, которые могут грозить гибелью всей системы. Придётся делать попытки умаслить волнуемое крестьянство, хотя корень зла – колхозный принцип – надо будет оставить нетронутым, ибо отказ от него невозможен по идеологическим соображениям. Придётся признать ошибкой и то, что при Сталине выделялось слишком мало средств на развитие лёгкой промышленности, а через год или два вернуться к прежнему тезису, ибо отход от него приведёт к отставанию в гонке вооружений. Придётся озаботиться и смягчением международной обстановки – короче говоря, придётся изворачиваться, как на горячей сковороде.

Люди, оказавшиеся у власти после смерти Сталина, были существами двойственной, даже тройственной природы. Все они были, так или иначе, звёздами его плеяды, но та Доктрина, которая для него была лишь маской, для них она являлась высшей истиной, их искренним убеждением.

Другой стороной этой группы людей был страх рецидивов прошлого, они боялись появления среди них некоего второго Сталина, который опять скрутит всех в бараний рог и повергнет страну в окончательную бездну. Поэтому они старались принять меры к тому, чтобы печальное прошлое больше не повторилось.

Но была ещё и третья сторона этих людей – конечно, тщательно скрываемая от остальных. Это была тайная надежда некоторых из них, что постепенно из их триумvirата выдвинется опять единый полновластный вождь, и этим вождём станет именно он. Один из таковых – Берия. Но в глазах остальных он был уже разоблачён как массовый палач, как виновник гибели миллионов невинных. Он не мог надеяться на то, что его долго будут терпеть в составе триумvirата, поэтому планировал не затягивая совершить переворот и узурпировать верховную власть. Если бы этот план осуществился, это означало бы возвращение к сталинскому режиму и курс на мировую войну. К счастью, попытка была вовремя пресечена, виновник расстрелян.

Падение Берии было воспринято в трудовых лагерях как признак того, что сталинский режим должен измениться в корне. Режим мест заключения, действительно, был смягчён, но освободить сразу такое множество людей, вернуть их домой и обеспечить работой, было невозможно, и общая напряжённость не ослабевала.

Вскоре вместо триумvirата во главе государства и партии оказался расторопный, хитрый, жизнерадостный, не лишённый добродушия человек, подвижный сангвиник, преисполненный решимости исправить ошибки деспота и способный на некоторые смелые повороты курса, но не обладавший той независимостью и свежестью ума, которые позволили бы ему пересмотреть коренные ошибки Доктрины.

Конечно, от самых смутных догадок о метаисторической подкладке вещей он был так же далёк, как и все остальные. Что и откуда, в самом деле, мог бы знать Хрущёв о смятении, воцарившемся в Друккарге, о вражде между игвами и раруггами, перерастающей в открытую борьбу, и о том, что российский уицраор вот-вот может лишиться всеобъемлющей помощи Гагтунгра.

Наступала новая эпоха. Если до 1953 года великий демонический разум ещё мог надеяться на третью мировую войну, как на щедрый источник гавваха, то после смерти Сталина положение стало меняться, и притом в очень странном направлении. Гонка вооружений привела к тому, что третья мировая война грозила уничтожить и само человечество. Или, во всяком случае, катастрофически сократить его численность, разрушить цивилизацию и отбросить в умственном, техническом и экономическом смысле вспять на многие века. Вряд ли после этого могла бы идти речь о каком бы то ни было объединении человечества и, как следствие, приходе абсолютной мировой тирании. Поэтому великий демонический разум отказался от идеи третьей мировой войны и начал воздействовать и на Жругра, и на Стэбинга, и на Великих игв Друккарга и Мудгабра с тем, чтобы парализовать их воинственный пыл, им же самим столько лет подогревавшийся. Создавалось положение, столь парадоксальное, какого мировая метаистория ещё не знала: и иерархии Света и высшие из иерархий Тьмы стремились к одному – к предотвращению планетарной военной катастрофы.

Некоторые же из низших тёмных иерархий продолжали прилагать бешеные усилия для ускорения начала войны. Высокоинтеллектуальные и менее кровожадные игвы уже начинали проникаться пониманием гибельности этого устремления к войне, но распухший до фантастических размеров Жругр с его ограниченным разумом и феноменальным темпераментом и слышать не хотел об отказе от роковой схватки. Чем больше он распухал, тем больше ему требовалось пищи, а эманации народов советского государства ему уже было недостаточно, чтобы утолить голод, надо было заставить эманировать для него новые и новые народы. Не хотели слышать об отказе от схватки и раругги: эти злобные, алчные существа готовы были скорее на революцию в Друккарге, на низвержение великих игв и на экспансию в другие шрастры, чем на прозябание в прежних условиях.

Положение осложнялось ещё и тем, что Хрущёв не отличался ни кровожадностью, ни воинственностью. Согласно логике власти, он бессознательно выполнял веления Жругра, поскольку эти веления были направлены на внутреннее упорядочение государства и на умножение эманаций государственного комплекса человеческих чувств. Но его нежестокий от природы характер оставлял в существе его как бы ряд щелей, сквозь которые могла проструиваться в его подсознательную сферу также инспирация светлых начал. Если бы не эта инспирация, никакие разумные доводы не были бы в состоянии подвигнуть этого человека на такой головокружительный поворот внутренней политики, как разоблачение ряда преступлений Сталина и массовое освобождение заключённых.

И всё-таки новый режим был лучше прежнего. Хрущёв был простым человеком, любившим жизнь и искренне желавшим, чтобы хорошо жилось не только ему, но и всем. К сожалению, однако, благих желаний недостаточно для того, чтобы на земле воцарился мир, а в людях – благоволение. Главное же несчастье было в том, что руководство СССР не решалось пойти на кардинальные уступки – не могло отказаться от курса на революционизацию других стран, на поддержку коммунистических движений в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке. Всё это вызывало в капиталистических державах взрывы негодования и злобы. Особенно неистовствовал Стэбинг, опутавший щупальцами своих монополий и торговых фирм чуть ли не половину Энрофа. Однако экономического порабощения ему было мало. Поскольку в политическом отношении эти страны оставались независимыми, постольку в них не могла порождаться в заметных размерах и та эманация государственных чувств, которая была бы направлена к Соединённым Штатам и служила бы пищей для Стэбинга и для всех обитателей американского шрастра. Поэтому Стэбинг не мог удовлетвориться только экономическим проникновением в эти земли – ему требовалось и политическое их подчинение, которое сопровождалось бы включением их в государственную систему Соединённых Штатов, в их

административно-полицейскую, идеологическую и воспитательную систему, порождающую бурную эманацию государственных чувств. Вместо же этого Стэбинг получал пинок за пинком. В Корее и Вьетнаме после взаимных побоев и укусов дело кончилось вничью, но в Китае его щупальцы были обрублены самым грубым образом, а впереди маячила опасность, что то же самое произойдёт и во всех арабских странах. Поэтому каждый раз, когда коммунистическая Доктрина дискредитировала себя, в капиталистических странах это раздувалось и преподносилось так, что вызывало повсеместное возмущение от лицемерия и лживости «красных».

В Друккарге давно не осталось даже следов былого единства, и шрастр кипел, как котёл. Раругги и Жругр рвались в бой, но игвы с каждым годом, с каждым месяцем упорнее сопротивлялись возможному началу большой войны. В довершение всего в начале октября 1957 года Друккарг был потрясён небывалым событием: отпадением Великого Игвы от демонического лагеря. Для населения Друккарга это стало неожиданностью. И раньше бывали редкие случаи, когда некоторые из великих игв прозревали до весьма высоких миров Света, но при этом они оставались при своём, не менялись. Теперь же всё получилось иначе. Великий Игва, царствовавший свыше сорока лет, настоящий столп и опора Друккарга, стал переходить из некоторых состояний хохха в состояние такого восхищения, что узрел Христа, причём не в затомисе России, а в гораздо более высоком мире, где Спаситель был не в человекоподобном облике. Это произошло с Великим Игвой у главного капища в присутствии множества раруггов и игв. Небесная встреча переросла в такое воздействие Планетарного Логоса на духовидца, что его каррох стал стремительно замещаться телом из сийры. Эта трансформа совершалась на глазах у всех. Многие были потрясены и уверовали. Другие пришли в крайнее замешательство, а раругги – в неистовый гнев. Через несколько дней отступник был ими растерзан, а прах его собран раруггами и, так сказать, ортодоксальными игвами и предан дематериализации: акт, до которого ещё не достигнула человеческая наука.

Тогда разразился бунт великих пленников Друккарга – российский шрастр ещё никогда не видел подобных зрелищ. Разорвав свои узы, гиганты поднимали с земли глыбы величиной с небоскрёб и швыряли их в ненавистную цитадель. Цитадель была сильно повреждена. Этот бунт заставил объединиться раруггов и всех игв снова. Подоспевший на помощь Жругр втянул бунтарей в себя и изверг их, по своему обыкновению, на Дно Шаданакара. Впрочем, последовавшее вскоре вмешательство Синклита Мира быстро оборвало их пребывание там, и все герои были подняты, наконец, в Олирну. Пленниками Друккарга остались только те, кто не посмел примкнуть к восстанию.

События в Друккарге развивались стремительно. Третий уицраор вдруг почувствовал, что отныне не получает поддержку от Гагтунгра. Он заметался по Друккаргу, с рёвом ярости собирая вокруг себя раруггов и требуя низвержения власти игв, прекративших поставку ему питательной красной росы. Ярость раруггов не уступала ярости их господина. Их огромные глаза налились тёмно-багровой каррохиальной кровью, крылья, прямые и твёрдые, как крыло самолёта, хлестали по стенам и кровлям игв. Среди этого буйства было оцеплено главное капище, и игвы не могли проникнуть туда, чтобы при помощи своего магического сатанослужения связаться с Гагтунгром. Знаменитая статуя первооснователя Друккарга, изображавшая игву верхом на раругге, была сброшена и повреждена, как эмблема ненавистного подчинения бывших аллозавров высшему интеллекту игв. Но было очевидно, что война без помощи игв Друккарга может привести только к полному разгрому: интеллект раруггов не был ещё способен к овладению утончённой военной техникой.

Тем временем место убитого Великого Игвы занял новый. Он был ещё неподготовлен, недостаточно опытен, недостаточно авторитетен, и не оказался престол вакантным раньше

времени, этот игва должен был бы проходить своеобразную высшую школу игв ещё много лет. Но лучшего не было, и обитатели Друккарга подчинились ему за неимением другого выхода.

Вскоре в бушующий Друккарг вторглись демонические полчища Гашшарвы. Исполняя волю Гагтунгра, ангелы мрака и рыфры надвинулись на уицраора со всех сторон. Жругр отчаянно сопротивлялся, раругги безуспешно пытались отразить натиск сил, нездешних не только по отношению к нам, но и с точки зрения Друккарга. Уицраор был обмотан по всем тысячам своих щупалец волевыми спиралями. Но уничтожить, сбросить его в Уппум было нельзя – он ещё мог пригодиться, а кроме того, его гибель не была бы допущена иерархиями Света, ибо без него телесная сохранность Российской метакультуры была бы уничтожена уицраорами Западных государств. И он был оставлен лежать в одном из котлованов Друккарга, тяжело дыша. И странное зрелище представляли собой ангелы Мрака со своими рубиновыми крыльями, усевшиеся, точно исполинские стрекозы, на волевых спиралях, окольцевавших его тушу со всех сторон.

Под давлением высших тёмных сил рарругам пришлось устанавливать с игвами некий новый модус вивенди. Они добились того, что игвы опять стали поставлять пленённому Жругру красную росу, но в меньшем количестве. Были также приняты меры к тому, чтобы быстрее сформировать из наиболее способных рарругов нечто вроде военного командования, которое со временем должно было отчасти заменить слишком миролюбивых игв.

Теперь помощь Гагтунгра переносилась на Мудгабр. Но и там происходило нечто схожее: игвы едва сдерживали пыл бунтующих рарругов, жаждущих новой войны. Великий Игва усиленно инвольтировался из Дигма, но раругги держали его как бы в полуплену и духовно-демонические силы, им получаемые, ему не удавалось трансформировать в Энроф, и его воздействие на тех людей, которые работали над усилением военной мощи Соединённых Штатов, едва-едва просачивалось в их сознание. Результатом было отставание Америки в области вооружений и такие, казалось бы, сугубо земные явления, как запоздание запуска искусственных спутников Земли или овладение межконтинентальными ракетами. Таким образом, некоторые действия раруггов, диктуемые их ограниченным умом, обращались против них же...

Метаисторический прогноз Д.Андреева

Как известно, Даниил Андреев закончил писать «Розу мира» осенью 1958 года, и через полгода, в марте 1959 года, умер. Тем поразительнее тот факт, что он в своём труде предсказал бескровный, мирный распад Советского союза. В тексте его книги его прогноз выглядит так. В конце 1950-х годов Урпарп, великий демон Земли, начал добиваться налаживания такого хода вещей, при котором мощь противостоящих военных коалиций на земле в Энрофе будет доведена до последней черты и поставлена на грань войны. Что, со временем, напугает обе стороны, а коалицию социалистических стран заставит вообще отказаться от военной схватки. Это позволит Стэбингу (американскому уицраору) развить такую силу в своих необозримо-длинных щупальцах, которая позволит ему разворотить все укрепления в Друккарге (в шрасте России), не прибегая к прямому вторжению западных игв и раруггов в этот шрастр. А в Энрофе (на земле) это метаисторическое действие выразится в развале, без всякой третьей мировой войны, социалистической коалиции. После этого можно будет ставить вопрос о всемирном господстве космополитической концепции и о долгожданном объединении народов и стран Земли под эгидой Стэбинга...

В заключение

Последняя большая глава «Розы мира» под названием «Возможности», остаётся за рамками нашей книги – я посчитал нецелесообразным её перелопачивать. Речь там идёт о будущем человечества. О далёком будущем, о таком далёком, что ни мы, ни наши дети не доживут до него. Кому интересен прогноз Даниила Андреева, может ознакомиться с ним в первоисточнике. На мой взгляд, особый интерес там представляет рассказ о том, когда придёт и как воцарится Антихрист на Земле, как он будет править, сколько времени, и как Второе Пришествие Христа всё это безобразия прекратит. Всё это в «Розе мира» есть. Кроме того, за рамками моей книги остаётся ещё много тем, и не упомянуть их я посчитал неправильным. Поэтому, некоторые из них я вынес в Приложение - мне они показались интересными для современного читателя. Тем более, что все они очень органично ложатся в систему мироустройства, описанную Даниилом Андреевым в «Розе мира». (см. Приложение).

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ О СВОЁМ МЕТОДЕ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (необходимое вступление)

Всё мною написанное зиждется на личном опыте метаисторического познания, – предупреждает Андреев читателей «Розы мира». – Откуда я взял все эти образы, кто и как внушил мне эти идеи, какое право имею я говорить с такой уверенностью? могу ли я дать какие-нибудь гарантии в подлинности своего опыта? Но именно мистические видения и озарения, происходившие со мной и послужили основой для последующего осмысления и изучения других миров и слоёв нашей вселенной.

Известно, что многими людьми на нашей земле изведен реальный выход своего эфирного тела из тела физического, но, возвращаясь к дневному сознанию, «путник» не сохраняет об увиденном «там» никаких отчётливых воспоминаний. Хранятся они только в глубинной памяти, наглухо отделённой от сознания. Психологический и общественный климат некоторых стран и многовековая религиозно-физиологическая практика, направленная в эту сторону, как, например, в Индии и странах буддизма, способствовали тому, что преграда между глубинной памятью и сознанием ослабела. Нельзя не обратить внимание на то, что именно в этих странах часто можно услышать, даже от совсем простых людей, утверждения о том, что они определённо помнят о своих предыдущих жизнях, о своём предсуществовании – это не является для их сознания закрытым совершенно. В Европе же ничто не способствовало ослаблению преграды между глубинной памятью и сознанием, поскольку безрелигиозная наука отрицает это полностью, а христианство оставляет эту проблему в стороне.

Даниил Андреев пишет: «Я должен сказать совершенно прямо, что лично мною не было проявлено даже и этих усилий, по той простой причине, что у меня не было руководителей. Но было зато нечто иное, чем я обязан, вероятно, Провиденциальной воле, приоткрывшей мне узенькую щёлку в двери между глубинной памятью и сознанием. Сколь бы неубедительно ни прозвучало это для подавляющего большинства, но я не намерен скрывать того факта, что слабые, отрывочные, но для меня неоспоримо достоверные проблески из глубинной памяти сказывались в моей жизни с детских лет, усилились в

молодости и, наконец, на сорок седьмом году жизни стали озарять дни моего существования новым светом. Это не значит, будто бы совершилось полное раскрытие органа глубинной памяти, – до этого ещё далеко, но значительность образов, отсюда приходящих, стала для меня столь осязательно ясна, а образы эти временами столь отчётливы, что качественное, принципиальное отличие их от обычных воспоминаний, а также от работы воображения, становится несомненным.

Как могу я не преклониться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на целое десятилетие в тюрьму, в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытывавшими, и которые были нележки и для меня, но которые, вместе с тем, послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с её изоляцией от внешнего мира, с её неограниченным досугом начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания. Часы метаисторического озарения участились. Длинные ряды ночей превратились в сплошное созерцание и осмысление. Глубинная память стала посылать в сознание всё более и более отчётливые образы, озарявшие новым смыслом и события моей личной жизни, и события истории и современности. И, наконец, пробуждаясь утром после короткого, но глубокого сна, я знал, что сегодня сон был наполнен не сновидениями, но совсем другим: трансфизическими странствиями.

На сорок седьмом году жизни я вспомнил и понял некоторые из своих трансфизических странствий, совершённых ранее; до этого времени воспоминания о них носили характер смутных, клочкообразных, ни в какое целое не слагавшихся хаотических полуобразов. Новые же странствия зачастую оставались в памяти так отчётливо, так достоверно, так волнуя всё существо ощущением приоткрывшихся тайн, как не остаётся в памяти никакое сновидение, даже самое значительное.

Есть ещё более совершенный вид таких странствий по планетарному космосу: тот же выход эфирного тела, те же странствия с великим вожатым по слоям восходящего или нисходящего ряда, но с полным сохранением бодрственного сознания. Тогда, вернувшись, путник приносит воспоминания ещё более бесспорные и, так сказать, исчерпывающие. Это возможно только в том случае, если духовные органы чувств уже широко раскрыты и запоры с глубинной памяти сорваны навсегда. Это уже подлинное духовидение. И этого, конечно, я не испытал.

Насколько мне известно, из европейских писателей этому был причастен один только Данте. Создание «Божественной комедии» было его миссией. Но полное раскрытие его духовных органов совершилось только в конце жизни, когда огромная работа над поэмой уже близилась к концу. Он понял многочисленные ошибки, неточности, снижение смысла, излишнюю антропоморфность образов, но для исправления уже не хватало времени и сил. Тем не менее излагаемая им система может быть принята в основных чертах, как панорама разноматериальных слоёв романо-католической метакультуры.

Не смея и заикаться о чём-либо подобном, я имел, однако, великое счастье бесед с некоторыми из давно ушедших от нас и ныне пребывающих в Синклите России. К совершенно потрясающим переживаниям их реальной близости я почти не смею прикоснуться пером. Не смею назвать и их имена, но близость каждого из них окрашивалась в неповторимо индивидуальный тон чувств. Встречи случались и днём, в людной тюремной камере, и мне приходилось ложиться на койку лицом к стене, чтобы скрыть поток слёз захватывающего счастья. Близость одного из великих братьев вызывала усиленное биение сердца и трепет торжественного благоговения. Другого всё моё существо приветствовало тёплой, нежной любовью, как драгоценного друга, видящего насквозь мою душу и любящего её и несущего мне прощение и утешение. Приближение третьего вызывало потребность склонить перед ним колена, как перед могучим, несравненно выше

меня взошедшим, и близость его сопровождалась строгим чувством и необычайной обострённостью внимания. Наконец, приближение четвёртого вызывало ощущение ликующей радости и слёз восторга.

Во многом могу усомниться, ко многому отнестись с подозрением в его подлинности, но не к этим встречам.

Видел ли я их самих во время этих встреч? Нет. Разговаривали ли они со мной? Да.

Слышал ли я их слова? И да, и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца. Многие слова их, особенно новые для меня названия различных слоёв Шаданакара и иерархий, я повторял перед ними, стараясь наиболее близко передать их звуками физической речи, и спрашивал: правильно ли? Но беседы заключались не в отдельных словах, а в вопросах и ответах, в целых фразах, выражавших весьма сложные идеи. Такие фразы, не расчленяясь на слова, как бы вспыхивали, отпечатываясь на сером листе моего сознания, и озаряли необычайным светом то тёмное для меня и неясное, чего касался мой вопрос. Скорее даже это были не фразы, а чистые мысли, передававшиеся мне непосредственно, помимо слов».

И еще одна цитата от Даниила Андреева: «А наше дело - делиться с другими тем лучшим, что мы имеем. Моё лучшее – то, что я пережил на путях трансфизического и метаисторического познания. Затем и пишется эта книга...»

Термин «метаистория» следует понимать, как совокупность процессов, протекающих в слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь человеческую историю. Эти потусторонние процессы тесно связаны с историческим процессом на земле и в значительной степени влияют на него.

Люди могут познать эти процессы с помощью метаисторического метода познания. Для этого нужно иметь несколько предпосылок. Во-первых, человек должен иметь к этому врождённую предрасположенность. Врождённую предрасположенность человека к чему-либо (например, к музыке или рисованию) нельзя ни уничтожить, ни искусственно вызвать, но она на протяжении жизни может быть или заглушена, или остаться неиспользованной, как зарытый в землю талант. А может и подвергнуться развитию, иногда даже чрезвычайно ускоренному. Что в полной мере относится и к предрасположенности познания метаисторических процессов. Во-вторых, человек должен иметь, пусть скромный, но безусловно верный запас знаний по истории. И конечно для возникновения процесса метаисторического познания, необходима и деятельная помощь Провиденциальных сил. Состоит этот процесс из трёх последовательных стадий.

Сначала происходит мгновенное внутреннее метаисторическое озарение, приходящее к человеку помимо его воли (о трёх таких озарениях в жизни Андреева рассказано в очерке о нём). Результат озарения хранится потом в душевной глубине, но не как воспоминание, а как нечто живое и живущее. Оттуда постепенно, с годами, поднимаются в круг сознания отдельные образы, идеи, целые концепции. И ещё больше остаётся их в глубине, и переживший знает, что никакая человеческая концепция никогда не сможет охватить и исчерпать этого приоткрывшегося ему космоса метаистории. Эти-то образы и идеи становятся объектом второй стадии процесса.

Вторая стадия представляет собой некоторую цепь состояний – цепь, пронизывающую недели и месяцы и проявляющуюся почти ежедневно. Это есть внутреннее созерцание, напряжённое вживание, сосредоточенное вглядывание – иногда радостное, иногда мучительное – в исторические образы, но не замкнутые в самих себе, а воспринимаемые в их слитности с иной, метаисторической реальностью, за ними стоящей. Воспринимать подобные созерцания могут не физические органы зрения и слуха человека, но некоторые другие, имеющиеся в нашем существе. И если первая стадия процесса пассивна,

приходящая к нам невольно, то вторая направляется личной волей. При известной творческой предрасположенности человека образы эти могут становиться источником, или осью художественных произведений. Даже если они будут мрачны и суровы, но величие этих образов таково, что испытываешь истинное наслаждение при их созерцании. Картина, создающаяся внутри человека, в его голове, подобна полотну, на котором видны и отдельные фигуры и, быть может, их общая композиция, даже если какие-то фигуры туманны. Возникает потребность уяснить неотчётливые связи.

Процесс вступает в третью стадию – в метаисторическое осмысление. И именно здесь совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, субъективные истолкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка, поскольку полностью отделить «Я» от всего этого невозможно.

Приложение: некоторые темы из «Розы мира»

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНОМУ ЦАРСТВУ

Происхождение человека и его место
в животном царстве

Все живые существа, включая одноклеточную инфузорию, имеют бессмертные монады, которые создают для себя шельт или, если угодно, душу. И по начальному замыслу Провиденциальных сил, Энроф был предназначен именно для животного царства – для просветления материальности трёхмерного слоя. Вмешательство Гагтунгра исказило этот замысел, усложнило пути, изуродовало судьбы, неимоверно растянуло сроки. Достигнуто это было главным образом тем, что Гагтунгру удалось демонизировать часть животного мира так, что они не могли уже существовать без пожирания своих собратьев. Вообще, хищное начало демонично по своей природе, и в каком бы существе мы его ни встретили, это значит, что демонические силы уже основательно поработали над ним. Животные тем сильнее демонизированы, чем более они хищны. Другая половина животного царства была предназначена в жертву первой. Прозабание потенциальных жертв в условиях почти непрерывного бегства или прятания от опасностей сильно затормозило их умственное развитие.

Поскольку цель просветления трёхмерной материальности продолжала стоять перед Провиденциальными силами, а животное царство оказалось к этому неспособным, были созданы предпосылки к тому, чтобы из него выделился один вид, могущий скорее и успешнее справиться с этой задачей. Выделение этого вида имело характер стремительного рывка вперёд. При этом тот родительский вид, от которого отделился новый, прогрессирующий, послужил ему как бы трамплином. И чем стремительнее был рывок вперёд человеческого рода, тем дальше откатился назад родительский вид, служивший трамплином. Позднее этот вид сформировался в отряд обезьян. Таким образом, скачок в развитии от зверя к человеку был оплачен остановкой развития бесчисленного множества других существ.

Утверждение, что человек – это «венец мироздания» со временем развеется как дым. Придёт новое мироотношение, в котором мы займём своё настоящее место в грандиозной цепи других существ. Да, человек совершеннее многих, но и ничтожнее многих и многих. И каждое из этих существ имеет свою автономную ценность, безотносительно к его

полезности для человека. Но как эту ценность определить, по каким критериям? Можно смело утверждать, что ценность какого-либо существа возрастает вместе с суммой усилий, затраченных на то, чтобы он стал таким, каков он есть. Конечно, подсчитать сумму этих усилий невозможно применительно к оценке живых существ, но надо чётко осознавать, что чем выше ступень, достигнутая существом на космической лестнице, тем больше и сумма затраченных на это усилий (его личных, природы или Провиденциальных сил). Развитие интеллекта и всех способностей человека, отличающих его от животного, потребовало неимоверного количества труда. На этом и основывается космическая иерархия ценностей, насколько мы можем её понимать. Из неё следует, что ценность инфузории меньше ценности насекомого, ценность насекомого меньше ценности млекопитающего, ценность этого последнего ещё далека от ценности человека, ценность человека невелика сравнительно с ценностью архангела или демиурга народа, а ценность этого последнего, при всём его масштабе, теряется рядом с ценностью Владык Света, демиургов Галактики.

Но это не говорит о том, что человеку можно пользоваться жизнями существ, стоящих ниже его. Нет, скорее наоборот! Начиная со ступени человека, этический долг существа по отношению к ниже стоящим, возрастает по мере восхождения его по дальнейшим ступеням.

Уже на первобытного человека возлагался долг по отношению к приручаемым животным. Не в том, чтобы их кормить и охранять, этический долг заключался в том, что человек должен был любить то животное, которое приручал и которым пользовался. Древний наездник, питавший глубокое чувство к своему коню, пастух, проявлявший к своему скоту не только заботу, но и ласку, крестьянин и охотник, любивший свою корову или собаку – все они выполняли свой этический долг. Прошло три тысячи лет и неужели колоссальный путь, проделанный за это время человечеством, не обязывает нас к большому? Разве мы не в состоянии любить и тех животных, от которых не получаем непосредственной пользы – диких животных? По крайней мере, тех из них, которые не приносят нам вреда?

Грехи животных

Утверждение, что животные не знают греха неверно. Злоба, жестокость, необоснованный и необузданный гнев, кровожадность, ревность – вот грехи животного царства. И мы не знаем, осознают ли они свой грех, тем более, что это не влияет на степень наказания их за грехи. Нелепо думать, что закон действует только тогда, когда он осознаётся. Закон тяготения был впервые осознан только Ньютоном, но ранее его испытывали все и всегда. Сознают ли животные некий высший закон или нет, смутно ощущают его или никак не ощущают – всё равно: причинность есть причинность, карма есть карма. Голодный лев, умерщвляющий антилопу, не несёт личной вины, поскольку для него это необходимость, но он несёт вину своего вида или класса – древнюю вину всех хищников. Сытый же хищник, нападающий на антилопу только от избытка личной кровожадности и злобы, кроме общевидовой вины несёт и личную ответственность, поскольку в убийстве своей жертвы не было необходимости. Волк, обороняющийся против собак и загрызающий одну из них в борьбе, не виновен лично, но виновен как представитель хищного вида, предки которого некогда сделали выбор в этом направлении. Здесь у животных как бы первородный грех. Сытая кошка, играющая мышью ради развлечения, виновна и первородной виной, и своей личной, так как в её действии только игра и забава.

Утилитарное отношение к животным

Взгляд на животных у человека либо утилитарный, либо эмоциональный. Животный мир в его глазах разделён на категории, в зависимости от отношения к человеку: 1) домашние животные – за ними ухаживают, заботятся, иногда даже любят; 2) дикие животные (включая рыбу) – на них охотятся и употребляют в свою пользу; 3) хищники и паразиты – их уничтожают, как могут. И можно выделить 4-ю группу, куда входит некоторая часть диких животных, в особенности птиц, полезная тем, что она уничтожает вредителей. Что касается остальных животных – от ящериц и лягушек до галок и сорок, – то их иногда ловят для научных опытов или просто для забавы, мальчишки швыряют в них камнями, но чаще их просто не замечают с высоты своего «человеческого величия».

Такова примерная схема утилитарного отношения человека к животным. Эмоционально же человек способен испытывать к тем или иным особям животного царства симпатию, либо привязанность, либо эстетическое восхищение. Кроме того, многим свойственно общее сострадательное сочувствие, которое выливается в законодательные акты по вопросам их охраны.

В ряду аксиом, абсолютно ясных для меня, одно из первых мест занимает вот эта (пишет Андреев): в подавляющем большинстве случаев умерщвление и, тем более, мучительство животных – безобразно, недопустимо и недостойно человека (исключая самозащиту от хищников, паразитов, да случаи отсутствия других источников питания). Это – нарушение одной из тех этических основ, лишь твёрдо стоя на которых, человек имеет право именоваться человеком.

Отношение к охоте

Охоту или рыбную ловлю, то есть, убийство животных и рыб, люди оправдывают разными доводами, например таким: в животном мире всё основано на взаимопожирании, с какой же стати человеку быть исключением? Или: охота делает нас частью природы, закаляет, укрепляет характер, волю, тренирует находчивость и мужество. Но эти и другие доводы разбиваются о простой человеческий постулат: у людей абсолютно нет никакого права умышленно и без необходимости приносить страдания и смерть другим живым существам. Если не умеешь иными путями ощущать себя частью природы – и не ощущай. Лучше оставаться совсем «вне природы», чем быть среди неё извергом. Потому что человек, входя в природу с ружьём и сея вокруг себя смерть ради собственного развлечения, становится жалким игралищем того, кто изобрёл смерть, изобрёл закон взаимопожирания и кто жиреет и разбухает на страданиях живых существ.

Кто-то скажет: «Что – звери, кругом люди гибнут миллионами, а мы должны переживать по убитым белкам и рябчикам!» Но послушайте, какое отношение имеют все наши человеческие безобразия к вопросу о животных? Почему животные должны погибать ради забавы лишённых сердца бездельников, пока человечество утрясёт, наконец, свои социальные дела и займётся на досуге смягчением нравов? Какая связь одного с другим? Разве только та, что, пока человечество терзает само себя войнами и тираниями, общественная совесть будет слишком оглушённой, пришибленной и суженной для того, чтобы чувствовать всю гнусность охоты и рыбной ловли.

Охота допустима в тех случаях, когда она продиктована необходимостью: в добывании жизненно-необходимой пищи, одежды, а также при уничтожении хищников. Но охота-спорт подлежит безоговорочному упразднению. Кто бы и сколько бы ни воображал себя частью природы, все эти ощущения не стоят одного взгляда угасающих глаз подстреленного тобой гуся. И все увёртки лукавствующего ума опровергаются одной

короткой фразой Тургенева. Сам страстный охотник, он был честен и высказал твёрдо и ясно, что охота не находится с любовью к природе ни в какой связи: «Природой на охоте я любоваться не могу – всё это вздор: ею любишься, когда лежишь или присядешь отдохнуть после охоты. Охота – страсть, и я, кроме какой-нибудь куропатки, которая сидит под кустом, ничего не вижу и не могу видеть. Тот не охотник, кто ходит в дичные места любоваться природой».

О паразитах

О паразитах следует сказать особо. Эти простейшие существа с трансфизической точки зрения, как и большинство других насекомых, имеют коллективные души. Они крайне отстали в своём развитии. Тут даже не простое отставание, а активная их демонизация. Гагтунгр не только расплющил их и раздробил, но и сделал над ними насилие, лишив их индивидуальных шельтов. Таковы, например, большинство насекомых, не говоря уже о простейших. Индивидуальный шельт мухи или, например, пчелы – это, если так можно сказать, только малюсенькое вздутие на поверхности сферы коллективной души. При гибели пчелы или мухи в Энрофе, это вздутие втягивается опять в общую сферу роя или мушиного множества. Мир коллективных душ насекомых и простейших называется Нигойда: там эти коллективные души, особенно пчёл и муравьёв, разумны, внешним видом схожи с обликом существ, их воплощавших в Энрофе, но светлее и больше размером. Некоторые из них, правда пока немногие, поднимаются выше, в Хангвиллу, и там становятся прекрасны и мудры, у них появляются даже царственность и великолепие. Хангвилла – своеобразный великий общий затомис всего животного царства, и оттуда звериные просветлённые души поднимаются через Файр уже в самый Уснорм, где принимают участие в вечном богослужении Шаданакара. Теперь же паразиты прозябают и жиреют за счёт существ высшей сравнительно ценности: животных и человека. Поэтому мы вправе их истреблять, ибо другого выхода на данном этапе нет.

Просветление животных

Хищники существуют за счёт смертей существ той же ценности, то есть животных, и за счёт человека, существа высшей ценности. Те виды хищников, изменить хищную природу которых мы не в состоянии, постепенно должны быть в Энрофе истреблены. Постепенно – не потому только, что иначе это неосуществимо, но и потому, что в будущем могут обнаружиться средства к изменению даже их природы.

Безусловно, природа многих хищных видов, особенно среди высших млекопитающих, может быть совершенно изменена. Достаточно вспомнить собаку, этот бывший волк ныне способен совсем обходиться без мясной пищи, и при этом человек никогда не ставил себе задачи сделать собаку вегетарианцем. На полурастительную пищу собака была переведена из хозяйственных соображений, но успех этого мероприятия указывает на перспективы в этой области, едва ещё приоткрывающиеся нашему опыту.

Человечеству следует оказать животному царству активную помощь в деле его совершенствования, в сокращении сроков этого совершенствования. Это значит, что в будущем надо установить «мир» между человеком и всеми животными, исключая хищников, системно заняться перевоспитанием некоторых хищных видов, ускорить умственное и духовное развитие некоторых высших видов животного царства.

На развитие зоопсихологии в будущем придётся выделять немалые средства. Возникнет

новый отдел знания – зоогогика, то есть педагогика животных. В итоге тщательного изучения будут выделены такие виды хищников, которые, подобно собаке и кошке, могут быть перевоспитаны. Как, например, бывший волк стал способен к усвоению растительной пищи, и это при том, что человек не заглушал, а, напротив, развивал в нём кровожадный инстинкт в интересах охотничьей и сторожевой службы. Если бы не это, какую весёлость, кротость, доброту наблюдали бы мы теперь в собаке в придачу к её преданности, отваге и уму! И какие могут быть сомнения в том, что подобная работа над многими хищными видами, работа людей, вооружённых знанием психологии и физиологии животных, педагогики, а главное – силой любви, сможет перевоспитать, физически и умственно усовершенствовать, смягчить, преобразить их?

Уже теперь собака в состоянии запомнить до двухсот слов. И запомнить не механически, как попугай, но вполне отдавая себе отчёт в их смысле. Это существо воистину колоссальных возможностей. Её развитие достигло того рубежа, когда вид совершает стремительный рывок вперед. От нас самих зависит, чтобы этот коренной сдвиг произошёл на наших глазах, чтобы неприспособленность некоторых органов собаки не затормозила его на столетия. Появление речи у собаки тормозится не общим её интеллектуальным уровнем, а чисто механическим препятствием – из-за неблагоприятной структуры органов, необходимых для речи. Общее её развитие тормозится ещё одним препятствием: отсутствием у неё хватательных конечностей, вернее – неприспособленностью её лап к тем функциям, которые у нас выполняют руки. В дальнейшем разовьётся ещё одна отрасль физиологии животных: наука о средствах биохимического воздействия на зародыш в направлении таких структурных его изменений, которые необходимы для ускоренного развития органа речи и для превращения передних лап в руки. Овладение же речью, хотя бы в объёме нескольких десятков слов, обратно воздействует на темп общего умственного развития, и через сотню лет люди будут иметь поразительного друга, сократившего, благодаря их помощи, предназначенный ему путь до расстояния в несколько генераций вместо сотен тысяч лет.

Следующими кандидатами на путь ускоренного развития будут, вероятно, кошка, слон, медведь, может быть, некоторые виды грызунов. Лошадь, в умственном отношении продвинувшаяся весьма далеко, а в этическом имеющая несомненные преимущества перед кошкой и даже собакой, обладает, к сожалению, свойством, мешающим её скорому вступлению на этот путь: копытностью. То же самое относится к оленю и буйволу. У слона, обладающего изумительным хватательным органом, имеется другое тормозящее свойство: его размеры, требующие громадного количества пищи. Возможно, впрочем, что наука найдёт способы уменьшения его размеров и этим устранил основное препятствие к его стремительному умственному развитию. Можно полагать, что необыкновенное обаяние слона не убавится, если он, обладая даром речи, размерами не будет превышать нынешнего слонёнка.

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

Что касается не живых зверей, а некоторых детских игрушек, например, всем известных плюшевых мишек, зайцев и тому подобных безделушек, Андреев утверждает, что они, при определённых условиях, обретают живую душу, оживают.

В детстве свои игрушки любит каждый из нас, и каждый испытывает тоску и боль, когда начинает понимать, что это – не живые существа, а просто человеческие изделия. Но здесь есть радостная весть и заключается она в том, что дети правы, свято веря в живую природу своих игрушек. Нашим высшим разумом мы могли бы в этих случаях наблюдать

совершенно особый процесс творения. Сначала у такой игрушки нет ни эфирного и астрального тела, ни шельта, ни, само собой разумеется, монады. Но чем больше любим мы плюшевого медвежонка, чем больше изливаем на него из своей души нежности, тепла, ласки, жалости и доверия, тем плотнее сосредоточивается в нём та тончайшая материя, из которой создаётся шельт. Постепенно он создаётся и в самом деле, но ни астрального, ни эфирного тела у него нет, и поэтому тело физическое – игрушка – не может сделаться живым. Но когда игрушка, полностью насыщенная бессмертным шельтом, погибает на земле в Энрофе, совершается божественный акт, и созданный шельт связывается с юной, только что появившейся из Отчего лона монадой. В слое Эрмастиг, среди душ высших животных, облечённых в астрал и эфир, появляется изумительное существо, для которого именно здесь должны быть созданы такие же облачения. Существа эти поражают не красотой и тем более не величием, а той невыразимой трогательностью, какой размягчает наши суровые души вид зайчонка или оленёночка. В Эрмастиге эти существа тем прелестнее, что даже в соответствовавших им игрушках никогда не было ни капли зла. Они чудесно живут там вместе с душами настоящих медведей и оленей, получают там астральное тело, а потом поднимаются в Хангвиллу, как и все остальные.

ПРАРОССИАНСТВО

Естественно, что внутренняя мистическая жизнь русского православия на протяжении веков была связана с общехристианским трансмифом и с теми иерархиями и сущностями, которые почитались русской Церковью: с Логосом (Богом), с Богородицею, с ангельскими чинами и святыми отцами. Христианский миф пронизывал и окутывал духовную жизнь русского общества, сказываясь во всех областях культуры – начиная от письменности, фасона и покроя одежды и кончая орнаментами на посуде и фасадах домов. Но при ближайшем рассмотрении здесь можно легко обнаружить огромный пласт таких образов, какие не имеют прямого отношения к христианству, его идеологии. Жар-птица из народных сказок, богатыри из наших былин, архитектурные особенности русских теремов, стилизованные петушки и фантастические звери, украшающие печи, прялки и коньки изб, травчатые узоры на тканях – всё это, и многое другое, не вписывается в христианский миф. Этот особый пласт образов относится к дохристианской славянской мифологии.

Христианский миф появился позже, и хотя он был очень мощный, но так и не сумел на протяжении тысячи лет победить (или ассимилировать) славянскую мифологию. Произошло другое: параллельное сосуществование двух мироотношений, некое разграничение сфер проявления. Христианское мироотношение сразу стало общегосударственным и начало вытеснять славянское из целого ряда областей жизни, и прежде всего – из общественной мысли. Однако славянство не исчезло, оно ушло в фольклор, в низовое и прикладное искусство, в народные обряды и заговоры, в быт. Продемонстрировав феноменальную живучесть славянская культура тем самым подтверждает, что славянский миф коренится в таких глубинных чертах народной психологии, которые органически присущи народу и неистребимы во времени. Существование славянского мифа связано с проявлением творчества иерархий. Просматривается в славянском мироотношении ещё и другой слой, преимущественно эстетический. Творческая радость, которую испытывали художники и мастера при создании этой орнаментики, этих сказок и этих теремов, так и пышет нам в душу при малейшем к ним прикосновении. Разлитая в них любовь к миру и природе говорят о том, что сам демиург помогал человеческим душам создавать эти произведения.

Это мироотношение приходится теперь извлекать из-под пластов христианского мифа либо

при помощи кропотливого научного анализа, либо путём метаисторического созерцания и размышления. Мироотношение это Андреев назвал прароссианством. И прароссианство есть, в сущности, не что иное, как первая стадия развития мифа российского сверхнарода. Общий трансмиф христианства сам по себе не противоречит, и не может противоречить, трансмифам любых сверхнародов, а славянского в особенности, потому что высочайшей реальностью христианского трансмифа является такой высоты вершина, которая как бы покрывает трансмифы всех сверхнародов Энрофа. В исторической перспективе христианский миф будет взаимно дополняться мифами других сверхнародов, сливаясь с ними в гармоническое целое. Но в историческом прошлом христианский миф как бы застлал собою миф российского сверхнарода, в котором довлела формула: «Мир лежит во зле». И любовь к этому миру, детская жизнерадостность, солнечная весёлость и непосредственность едва осмеливались обнаруживать своё существование в яркой раскраске утвари, в сказочно-игрушечном, в смеющемся стиле изразцов или резьбы, в задних планах икон, где цветы, небесные светила и сказочные звери создают удивительный фон, излучающий трогательно чистую, пантеистическую любовь к миру. Слабые ростки исконно национального мироотношения чувствовали себя неудобно. В условиях аскетизма христианства довлел монашеский аскетизм. И творческой деятельности Дингры отводились самые низы человеческой жизни. Соприкосновение духовности с физической стороной любви казалось кощунством: в брачную ночь иконы плотно завешивались, ибо любовь, даже освящённая таинством брака, считалась грехом. И душа, улавливавшая веяние иерархий сверхнарода и стихий, не осмеливалась даже отдать себе отчёт в бытии этих иерархий, не нашедших места в христианском пантеоне, не одобренных церковным авторитетом. Истины богопознания и миропознания казались исчерпанными двумя Заветами и учением отцов Церкви, и всякая самостоятельная работа мысли оказалась бы подозрительной, едва ли не еретической.

Довлело отношение к искусству как к второстепенному виду выражения всё тех же истин христианского мифа. И светская живопись не возникала, скульптура представлялась язычеством, поэзия прозябала в границах фольклора, танец едва терпелся даже в виде чинных хороводов, а зачатки театральных действий жестоко выкорчёвывались.

Прароссианство и православие практически разделены.

В таких условиях прароссианство не могло сложиться ни в какую автономную систему, ни в какое учение. Оно даже не могло осознать своего собственного существования. Для такого осознания необходимо наличие хоть какого-нибудь стержня, оси, какого-нибудь центрального образа, принадлежащего данному мифу, а стержня такого не было.

И тем удивительнее, что прароссианство всё-таки не было уничтожено в таких условиях. Больше того: создаётся впечатление, что кто-то всё время, век за веком, оберегал слабые грядки прароссианства. Демиург, сам причастный христианскому трансмифу, но свободный от человеческой ограниченности, берёт эту область потенциалов народного духа для далёких, великих веков; он сам оплодотворял её своим дыханием, сама Навна питала её мерцающей духовной росой.

Но ещё более глубокая мудрость, мудрость жертвенного самоограничения сказывается в том, что Ярсвет не дал прароссианскому мифу возможности буйного роста, мощного цветения. К чему это могло бы привести? Если бы прароссианство сложилось бы в систему и стало бы претендовать на роль господствующей идеологии – его ждала бы страшная, не на жизнь, а на смерть борьба с христианским мифом. Но этого не произошло, потому что обе стороны драгоценны для русского сверхнарода и они сыграют ещё свою роль в будущем.

Для проживания и сохранения российского сверхнарода Россия объединила огромное пространство, состоящее из пустынь, тундр, плодороднейших густонаселённых областей, огромных городов и необозримой тайги. Расширение территории произошло не сразу. Экспансия на Восток началась в XVI веке и продолжалась в XVII столетии. И нет вразумительного ответа, почему это произошло, какими социально-экономическими причинами объясняется, что русский народ, проживая на громадной, необжитой ещё Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет, без помощи государства, усилиями исключительно частных людей, занял территорию в три раза превышающую размеры его родины! А в следующем столетии перешагнул через Берингово море и дотянулся до американской Калифорнии!

Конечно, жестокое крепостное право вынуждало тысячи людей убегать в восточные, незаселённые окраины, где им приходилось изыскивать средства к существованию. Но разве Урал и Западная Сибирь не были достаточно обширны, чтобы вместить и прокормить всё это беглое население? Разве нельзя было остановиться на Оби, на Иртыше, на Ангаре, где никаких помещиков не было? Но люди двигались дальше и дальше, неизвестно зачем и неизвестно куда, через широкие реки и непролазную тайгу, через территории, занятые туземцами. Почему несметные богатства Сибири и Дальнего Востока не освоили, например, более развитые китайцы, обитавшие рядом?

На все эти вопросы невозможно добиться ответа потому, что современная наука не принимает во внимание фактор, заключающий в себе истинный ответ. Это тот самый фактор, который, в его нарочито упрощённом понимании, принято называть психологическим, и без учёта которого вся история превращается не только в мёртвую схему, но в прямую подделку науки – подделку, прикрывающую свою неспособность отвечать на элементарные вопросы или же отвечать догматическими разглагольствованиями. Или просто делать вид, что этих вопросов не существует.

Так что же это за непреодолимая сила, увлекавшая людей идти дальше и дальше? Ответ следует искать в метаисторических вещах. Да, инвольтация (трансфизическое воздействие, побуждение) демиурга происходит не только в форме некоего озарения или потока новых образов. Отнюдь, такая форма инвольтации явление далеко не частое и предполагает готовую развитую личность, яркую индивидуальность, способную талантливо выразить эту инвольтацию земными образами. Воздействие демиурга на простого человека имеет совсем иные пути. В душе простого человека под воздействием демиурга не произойдёт озарения, простой человек не может «вместить» в себя ни масштабных идей, не может увидеть и исторических перспектив, нет, здесь происходит другое: демиург поднимает из глубин души простого человека грозный и непререкаемый зов Бессознательного. Голосами Бессознательного говорят с простым человеком и другие иноматериальные сущности: каросса, уицраор, Соборная Душа народа и даже Велга. Они внушают необходимость тех или иных деяний. А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились только к одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить и закрепить за российским сверхнародом грандиозные и богатые пространства. Ни один казак, ни один сибирский завоеватель этого, конечно, даже приближённо не понимал. Перед каждым возникала не эта общая великая цель, а мелкая, частная, конкретная: бороться за своё существование путём устремления на Восток за горностаем, за белкой, за соболем. И хотя всего этого имелось в изобилии в уже захваченных местах, нечто необъяснимое толкало человека дальше и дальше. Остановиться, осесть навсегда в новом месте мешали дикие запахи с неведомых пустошей Востока, курлыканье журавлей, трубные клики оленей, синеватая дымка, затуманивавшая дремучий лесной горизонт. Даже само солнце мешало этому, поднимаясь

над таинственными восточными просторами, словно указывая путь и цель. Главное же – мешала собственная кровь, учившая именно так понимать голоса ветра и солнца, зверей и птиц, кровь, гудящая по жилам властным призывом вдаль, внеразумным и провиденциальным хмелем бродяжничества.

Показательно, что демон государственности, уицраор, долгое время оставался в стороне от движения землепроходцев. Занятие русским народом огромных земель на Востоке происходило без участия государства. Когда это движение началось, время существования первого уицраора клонилось к концу, ему было уж не до Сибири. Второй же Жругр на протяжении всех трёх столетий своего существования понимал просторы Азии только как второстепенную статью государственного дохода. Он так и не понял, зачем собственный народ обременил его Сибирью и Дальним Востоком. И когда пушной промысел перестал играть в государственных доходах заметную роль, Сибирь превратилась в место ссылки, а Русская Америка была продана. А на Тихом океане вплоть до XX века так и не появилось ни военного, ни гражданского флота.

По отношению к освоению Сибири Пётр I бессознательно понимал даже больше, чем демон государственности. Он понимал, например, что для чего-то нужно осуществить такое грандиозное предприятие, как Великая Северная экспедиция. Подобного не замыслил и не проводил ни один европейский монарх ни в XVII, ни в XVIII, ни даже в XIX столетии. Нет данных, однако, предполагать, что Пётр ясно отдавал себе отчёт в смысле и цели такого затратного предприятия. А бросать деньги на затеи, не сулящие большой государственной выгоды, Пётр не любил. Но дело в том, что Пётр I был не только проводником воли демона государственности, через него больше, чем через всех других русских государей нового времени, водил демиург, и если мы откажемся видеть плоды его инспирации в целом ряде деяний Петра, мы ничего не поймём в русской истории последних столетий.

Занятие русскими людьми обширных североазиатских пространств говорит о стремлении демиурга поскорее осуществить эту задумку, он явственно торопил этот процесс. Но почему? Чтобы не опередили другие? Но кто? Китай? Но Китай до XX века не мог овладеть как следует даже Маньчжурией. Англия? Но Англию Сибирь не привлекала ни раньше, ни после. Япония, Соединенные Штаты? Но экспансия этих государств началась только на рубеже XX века.

Мы тоже не можем знать, во избежание какого зла демиург ускорял закрепление за своим сверхнародом этих территорий. Предвидел ли он всё же возможность их захвата каким-нибудь чужеземным завоевателем, или опасался возможности образования в Сибири самостоятельного сильного государства, что повлекло бы за собой цепь лишних трудностей, жертв, кровопролитий? Всё это предположения, но для метаисторика очевидно, что превращению России из окраинной восточноевропейской страны в великую евразийскую державу Яросветом придавалось особое значение. Возможно, эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явится XXI или XXII век.

БОРЬБА С ДУХОВНОСТЬЮ

Страны с высоким материальным уровнем жизни проигрывают бедным странам по духовному развитию своих обществ. Материальный достаток – безусловно ценность, это та самая броня внешнего благополучия, которая даёт возможность спокойно созреть и плодоносить семенам души. Но провозглашать получение материального достатка и освоение природных ресурсов только ради обеспечения материального изобилия

человечества – это или трагическая ошибка, или обман.

В человеческом существе – не в физическом его теле только, но во всём сложном, разноматериальном конгломерате его существа – заложены такие потенции, развитие которых бесконечно раздвинуло бы возможности человека и совершенно изменило бы соотношение между человеком и пространством, человеком и временем, человеком и природой, человеком и другими слоями бытия. Способность к полёту, например, к преодолению пространств с невообразимой скоростью, к общению на больших расстояниях, к прохождению сквозь плотную среду, к преодолению болезней, к продлению срока человеческой жизни в два-три раза, к встречам с существами других слоёв, к созерцанию трансфизических панорам, к восполнению жизненных сил не через пищу, а через впитывание излучений светлых стихий и через вдыхание благоуханий – все эти способности покоятся в зачаточном состоянии в каждом человеке. Если бы миссия Христа не была оборвана, человечество получило бы могучий импульс к эволюции именно по духовному пути. Но тот, кто оборвал жизнь Христа, продолжал свою сатанинскую деятельность. Он приложил немало сил, чтобы глушить все побеги духовности и способствовал бурному росту научной и технической мысли.

Да, тёмные силы заинтересованы в развитии науки и поддержке научной мысли. Дело в том, что без высочайших достижений техники невозможно объединение человечества, а без этого объединения невозможно и установление всемирной абсолютной тирании. Но поскольку всеобщее объединение людей необходимо и для Провиденциальных сил, они вынуждены, со своей стороны, форсировать движение человечества по научно-техническому пути. Такова метаисторическая диалектика. И силы Света предпринимают свои усилия для того, чтобы направить научную мысль в нужное русло, минимизировать угрозы для людей от открытий и изобретений. Сознание и воля учёных – такое же поле битвы Света и Мрака, как и всё в Шаданакаре. И в то время, как одухотворённый разум Энштейна, Планка, Кюри, совершавших подвиги своих грандиозных открытий, просвещался и озарялся инспирацией даймонов (посланников Света), разум изобретателей шестиствольных миномётов, термоядерных бомб, аппаратов подслушивания и межконтинентальных ракет направлялся в своих усилиях невидимыми слугами Люцифера и Гагтунгра.

Да, прогресс неотвратим, развитие техники неизбежно и оправдано потому, что без него невозможно ни объединение человечества, ни установление того всеобщего материального уровня, которого достоин человек. Но горе тем, кто позволит технике властвовать над своей душой.

Закономерно, что Доктрина изначально обратила свой взор на пролетариат, избрав его будущим гегемоном. Утверждалось, что пролетариат не создаёт духовные ценности якобы потому, что он бесправен, угнетён, задавлен, нищ, сир и наг. Наивные энтузиасты веровали, что, освободясь от эксплуатации и придя к власти, этот класс создаст такие высшие ценности, перед которыми померкнут все шедевры прошлого. Но так ли это, что нам показывает история?

Феодальная аристократия эксплуатировала народ, но объём культурных ценностей, созданных этим классом, огромен. А культурное творчество буржуазии составляет едва ли не большую часть того, что мы теперь называем культурным наследием.

Крестьянство оставалось на социальном дне, но всё же и оно создало песни и сказки, орнаменты и легенды, художественные ремёсла и фольклор. А что создал правящий рабочий класс? Уже пятое десятилетие рабочий класс остаётся гегемоном, но, кроме ценностей материального порядка да всевозможных производственных усовершенствований он ничего не создал. На это могут возразить: а как же рабочая интеллигенция, то есть выходцы из рабочей среды, становящиеся инженерами,

экономистами, юристами, учёными, литераторами? Но это уже не рабочий класс, это те, кто его перерос, кому нечего больше делать в этой среде. Монах, расписывавший фресками храм, оставался монахом, помещик, писавший у себя в усадьбе или в своём городском доме романы, поэмы и картины, оставался помещиком, буржуа, посвящавший свой досуг искусству и науке или предававшийся меценатству, оставался буржуа. И крестьянин, сочинявший былины или искусно расписывавший домашнюю утварь, оставался членом своего класса. Но рабочий, становящийся интеллигентом, перестаёт быть рабочим. Духовной продукции рабочего класса не существует вовсе, а его интеллектуальная продукция ничтожна. Рабочий класс – не венец человечества, а его трагедия, грозное напоминание о том, что миллионы людей, выделенные неким учением в гегемоны, потенциально ничем не отличаются от остального полноценного общества. Более того, они осуждены этим своим новым положением на духовное скопчество, на культурное вырождение, смягчаемое лишь тем, что эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают всего ужаса своего положения. Рабочие промышленных предприятий утрачивают связь с матерью-землёй, становятся психически искалеченными вечной вознёй с машинами. Поклонники красот индустриального пейзажа и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они как огня боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошённостью. Природа для них мертва, философия – смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них высокомерную насмешку невежд. И только наука вызывает чувство инстинктивного уважения, как нечто, бесспорно высшее, чем они. Закономерно и логично, что именно эту человеческую формацию Доктрина возвела на пьедестал, именно она возносится, как якобы самый ценный из человеческих слоёв, как образец, коему должны по мере сил следовать все остальные.

Смысл индустриализации – одного из главнейших мероприятий государства в 20-х и 30-х годах нашего века – отнюдь не исчерпывается тем, что эта мера усилила обороноспособность страны, одновременно поднимая, хотя и черепашьими темпами, её материальный уровень. Смысл индустриализации ещё и в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился один иностранный журналист, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, который был до этого свойственен рабочему классу: психологический режим, при котором всё расценивается мерилom практической полезности – все чувствуют себя винтиками в гигантской машине. Постепенно это становится нормой, со временем вырождается искусство, литература становится государственной проституткой, а культурное наследие опошляется, этика выхолащивается – устанавливается психологический режим бездуховности...

Но какими бы прочными ни были позиции, занятые Доктриной в битве за человеческие души, внутри, в самой их глубине продолжает протекать, почти невидимая постороннему глазу, борьба провиденциального начала с теми, кто пытается его искоренить.

О ЛУНЕ

Почти миллион лет назад закончилось развитие лунного человечества – селенитов. Интуиция писателя-фантаста Уэллса о внешности этих существ, описанных в его увлекательном романе, – поразительна, в особенности, если учесть рационалистическую окраску и наукообразную плоскостность его мышления. Он угадал и общую насекомообразность их облика, и мягкоэластичный характер их физических тканей, и

способность их тел к видоизменению формы в зависимости от рода деятельности, и высоты их технических достижений, и даже то, что к концу их цивилизации была отчасти использована и внутренность планеты.

Трагедия селенитов заключалась в их поражении от лунного демона женственной природы – Воглеа. Может вызвать недоумение, каким образом в этой рассудочной цивилизации проявилась деятельность именно женственно-демонического начала? Но существует особая разновидность рассудочности, именно женская, и далеко не везде она выражена так слабо, как в нашем человечестве. У селенитов она проявилась с особой силой и сказалась, в частности, в том, что их техника была по своим принципам гораздо магичнее, чем человеческая.

Этапы духовной и культурной деградации селенитов были таковы: дьяволочеловечество – вырождение – гибель под грузом техники. Их прогрессирующая бездуховность привела к тому, что селениты, дичая, не могли справляться с собственными машинами и погибли от холода и голода. Но в состав Лунной брамфатуры мир Воглеа входит до сих пор.

Чрезвычайно долго он находился в своеобразной полуизоляции, враждуя и с силами Света, и отчасти с Гагтунгром. Но в последнее время между ним и планетарным демоном Шаданакара наметился компромисс и даже союз – консолидация сил ради изгнания из Шаданакара начал Света. Один демонический слой Шаданакара, Дуггур, тесно связан с эманациями Воглеа.

В Лунной сакуале существуют три слоя, которые противостоят миру Воглеа. В слое Сольдбис обитает множество просветлённых существ, тех, кто в своё время трагически отстал, пребывая в Энрофе. Теперь они здесь в этом слое очень медленно проходят постепенное исправление и просветление.

Другой мир – Лаал, лунная элита. И, наконец, третий, светлейший из лунных миров – Танит, обитель лунной богини.

Если тонким анализом разложить на составные пряди то, что люди чувствуют в лунные ночи, то мы убедимся в наличии следующих компонентов нашего переживания. Первый: предчувствие гармонии – это действуют на нас Сольдбис и Лаал. Второй: тончайшая тоска о горнем – это зовёт нас к себе Танит. И третий: тяготение к сексуальным провалам – это нас томит и искушает Воглеа. Она боится Солнца и всегда прячется от его сияния на неосвещённой стороне Луны. Во время полнолуния нас достигают лишь ослабленные эманации Воглеа – те, что простраиваются сквозь толщу этой планеты. Но когда Луна идёт на ущерб, Воглеа перемещается вместе с мраком на ту её сторону, которая обращена к Земле. Вот почему так болезненно, мрачно и тяжело действуют на подсознательную сферу многих из нас лунный ущерб и ночи новолуния.

ТРАНСФИЗИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕАТРА

Общеизвестно отрицательное отношение христианской религиозности к театральному искусству. И как бы ни объясняли его историки культуры и даже религиозные деятели, на самом деле это вызвано было тем, что христиане с древних времён своим религиозным чутьём бессознательно ощущали соседство сценического искусства с некой метаисторической сущностью, которая связана отчасти с Лилит, а отчасти с демоническим миром Дуггур. А Дуггур связан с сексуальной сферой человечества. И хотя в средние века люди это не различали отчетливо, но испытывали перед его бесовскими излучениями страх, отвращение и стыд.

Театральное же действие, в собственном его смысле, может быть очень различно, даже полярно по своему трансфизическому значению. Шаляпин был глубоко прав, постясь и

молясь после исполнения роли Мефистофеля.

Все сценические действия, проводящие актёра и зрителя через катарсис – духовный подъём и хотя бы кратковременное просветление, – глубоко оправданы. Спектакли, лишённые катарсиса, вредны и для автора, и для исполнителей, и для зрителей.

Частное размышление,
навеванное «Розой мира»

Творчество – это, бесспорно, божье дело. Человек, сам по себе, только по своей воле, не может создать что-то гениальное или даже талантливое, ему нужна в этом помощь. Помощь не от людей, а свыше.

Давайте задумаемся, почему, к примеру, литературный критик или профессор филологии, которые знают о литературе всё, которые могут разобрать любое произведение, что называется, по буковке, и со знанием дела всегда объяснят, что значит то или иное слово, та или иная интонация, почему они сами-то не могут написать что-то совершенное и гениальное? Казалось бы, им и карты в руки! Но, как показывает жизнь, даже доскональное знание литературы не гарантирует человеку создание своего выдающегося произведения – при всём старании и желании! А тут же рядом малообразованный деревенский парень, по своим знаниям не годящийся и в подмётки литературному профессору, встанет утром с похмелья и напишет: «Не жалею, не зову, не плачу, всё пройдёт, как с белых яблонь дым...»

Дока от литературы искренне восхитится этими строками, обоснует, почему они гениальные, почему так задевают человеческую душу и почему они останутся в веках. И ... заплачет, потому что сам-то ничего подобного сотворить не сможет никогда.

Многие поэты утверждали (и отнюдь не из скромности), что это не они пишут свои стихи, а некто иной водит их рукой, как бы диктуя слова. Тот же Есенин однажды сказал про себя, что он всего лишь божья дудка. То есть, поэт осознавал, что он инструмент в чьих-то руках. Или наш классик Николай Некрасов, он как-то сказал, оправдываясь за своё слишком уж злое стихотворение, что пишет стихи не из головы по своей воле, а только тогда, когда уже не может их не писать – они преследуют его до тех пор, пока он не изложит их на бумаге. А сколько самых разных поэтов в своих стихах ссылаются на Музу – источник вдохновения, без которой они, якобы, не могут написать и строчки (помните у Высоцкого про Музу: «...Она ушла, - исчезло вдохновенье»). Если собрать воедино подобные свидетельства от самых разных творческих личностей, поневоле поверишь в существование некоей сущности, причастной к творчеству гениев, – не могут же столько разных людей, не сговариваясь, утверждать практически одно и то же. Но ведь вот если какой-то конкретный поэт начнёт очень серьёзно утверждать, что его посетил некий дух и надиктовал очередное стихотворение, – его сочтут за сумасшедшего. Может, поэтому творческие гении и придумали мифическую Музу и упоминают о ней легко и изящно. Или с юмором – как это сделал Высоцкий.

Но вот перед нами «Роза мира», в которой прямо утверждается: все великие творения (в самых разных сферах) создаются людьми с помощью потусторонних сил. И это утверждение Даниила Андреева тем вернее, что оно вполне согласуется с робкими догадками человечества о существовании неких помощников в светлых творческих делах. Попробуйте изучить эту тему поглубже, чтобы опровергнуть Андреева, ища аргументы против, – и у вас не получится! Более того, вы самым парадоксальным образом сами уверитесь в божественной, чудесной природе творчества.

Даниил Андреев в «Розе мира» утверждает, что главный смысл человеческой жизни заключается в творчестве. Вернее, в со-творчестве Богу, поскольку Бог – это великий творец. Если задуматься над этим, проанализировать свою жизнь, жизнь других людей,

порассуждать, то придется согласиться с этой прямо-таки революционной мыслью. Ведь человек, творя во имя и славу Его, становится, в той или иной мере, причастен к Богу, к Его природе. Творя, человек напрямую прикасается к божественной материи и сам, можно сказать, становится где-то богом, его частичкой. По крайней мере, в своем деле. Зная эту простую истину (что смысл жизни в творчестве), сколько людей обрели бы душевное спокойствие и смиренно и целеустремлённо занимались бы своим делом до конца своих дней. Ведь творчество – это не только стихи и проза, картины и музыка, творчество всегда присутствует в нашей жизни и может проявляться во всём, в любом деле – надо только отнестись к этому делу с любовью.

Хорошо, пусть так, говорю я себе, но какую пользу получаем мы, земные люди, от знакомства с плодами творчества гениев? Что конкретно, кроме эстетического удовольствия, можем мы получить от прочтения гениального романа или от прослушивания классической музыки? И после недолгого размышления прихожу к следующему. Произведения, к созданию которых причастны неземные силы, не устаревают, их можно познавать всю жизнь, всю долгую человеческую жизнь, и не надоест, поскольку каждый раз будешь находить в них что-то новое, свежее, удивительное, созвучное тебе на данный период твоей жизни. Создаётся впечатление, что такое произведение как бы живёт своей жизнью, меняется вместе с нами.

И какое это великое благо для людей – пользоваться плодами гениев, созерцая и познавая плоды творчества, к которым прикоснулась Божья воля, Божья рука. Такое творчество несёт в себе отсветы нездешних миров, разве это не чудо?! И не случайно люди к таким произведениям относятся с восторгом и любовью – как к божьей благодати. Зачастую это происходит неосознанно, интуитивно, но ведь это не отражается на самом произведении. И неважно, что это: роман или картина, музыка или архитектурное сооружение – чувства, вызываемые ими у людей, освящены светлыми силами из небесных стран. И это особо ценно. Любое гениальное произведение оставляет в нашей душе божью частичку, знакомясь с ним, мы прикасаемся к чуду, к человеческому воплощению чуда.

Вот такая простая мысль. Она появилась после прочтения «Розы мира» и кратко сводится к следующему: прикасаясь к талантливому, гениальному произведению, человек прикасается к Богу, к Его природе, потому, что на каждом таком произведении лежит Его печать, Его благословение и создано оно при помощи Его светлых сил. Это – как молитва.

Эти мои рассуждения вытекают из «Розы мира». И подобные размышления могут «расти» из неё на самые разные темы. Мне, например, интересна и такая: почему Муза в качестве своих «инструментов» зачастую выбирает таких людей, которые в обыденной жизни имеют плохой характер и вызывают у окружающих откровенное неприятие? Или почему многие таланты губит алкоголь? Неужели они слабее этого пагубного пристрастия? Почему положительный, умный и добропорядочный человек, сколько он не старайся, сколько не жди, не дождется «визита дамы» - то бишь Музы? Это загадка.

Но самое ценное здесь то, что в «Розе мира» есть ответы и на более заковыристые вопросы, например, там подробно рассказывается о влиянии тёмных демонических сил на человеческое творчество. Оказывается, не только светлые силы помогают людям творить, но и демонический стан не дремлет, создавая с помощью своих человекоорудий иезуитские произведения.

Надеюсь: То, что заставило меня написать и издать эту книгу, принадлежит светлomu стану...

Николай Николаев

СЛОВАРЬ

НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ И ИМЁН ИЗ «РОЗЫ МИРА»

Антикосмос – совокупность всех миров, создаваемых демоническими началами.

Брамфатура – комплекс слоёв, из которых состоит каждая планета нашей Галактики.

Гагтунгр – демон земной брамфатуры, сподвижник Люцифера

Гаввах – тонкоматериальное излучение человеческого страдания, выделяемое нашим существом как при жизни, так и в нисходящем посмертии.

Гашшарва – слой демонического антикосмоса, гнездилище могущественных демонических сил.

Даймоны – высшее человечество Шаданакара.

Демиурги – все, кто творит во славу Божию, из любви к миру и его Первоотцу.

Дингра – одно из проявлений Лилит, играет огромную роль в возникновении русского народа, возобновляет и укрепляет его живую материальность.

Друккарг – шрастр (см. шрастры) Российской метакультуры.

Дуггур – один из слоёв демонических стихиаблей.

Жругр – имя российского уицраора.

Затомисы – высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны.

Звента-Свентана – великая богорождённая монада, выразительница Вечной

Женственности, Невеста Планетарного Логоса.

Игвы – главная из рас античеловечества. Высокоинтеллектуальные демонические существа, обитатели шрастров.

Ирольн – слой, в котором обитают монады человечества.

Кароссы – локальные, связанные с отдельными нациями или сверхнародами проявления великой стихиабли человечества, Лилит.

Каррох – плотное органическое тело некоторых видов демонических существ (например, игв и раруггов).

Лилит – великая стихиабль человечества.

Метаистория – совокупность процессов, протекающих в иных слоях иноматериального бытия.

Метакультура – многослойные сегменты Шаданакара, принадлежащие какому-то одному сверхнароду.

Мировая Сальватэрра – наивысшая сакуала Шаданакара.

Миф – осознание сверхнародом некоей второй реальности (трансмифа)

Монада – высшее Я человека, первичная, неделимая и бессмертная духовная единица.

Монсальват – затомис Северо-Западной метакультуры.

Мудгабр – шрастр Северо-Западной метакультуры.

Навна – богорождённая монада, одна из Великих Сестёр, Идеальная Соборная Душа

Российской метакультуры.

Планетарный Логос – великая богорождённая монада, выразительница Бога-Сына, божественный разум нашей брамфатуры, древнейшая, самая первая из всех её монад, выразившая себя в человечестве Иисусом Христом.

Родомыслы – исторические деятели, оказавшие могучее и благотворное влияние на судьбы народа или государства и руководимые в своей деятельности вдохновляющим влиянием народоводительствующих иерархий.

Сакуала – система двух или нескольких разноматериальных слоёв, тесно связанных между собою структурно и метаисторически.

Сверхнарод – отдельная нация, либо совокупность наций, объединённых общей, совместно создаваемой культурой, которая имеет высокую степень индивидуальности и яркости.

Сияйра – все виды материальностей, созданные или создаваемые Провиденциальными силами.

Синклиты – множество просветлённых человеческих душ, обитающих в затомисах метакультур.

Стихиали – богосотворённые монады, проходящие свой путь становления в Шаданакаре, преимущественно сквозь царства природы.

Трансмиф – вторая реальность, которую чувствуют все сверхнароды и которая служит объектом художественного и философского осознания и постижения.

Уицраор – демон великодержавной государственности.

Урпарп – осуществитель демонического плана нашей вселенной, одна из «ипостасей» великого демона Земли Гагтунгра.

Хохха – экстатическое состояние, при котором человек вступает в осознанное общение с высокими демоническими силами.

Фонгаранда – слой пребывания шельтов великих творений архитектуры.

Шавва – тонкоматериальное излучение некоторых состояний человеческой психики, связанное с чувствами «государственного комплекса».

Шаданакар – собственное имя брамфатуры нашей планеты.

Шельт – первое из материальных облачений монады.

Шрастры – инопространственные материальные слои, в которых обитает античеловечество.

Эгрегор – иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, партиями, религиозными общинами, обладают волевым зарядом, но лишены монад.

Эйцехоре – демоническая часть в каждом существе, чьё воплощение на Земле происходит при участии Лилит.

Энроф – имя физического слоя на земле, в Шаданакаре, в котором обитает человечество.

Ярсвет – богорождённая монада, один из великих демиургов человечества, народоводитель Российской метакультуры. Имя условное.